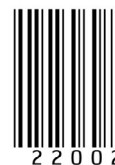

ISSN 2409-3793

ВЕСНІК

Магілёўскага дзяржаўнага
ўніверсітэта

імя А. А. Куляшова

НАВУКОВА-МЕТАДЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выдаецца са снежня 1998 года

Серыя D. ЭКАНОМІКА, САЦЫЯЛОГІЯ, ПРАВА

Выходзіць два разы ў год

2 (60)
2022

Галоўная рэдакцыйная калегія:

д-р гіст. навук прафесар Д. С. Лаўрыновіч (галоўны рэдактар)
д-р філас. навук прафесар М. І. Вішнеўскі (нам. галоўнага рэдактара)
д-р гіст. навук прафесар Я. Р. Рыер (нам. галоўнага рэдактара)
д-р экан. навук прафесар Н. У. Макоўская (старшыня рэдакцыйнага савета серыі D)
канд. гіст. навук А. У. Коласаў (адказны сакратар)

Эканоміка:

д-р экан. навук прафесар Л. У. Пакуш (Горкі)
д-р экан. навук прафесар С. А. Канстанцінаў (Горкі)
д-р экан. навук прафесар А. Р. Ефіменка (Магілёў)
канд. экан. навук дацэнт Т. Ф. Балашова (Магілёў)
канд. экан. навук дацэнт А. С. Жэсткова (Магілёў)

Сацыялогія:

д-р сацыял. навук прафесар Ю. М. Бубнаў (Магілёў)
д-р сацыял. навук прафесар Н. М. Беяковіч (Мінск)
д-р сацыял. навук прафесар Д. Г. Ротман (Мінск)
д-р сацыял. навук дацэнт М. Я. Ліхачоў (Магілёў)
канд. сацыял. навук дацэнт С. М. Ліхачова (Магілёў)

Правы:

д-р юрыд. навук прафесар В. М. Бібіла (Мінск)
д-р юрыд. навук прафесар А. Г. Цікавенка (Мінск)
д-р юрыд. навук прафесар В. Б. Шабанаў (Мінск)
канд. юрыд. навук дацэнт Л. Ф. Лазуціна (Магілёў)
канд. юрыд. навук дацэнт А. І. Пліско (Магілёў)
канд. юрыд. навук дацэнт А. Ф. Свіб (Магілёў)

*Навукова-метадычны часопіс “Веснік Магілёўскага дзяржаўнага
ўніверсітэта імя А. А. Куляшова” ўключаны ў РІНЦ
(Расійскі індэкс навуковага цытавання),
ліцэнзійны дагавор № 811-12/2014*

АДРАС РЭДАКЦЫІ:

212022, Магілёў, вул. Касманаўтаў, 1,
пакой 503, т. +375 44 716 34 97, vesnik_mdu@mail.ru

**MOGILEV STATE
A. KULESHOV UNIVERSITY
BULLETIN**

THEORETICAL-SCIENTIFIC JOURNAL

Founded in December 1998

Series D. ECONOMICS, SOCIOLOGY, LAW

Published twice per year

**2 (60)
2022**

Editorial Board:

Lavrinovich D. S., Chief Editor, Doctor of Historical Sciences, Professor
Vishnevsky M. I., Deputy Chief Editor, Doctor of Philosophical Sciences, Professor
Riyer Y. G., Deputy Chief Editor, Doctor of Historical Sciences, Professor
Makovskaya N. V., Chairman of the Editorial Committee (Series D),
Doctor of Economic Sciences, Professor
Kolosov A. V., Executive Secretary of the Editorial Board, Ph.D.

Economics:

Pakush L. V., Doctor of Economic Sciences, Professor (Gorky)
Konstantinov S. A., Doctor of Economic Sciences, Professor (Gorky)
Yefimenko A. G., Doctor of Economic Sciences, Professor (Mogilev)
Balashova T. F., Ph.D., Associate Professor (Mogilev)
Zhestkova E. S., Ph.D., Associate Professor (Mogilev)

Sociology:

Bubnov Y. M., Doctor of Sociological Sciences, Professor (Mogilev)
Belyakovich N. N., Doctor of Sociological Sciences, Professor (Minsk)
Rotman D. G., Doctor of Sociological Sciences, Professor (Minsk)
Lihachev N. G., Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor (Mogilev)
Lihacheva S. N., Ph.D., Associate Professor (Mogilev)

Law:

Bibilo V. N., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Minsk)
Tikovenko A. G., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Minsk)
Shabanov V. B., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Minsk)
Lazutsina L. F., Ph.D., Associate Professor (Mogilev)
Plisko A. I., Ph.D., Associate Professor (Mogilev)
Svib A. F., Ph.D., Associate Professor (Mogilev)

Theoretical-scientific journal
“Mogilev State A. Kuleshov University Bulletin”
is included in the bibliographic database
“Russian Science Citation Index”,
License agreement № 811-12/2014

The editorial board address:
212022, Mogilev, Kosmonavtov Str., 1,
room 503, tel. +375 44 716 34 97, vesnik_mdu@mail.ru

З М Е С Т

ВАНКЕВИЧ Е. В., ГОРОВОЙ С. О. Трудоустраиваемость выпускников на рынке труда: новые задачи системы образования в эпоху цифровизации	7
ГНАТЮК С. Н. Интеллектуальный потенциал вуза: проблема формирования и оценки	19
РОМАНЬКОВА Т. В. Методические подходы к оценке уровня развития энергетического потенциала Республики Беларусь.....	26
ВЕРЕТЕННИКОВА Е. С. Сотрудничество и интеграция участников цепей поставок региона: экосистемный подход	34
КОТЛЯРОВ И. В., ПОТАПЕЙКО П. О. Мусульманская диаспора Великобритании как социально-культурный феномен: историко-политические тренды.....	43
ЛИХАЧЕВА С. Н. Здоровье молодежи как предмет ее социальной защиты: социологический аспект.....	50
САКОВИЧ А. Ю. Социокультурные особенности сельского сообщества Республики Беларусь	57
НЕЙМАН К. П. Феномены телевизионного насилия и парасоциального взаимодействия в контексте конструируемой реальности СМИ.....	63
ДОВГУН С. И. Процессуальный статус и гарантии обеспечения прав, законных интересов лиц, совершивших общественно опасные деяния.....	71
СВИРИДОВ Д. А. Особенности проведения очной ставки по делам о незаконном предпринимательстве.....	79
ЛАЗУТИНА Л. Ф. Возможен ли допрос следователя как свидетеля в суде	85
ВНУЧЕНКОВА А. Ю. Основания возникновения и прекращения режима постоянного проживания иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь.....	90
КУЗЬМЕНКОВА Т. Н. Право на безопасность в информационной сфере в системе прав и свобод человека.....	97
РЫЖАНКОВ А. Ю. Перспективы совершенствования нормы об уголовной ответственности за служебную халатность	104
ТАГУНОВА К. Д. К вопросу о сущности заключения эксперта	112
ХОВРАТОВА С. Н. К вопросу о правовой природе брачного договора как средства регулирования семейных отношений	117
БУЯНОВА И. В. Анализ правовой природы института освобождения от уголовной ответственности	124
ЛАРЧЕНКО А. А. Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в системе наказаний зарубежных стран	130

C O N T E N T S

VANKEVICH E. V., GOROVOYS O. Employability of Graduates in the Labour Market: New Tasks of the Education System in the Age of Digitalization.....	7
HNATSIUK S. N. Intellectual Potential of the University: the Problem of Formation and Evaluation	19
ROMANKOVA T. V. Methodological Approaches to the Assessment of the Level of Development of the Energy Potential of the Republic of Belarus	26
VERETENNIKOVA E. S. Cooperation and Integration of Regional Supply Chains: Ecosystem Approach.....	34
KOTLYAROV I. V., POTAPEIKA P. O. Muslim Diaspora in Great Britain as a Socio-Cultural Phenomenon: Historical and Political Trends	43
LIKHACHOVA S. N. Youth Health as a Subject of its Social Protection: Sociological Aspect.....	50
SAKOVICH A. Yu. Socio-Cultural Features of Rural Community of the Republic of Belarus	57
NEIMAN K. P. The Phenomenon of Television Violence and Parasocial Interaction in the Context of Constructed Media Reality	63
DOVGUN S. I. Procedural Status and Guarantees of Ensuring the Rights and Legitimate Interests of Persons Who Have Committed Socially Dangerous Acts	71
SVIRIDOV D. A. Specifics of Conducting Confrontation in Cases of Illegal Business	79
LAZUTINA L. F. Is It Possible to Interrogate the Investigator as a Witness in Court.....	85
VNUCHENKOVA A. Y. Grounds for the Establishment and Termination of the Regime of Permanent Residence of Foreign Citizens and Stateless Persons in the Republic of Belarus	90
KUZMENKOVA T. N. The Right for Security in the Information Sphere in the System of Human Rights and Freedoms.....	97
RYZHANKOV A. Yu. Prospects for Improving the Regulation on Criminal Liability for Negligence.....	104
TAGUNOVA K. D. On the Essence of the Expert's Opinion Act.....	112
KHOVRATOVA S. N. On the Issue of the Legal Nature of Marriage Contract as a Means of Regulation of Family Relations	117
BUYANOVA I. V. Analysis of the Legal Nature of the Institution of Exemption from Criminal Liability	124
LARCHENKO A. A. Deprivation of the Right to Hold Certain Positions or Engage in Certain Activities in the Penal System of Foreign States	130

ЭКАНОМІКА, САЦЫЯЛОГІЯ, ПРАВА

УДК 331.53:378.183.063

ТРУДОУСТРАИВАЕМОСТЬ ВЫПУСКНИКОВ НА РЫНКЕ ТРУДА: НОВЫЕ ЗАДАЧИ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Е. В. Ванкевич

доктор экономических наук, профессор, проректор по научной работе
Витебский государственный технологический университет

С. О. Горовой

магистрант, преподаватель-стажер кафедры менеджмент
Витебский государственный технологический университет

В статье проанализированы основные показатели молодежного рынка труда Республики Беларусь, отмечены его ключевые особенности. Систематизированы существующие методики анализа трудоустраиваемости выпускников учреждений образования на рынке труда и исследования востребованных навыков. Проведен мониторинг трудоустройства выпускников дневной формы обучения УО «ВГТУ», в результате которого определены наиболее эффективные методы поиска работы; ключевые навыки молодых специалистов, обеспечивающие эффективную занятость; степень соответствия получаемых навыков требованиям нанимателей. Разработаны практические рекомендации для учреждений образования, молодежи и органов государственного управления в сфере занятости, реализация которых создаст основу для повышения эффективности использования человеческого капитала в национальной экономике.

Ключевые слова: трудоустраиваемость, рынок труда, выпускники, учреждения образования, молодежь, востребованные навыки.

Введение

Трудоустройство выпускников является одним из основных индикаторов эффективности образовательного процесса, его практикоориентированности, востребованности, учитывается во многих рейтингах учреждений высшего образования. Поэтому изучение результатов трудоустройства выпускников имеет важное прикладное значение. Практика показывает, что молодежь часто сталкивается с дополнительными трудностями на рынке труда: несоответствие полученного образования потребностям рынка труда, отсутствие опыта, нежелание работодателей принимать на работу молодых специалистов, несоблюдение условий труда и др. Специалисты считают, что рынок труда молодежи имеет свою специфику в механизмах формирования спроса и предложения на нем, и в институциональном строении [1; 2; 3; 4; 5], поэтому нуждается в более детальном исследовании. Это объясняется следующими обстоятельствами:

– высокий уровень безработицы среди молодежи – намного превышающий общий уровень безработицы в стране, то есть молодежь является достаточно уязвимой категорией населения на рынке труда. В Беларуси в 2020 г. уровень безработицы среди молодежи в возрасте 15–19 лет составил 22,1%, в возрасте 20–24

© Ванкевич Е. В., Горовой С. О., 2022

года – 10,8 % (для сравнения – в среднем по населению в трудоспособном возрасте – 4%) [6]. Сопоставление уровня безработицы и уровня занятости среди молодежи Республики Беларусь с аналогичными показателями в других странах (таблица 1) привело к выводу, что такая ситуация характерна для всех стран;

Таблица 1 – Уровень занятости и безработицы (общий и среди молодежи) в Республике Беларусь и странах мира в 2020 году, в %

Страна (группа стран)	Уровень занятости:		Уровень безработицы:	
	<i>общий</i>	<i>среди молодежи</i>	<i>общий</i>	<i>среди молодежи</i>
Европейский союз	59,2	46,0	7,1	12,5
Зона Евро	58,8	45,7	7,8	13,6
Бельгия	56,4	43,5	5,6	9,3
Чехия	64,2	45,2	2,6	5,3
Дания	65,6	60,4	5,6	10,7
Германия	67,5	60,9	3,8	5,3
Греция	49,0	29,0	16,3	29,3
Испания	53,6	32,4	15,5	28,3
Франция	56,1	43,3	8,0	15,2
Италия	50,7	29,0	9,2	22,0
Латвия	64,2	47,8	8,1	13,2
Польша	59,2	47,8	3,2	7,1
Швеция	67,2	56,9	8,3	13,0
Норвегия	67,1	62,0	4,4	8,1
Турция	44,7	38,1	13,2	21,7
Республика Беларусь	66,9	56,7	4,0	6,5

Источник: [7, с. 170].

– появление среди молодежи поколения NEET (молодежь, которая не учится и не работает), что является предпосылкой для формирования деструктивного поведения молодых людей;

– усиление несоответствий на рынке труда между полученной специальностью (квалификацией) и требованиями рабочих мест.

Указанные обстоятельства обусловили появление нового термина на рынке труда выпускников – трудоустраиваемость, которая характеризует эффективность перехода от учебы к работе.

В Республике Беларусь в соответствии с Положением о порядке распределения, перераспределения, направления на работу, последующего направления на работу выпускников, получивших послевузовское, высшее, среднее специальное или профессионально-техническое образование, утвержденным Постановлением Совета Министров Республики Беларусь 22.06.2011 № 821 (в редакции Постановления Совета Министров Республики Беларусь от 16.05.2014 № 470), ведется системная работа по организации трудоустройства выпускников и мониторингу их трудоустройства в течение двух лет после выпуска. В составляемой ведомости персонального учета распределения выпускника в учреждении образования аккумулируется информация о его распределении, соответствии рабочего места

выбранной специальности, прибытии на первое рабочее место и трудоустройстве. В Министерстве образования на основе отчетности подчиненных учреждений формируется общая база данных о трудоустройстве выпускников, которая затем отражается в национальной статистике.

Отмечая несомненные достоинства такой информации, правомерно выделить ряд направлений, по которым необходимо ее развитие в современных условиях:

- в данной информации содержатся данные о выпускниках, подлежащих распределению. Но распределению, в свою очередь, подлежат только выпускники, обучающиеся за счет средств государственного бюджета – в 2020 году за счет средств бюджета обучалось 44,3 % выпускников учреждений высшего образования, 62,5% выпускников учреждений среднего специального образования и % выпускников учреждений профессионально-технического образования (рассчитано по данным «Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2021», Минск, Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2021, с. 89, 93);

- учитывается только соответствие полученной специальности рабочему месту, но нет информации в разрезе полученных навыков, знаний, их применимости, достаточности (или недостаточности), что ограничивает возможности использования данной статистики в совершенствовании образовательного процесса;

- имеющаяся информация сформирована в виде, не позволяющем провести исследования связи между качествами выпускника, его навыками и эффективностью трудоустройства.

Основная часть

В экономической литературе можно выделить несколько методических подходов к исследованию трудоустраиваемости выпускников:

- исследования перехода от учебы к работе, включая методический подход МОТ, основанный «на формировании данных о потоках, которые показывают динамику рабочего опыта молодежи во времени» [1, с. 133] и построении матрицы переходов (матрицы потоков), показывающей количество молодых людей, переходящих из одного состояния рынка труда в другое [1, с. 137–147]. По данной методике Программой занятости молодежи МОТ (Work4Youth) проводилось международное обследование [8]. В отношении перехода от учебы к работе рассчитываются потоки занятых, безработных, неактивных молодых людей, получающих образование, неактивных молодых людей, не получающих образование, для оценки следующих показателей: доля выпускников, выходящих на рынок труда; вероятность получения работы сразу после окончания учреждения образования; ожидаемая продолжительность периода безработицы выпускников, выходящих на рынок труда; доля выпускников, нашедших работу в сфере формальной занятости сразу после школы; пр.;

- методический подход ЕФО, Cedefop, МОТ по отслеживанию трудоустройства выпускников («tracer studies») [7], который основан на опросе и в настоящее время широко используется во многих странах ЕС;

- изучение модели перехода на основе панельных данных мониторинга экономики и здоровья [2; 9];

- экспертные полуструктурированные интервью [3].

В зависимости от наличия эмпирических данных и целей исследования в различных источниках используются различные методы обработки данных (анализ

транзитивных матриц, временных рядов, эконометрический анализ факторов перехода к работе), используется расширенный перечень индикаторов для анализа (характеристика рабочих мест молодежи, заработная плата, дополнительное обучение, пр.).

В практике исследования перехода молодежи от учебы к работе в Республике Беларусь отсутствуют панельные базы первичных данных, доступные исследователям для анализа и обработки. Для анализа трудоустраиваемости выпускников можно воспользоваться данными Национального статистического комитета Республики Беларусь (в частности, обследования домашних хозяйств по проблемам занятости населения, в которых представлена определенная информация об исследуемом явлении) [6]. С использованием этих данных специалистами ЕФО был проведен компаративный анализ в рамках Программы Восточного Партнерства (2017–2018 гг.). Специализированные исследования перехода от учебы к работе были проведены в рамках проекта технической помощи ЕС «Занятость, профессиональное образование и обучение в Беларуси» (2017–2021 гг.), а также в рамках отдельных научно-исследовательских проектов специалистами ВГТУ по авторской анкете и по опроснику, разработанному на основе методологии МОТ (2009, 2015–2017 гг.) [5; 9]. В результате сделан общий вывод, что современное состояние молодежного рынка труда Республики Беларусь характеризуется наличием несоответствий между полученным образованием и квалификацией, и требованиями нанимателей. Существенной причиной такого дисбаланса является разрыв между полученным образованием молодого специалиста и реальными требованиями навыков на рынке труда. Однако достичь одновременного количественного соответствия между структурой выпуска специалистов из учреждений образования и структурой потребности экономики невозможно, поэтому необходим анализ потребности в конкретных компетенциях, а не только в количестве специалистов. В том случае, если необходимые навыки и компетенции не сформированы у выпускников в процессе обучения, то возможность их эффективного трудоустройства снижается, следовательно, возникает невостребованность данных специалистов на рынке труда. Данные исследовательские задачи могут быть решены с помощью организации мониторинга трудоустройства выпускников университета.

Мониторинг трудоустройства выпускников Витебского государственного технологического университета. В мониторинге трудоустройства выпускников университета участвовали 114 респондентов – выпускников, что составляет 24,73% от общего количества. Респондентами выступили выпускники дневного отделения факультета экономики и бизнес-управления, факультета производственных технологий, факультета информационных технологий и робототехники. Мониторинг проводился на основе анкеты ЕФО [4], адаптированной к национальному контексту с целью определения наиболее эффективных способов поиска работы и трудоустройства, выявления наиболее востребованных нанимателями навыков для разработки рекомендаций учреждениям образования и студентам для совершенствования учебного процесса и повышения трудоустраиваемости выпускников на рынке труда.

Большинство выпускников нашли себе первое рабочее место в период менее 1-го месяца – 48,60% от общего числа (рисунок 1). 25,75% респондентов отметили период поиска от 3 до 6 месяцев и 10,00% – от 1 до 3 месяцев.

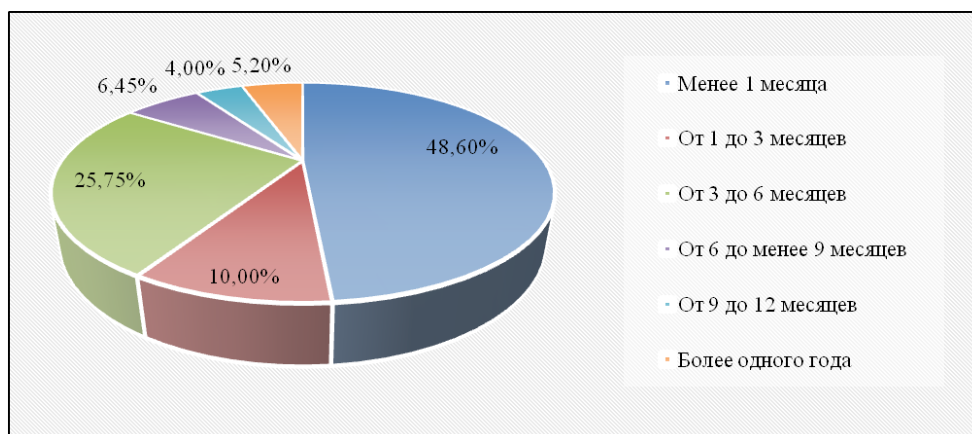

Рисунок 1. Ответы респондентов о продолжительности поиска первого рабочего места

Еще одним положительным моментом выступает то, что 44,20% респондентов приступили к работе по специальности еще до завершения обучения (рисунок 2).

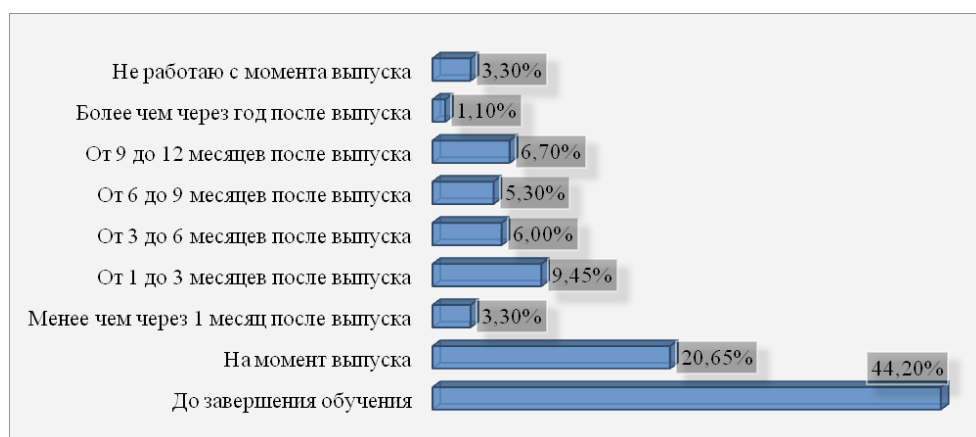

Рисунок 2. Ответы респондентов о периоде вступления на работу

То есть выпускники быстро находили себе первое рабочее место после завершения обучения и не переходили в категорию длительной безработицы. Это свидетельствует о достаточно быстрой адаптации к рынку труда, несмотря на существующую конкуренцию на нем. Вместе с тем 63,75% респондентов обозначили, что в процессе поиска работы ключевой проблемой было отсутствие опыта работы, что еще раз подчеркивает необходимость усиления практико-ориентированной подготовки.

Наиболее эффективными способами поиска работы, по мнению выпускников, стали: семейные связи – 23,30%; личные связи (друзья, однокурсники и др.) – 17,95%; обязательное распределение – 14,10%; подработка – 15,60%; поисковые сайты по трудоустройству – 12,20%. Необходимо выделить, что 63,40% респондентов имели 1 рабочее место после выпуска, 21,10% – 2 рабочих места и 15,50% – 3 и более рабочих мест.

Рисунок 3. Ответы респондентов о наиболее эффективных способах поиска работы

Уровень оплаты труда молодых специалистов в значительной степени варьируется (рисунок 4), но в целом невысокий: у 34,60% респондентов – 601–900 рублей; у 12,2% опрошенных – 300–600 рублей; у 5,70% – менее 300 рублей. Треть выпускников имеют уровень оплаты труда выше 1200 рублей в месяц.

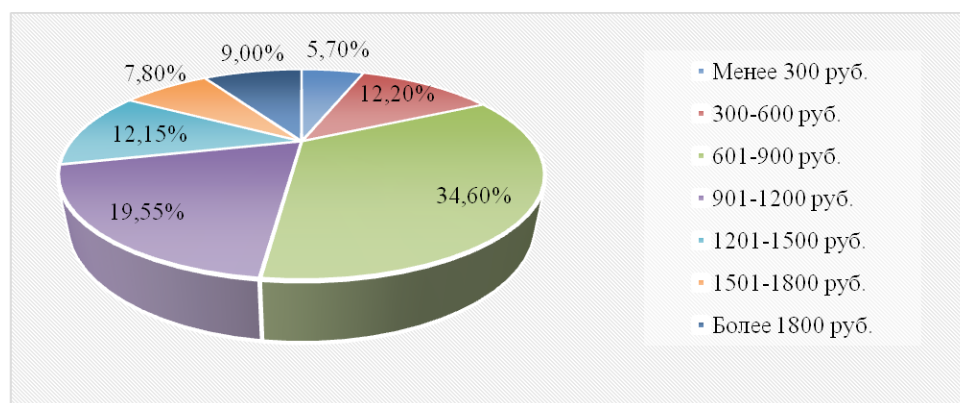

Рисунок 4. Ответы респондентов об уровне оплаты труда

Одним из ключевых этапов исследования стало определение востребованных навыков и компетенций. Учитывая, что в Беларуси на данный момент нет классификатора навыков в исследовании использованы европейские классификаторы (ESCO и ISCO). В результате исследования выявлено, что наиболее востребованной на рабочем месте группой навыков стала группа надпрофессиональных навыков (или «soft skills»), за которую высказались 57,5% респондентов; вторую позицию занимают профессиональные навыки, соответствующие трудовой деятельности («hard skills») – 22,5%; третью – цифровые навыки («digital skills») – 20,0%.

В разрезе конкретных навыков мнения респондентов различны (рисунки 5–7).

Среди над-профессиональных навыков как наиболее значимые респондентами отмечены следующие:

- умение решать сложные задачи (88,6% от общего числа ответов);
- многозадачность (75,8%);
- креативность (65,9%);

- гибкость (60,8%);
- организованность (56,7%). Наименее значимыми оказались логическое мышление, трудовая этика и эмоциональный интеллект.

Рисунок 5. Ответы респондентов о востребованных компетенциях группы надпрофессиональных навыков

Среди надпрофессиональных навыков как наиболее значимые респондентами отмечены следующие:

- умение решать сложные задачи (88,6% от общего числа ответов);
- многозадачность (75,8%);
- креативность (65,9%);
- гибкость (60,8%);
- организованность (56,7%). Наименее значимыми оказались логическое мышление, трудовая этика и эмоциональный интеллект.

Из группы компетенций профессиональных навыков (рисунок 6) наиболее значимыми стали навыки работы с компьютером (60,5% от общего числа ответов) и технические навыки (25,8%), наименее значимыми – математические навыки и знание иностранных языков – 10,3% и 3,4% соответственно.

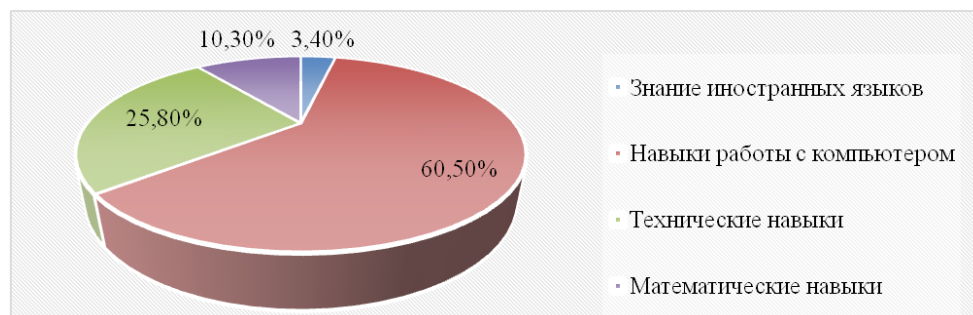

Рисунок 6. Ответы респондентов о востребованных профессиональных навыках

Среди цифровых навыков наиболее востребованными оказались: аналитика данных (30,1 %), социальные медиа (17,8 %) и цифровой бизнес-анализ (15,45 %) (рисунок 7).

Рисунок 7. Ответы респондентов о наиболее востребованных цифровых навыках

Следует отметить, что на успешное трудоустройство выпускников навыки группы «soft skills» оказали наибольшее влияние – на 58,9%; при этом «hard skills» – на 27,2%; «digital skills» – на 13,9%. На вопрос открытого типа о недостающих навыках для трудоустройства самым частым ответом стал недостаток опыта работы – 37,1% ответов респондентов. Вместе с тем 20,5 % респондентов отметили, что всех навыков хватает, и они успешно трудоустроены.

70,85% респондентов оценили соответствие полученных навыков в университете требованиям работодателей на 3 балла и ниже (рисунок 8), что свидетельствует о масштабах несоответствия полученного образования требованиям рабочих мест – то есть навыки, приобретенные во время обучения в университете, не в полной мере совпадают с компетенциями, необходимыми для конкретных рабочих мест. Следовательно, возникает необходимость в оптимизации содержания образовательных программ университета с учетом направленности на востребованные компетенции рынка труда.

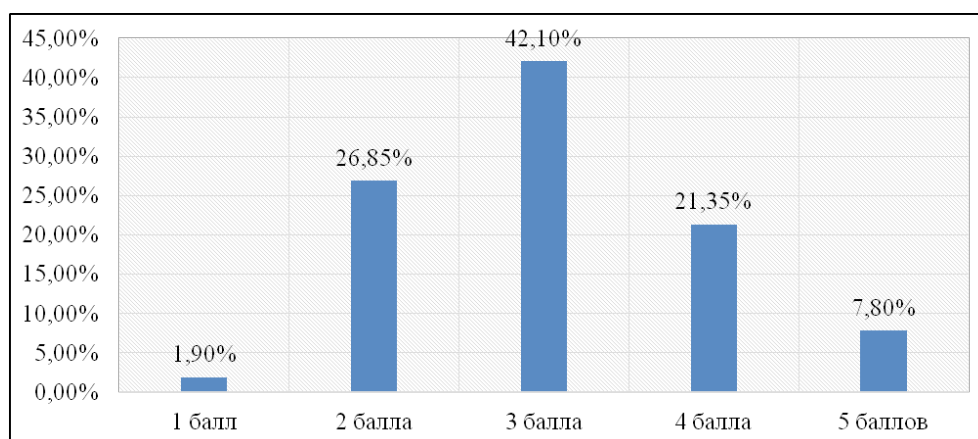

Рисунок 8. Ответы респондентов о соответствии навыков

У 43,8% респондентов текущая работа полностью соответствует с полученной квалификацией (рисунок 9).

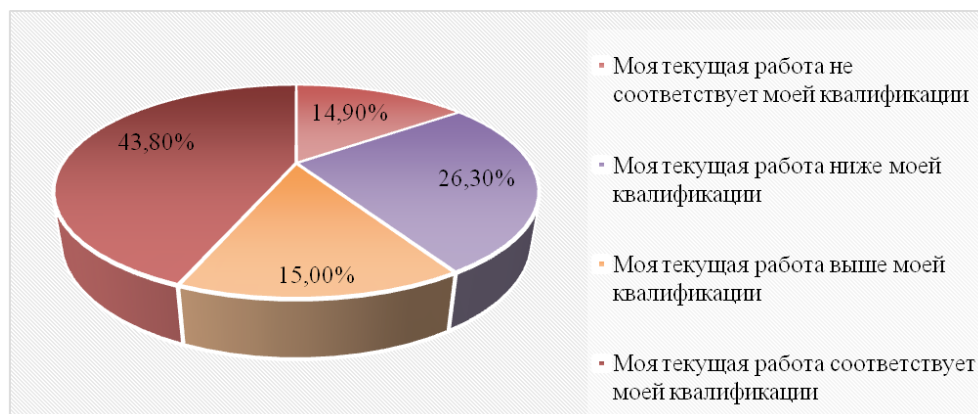

Рисунок 9. Ответы респондентов о соответствии квалификации

Параметры вертикального несоответствия следующие: у 26,3 % респондентов текущая работа требует более низкой квалификации (это характеризует размеры избыточного образования), для 15 % респондентов характерно недостаточное образование (требования на рабочем месте выше, чем полученная квалификация). Для 14,9 % работа не соответствует квалификации – это так называемое горизонтальное несоответствие на рынке труда. В целом несоответствие на молодежном рынке труда для опрошенных выпускников составило 56,2 %, что выше, чем параметры соответствия. Такие результаты подчеркивают необходимость внесения изменений в образовательные программы в соответствии с запросами молодежного рынка труда.

В результате процедуры статистического ранжирования сформирован перечень наиболее востребованных навыков и компетенций молодежи на рынке труда (таблица 2).

Таблица 2 – Перечень востребованных навыков и компетенций

Ранг	Компетенция	Группа навыков
1	Умение решать сложные задачи	«soft skills»
	Многозадачность	
	Креативность	
2	Навыки работы с компьютером	«hard skills»
3	Гибкость	«soft skills»
	Организованность	
4	Аналитика данных	«digital skills»
5	Технические навыки	«hard skills»
6	Социальные медиа	«digital skills»
	Цифровой бизнес-анализ	

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

- непродолжительный период поиска выпускниками первого рабочего места – до одного месяца и от 3-х до 6 месяцев – 48,60 % и 25,75 % от общего числа респондентов;
- быстрое вступление выпускников на работу – 44,2 % еще до завершения обучения в университете; 20,65 % – на момент выпуска;
- для большинства респондентов – 82,10 % ответов – характерен статус постоянная работа, а также рабочая неделя с продолжительностью от 31 до 40 часов – 53,50 % ответов;
- наиболее востребованной группой навыков оказалась группа «soft skills» – 57,5 % ответов респондентов, которая на 58,9 % обусловила эффективное трудоустройство выпускников;
- наиболее востребованные компетенции – умение решать сложные задачи, многозадачность, креативность, навыки работы с компьютером, гибкость;

В качестве основного ограничения при трудоустройстве респондентами отмечено отсутствие опыта работы.

Ключевыми факторами успешного трудоустройства выпускниками определены:

- направленность обучения на получение профессиональных практических навыков, а также на формирование над-профессиональных навыков, облегчающих поиск работы, трудоустройство и эффективную занятость на рабочем месте;
- необходимость совмещения учебы и работы в процессе обучения для повышения вероятности эффективного трудоустройства по завершении обучения;
- наиболее эффективные способы поиска работы: семейные связи, личные связи подработка во время обучения, распределение в университете и сайты по поиску работы.

Таким образом, если студенты смогут обладать и соответствовать перечисленным характеристикам, вероятность их успешного трудоустройства по окончании университета существенно повысится.

Заключение

В Республике Беларусь создан хороший институциональный каркас для исследования трудоустраиваемости выпускников, который нуждается в дальнейшем развитии и расширении его аналитических возможностей. Информирование играет важную роль в подготовке участников к правильному принятию решений. Для этого необходимо публиковать открытые обзоры и прогнозы рынка труда и его отдельных сегментов, результаты исследований проблем занятости и безработицы среди выпускников разных учреждения образования, разных специальностей, разных лет выпуска, чтобы все участники могли действовать в условиях полного информационного сопровождения. Такую информацию государственные органы могут использовать при разработке программ социально-экономического развития и содействия занятости, население – в целях профессиональной ориентации, выбора профиля подготовки и специальности, обзора качества подготовки в учреждениях образования, сами учреждения образования – для карьероориентированного обучения, наниматели (объединения нанимателей, отраслевые органы управления) – в качестве основы для разработки отраслевых программ, формирования прогнозов будущих компетенций и профессиональных навыков, организации профессио-

нальных советов (совместно с учреждениями образования), др. Особенно важным представляется формирование информированности у молодых людей (абитуриентов, учащихся, выпускников). При принятии решения о выборе профессии важна не столько текущая конъюнктура рынка труда, сколько понимание той области знаний, к которой он лично предрасположен. Первое, с чего надо начать любому человеку – с осознания своей собственной, индивидуальной конкурентоспособности на рынке труда – то есть того, какие персональные навыки, компетенции, деловые и личные качества могут стать залогом успешного трудоустройства, что еще нужно в себе сформировать, развить. Молодому человеку надо учиться самому быть активным на рынке труда, а не ждать, что кто-то создаст для него рабочее место и трудоустроит. При этом можно выделить базовые навыки и компетенции, которые важны в настоящее время для нанимателей и востребованы на рынке труда. Это сформирует фундамент индивидуальной конкурентоспособности на рынке труда, что и составляет сущность трудоустраиваемости выпускника. Исследование показало, что многие выпускники достаточно пассивны на рынке труда, не проводят самостоятельного анализа вакансий, изучения требований нанимателей, не имеют четких карьерных представлений. Поэтому в учреждениях образования больше внимания необходимо уделять обучению навыкам активного поведения на рынке труда – как составить свое резюме, вести самостоятельный поиск вакансий (для прохождения практики, поиска места работы во время учебы, поиска постоянного рабочего места после окончания учебного заведения), вести беседу с потенциальным нанимателем, общаться, представлять себя, слушать других, пр. Это формирует активную позицию выпускника на рынке труда, повышает его индивидуальную конкурентоспособность и, следовательно, шансы на эффективное трудоустройство.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Анализ рынка труда молодежи. Пакет учебно-информационных материалов по рынку труда молодежи / Группа технической поддержки по вопросам достойного труда и Бюро МОТ для стран Восточной Европы и Центральной Азии, Employment Policy Department. Москва: МОТ, 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---europe/---ro-geneva/---sro-moscow/documents/publication/wcms_425634.pdf. – Дата доступа: 20.02.2022.
2. **Варишавская, Е. Я.** Успешность перехода «учеба–работа»: для кого дорога легче? / Е. Я. Варишавская // Социологические исследования. – 2016. – № 2. – С. 39–46.
3. Молодежная безработица приграничных регионов: опыт компаративного анализа: монография / Е. В. Ванкевич, Е. Н. Коробова, О. В. Зайцева, О. Я. Лавриненко, В. В. Меньшиков, А. В. Охотина; под науч. ред. Е. В. Ванкевич. – Витебск: УО «ВГТУ», 2017. – 157 с.
4. **Schomburg, H.** Matching supply and demand of skills on the labour markets in transition and developing countries. Vol. 6. Carrying out tracer studies. ETF, Cedefop, ILO, 2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/edemp/ifp_skills/documents/publication/wcms534331.pdf. – Дата доступа: 25.02.2022.
5. **Ванкевич, Е. В.** Исследование проблем занятости и безработицы молодежи на региональном рынке труда / Е. В. Ванкевич, О. В. Зайцева, Е. Н. Коробова // Вестник ВГТУ. – 2016. – № 2. – С. 134–144.
6. Занятость населения в Республике Беларусь в 2020 году (по материалам выборочного обследования). Стат. бюллетень. Минск, Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2021 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.belstat.gov.by>. – Дата доступа: 05.03.2022.
7. **Ванкевич, Е. В.** Современные технологии реализации политики занятости молодежи на основе анализа востребованных на рынке труда навыков / Е. В. Ванкевич, С. О. Горовой, И. Н. Калиновская // Вестник ВГТУ. – № 40 (1). – 2021. – С. 168–184.
8. **Elder, S.** Module 1: Basic concepts, roles and implementation process. ILO school-to-work transition survey: A methodological guide International Labour Office. Geneva: ILO, 2009. [Электронный ресурс]. –

Режим доступа: https://www.ilo.org/employment/areas/WCMS_140862/lang--en/index.htm. – Дата доступа: 11.03.2022.

9. *Варшавская, Е. Я.* Выпускники инженерно-технических и экономических специальностей: между спросом и предложением / Е. Я. Варшавская, Е. С. Котырло // Вопросы образования. – 2019. – № 2. – С. 98–128.

Поступила в редакцию 12.04.2022 г.

Контакты: vankevich_ev@tut.by (Ванкевич Елена Васильевна),
stanislavgorovoj@gmail.com (Горовой Станислав Олегович)

***Vankevich E. V., Gorovoy S. O.* EMPLOYABILITY OF GRADUATES IN THE LABOUR MARKET: NEW TASKS OF THE EDUCATION SYSTEM IN THE AGE OF DIGITALIZATION**

The article analyzes the main indicators of the youth labour market in the Republic of Belarus, highlights its key features. The existing methods of analyzing the employability of graduates of educational institutions in the labour market are systematized. The monitoring of employment of full-time graduates of VSTU has been carried out, as a result the most effective methods of job search, key competencies of young professionals that ensure effective employment, the degree of compliance of the acquired skills with the requirements of employers have been determined. Practical recommendations in the field of employment have been developed for educational institutions, youth and government, the implementation of which will create the basis for improving the efficiency of human capital use in the national economy.

Keywords: employability, labour market, graduates, educational institutions, youth, in-demand skills.

УДК 330.131

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ВУЗА: ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ И ОЦЕНКИ

С. Н. Гнатюк

кандидат экономических наук, доцент

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

В статье рассматривается роль интеллектуального потенциала в обеспечении конкурентоспособности учреждений высшего образования. Выделены элементы интеллектуального потенциала и показатели, которые характеризуют степень использования этих элементов и потенциала в целом. Оценка интеллектуального потенциала является сложной проблемой, требующей использования количественных и качественных показателей. Она необходима для совершенствования стратегического управления развитием вуза и его структурных элементов.

Ключевые слова: интеллектуальный потенциал, человеческий капитал, рабочая сила, образование, компетенции, оценка интеллектуального потенциала.

Введение

В условиях развития постиндустриальной экономики резко возрастает роль образования рабочей силы, приобретенного человеческого капитала [1]. В мире сформировалась концепция «образование на протяжении всей трудовой деятельности» как механизм приспособления рабочей силы к изменению внешних условий и требований рынка труда. Таким образом формируется связь между высшим образованием, как основой непрерывного образования, инвестициями в образование и ростом благосостояния личности и общества в целом. Как отмечал П. Ромер, «накопление человеческого капитала даже с багажом «ненаправленного» образования повышает не только скорость распространения, но и скорость производства материальных и организационных инноваций. Образованные люди – источник и фактор общественного восприятия новых идей» [2].

В Беларуси данная тенденция проявляется в устойчивом росте удельного веса занятых с высшим и средним специальным образованием, регулярном повышении квалификации через различные формы повышения квалификации и переподготовки. Только такие специалисты способны творчески относиться к своим обязанностям, овладевать новыми, в том числе и на основе информационно-вычислительной техники, технологиями.

Вместе с тем следует отметить, что существует проблема оценки интеллектуального потенциала вузов, которые играют ведущую роль в достижении стратегических целей развития общества в условиях инновационной экономики. В настоящее время активно используется система рейтингов вузов, количество которых ежегодно растет. И сейчас существует более 60 рейтингов в 35 странах мира. Они используются в качестве критерия оценки интеллектуального потенциала вузов. Однако в рейтинговых системах учитываются только отдельные показатели, характеризующие интеллектуальный потенциал вуза, отсутствует системный подход.

Основная часть

Главной задачей учреждений высшего образования является формирование знаний, компетенций у студентов. Для выполнения данной функции вуз должен обладать определенным интеллектуальным потенциалом, который в литературе имеет неоднозначную трактовку [3–10].

Знания и профессиональные навыки преподавателей вуза, являются основным элементом, нематериальным активом посредством которого создается интеллектуальная продукция, т.е. формируются знания студентов. Таким образом в основе успешной деятельности вуза лежит интеллектуальный капитал, т.е. совокупность знаний, опыта и компетенций преподавательского персонала, отношений учебного заведения с клиентами, которая обеспечивает создание конкурентных преимуществ на соответствующем сегменте рынка знаний.

Появление понятия «интеллектуальный капитал» обычно связывают с Д. К. Гелбрейтом. К. Э. Свейби в 1986 г. в книге «Невидимый балансовый отчет», ввел в активный научный оборот понятие «интеллектуальный капитал». Он считал, что интеллектуальный капитал включает все, что знает организация, т.е. идеи, различные типы знаний, инновации, которые она может превратить в прибыль [11]. Т. Стюарт утверждал, что интеллектуальный капитал – сумма всего того, что знают работники фирмы и что дает конкурентные преимущества фирме на рынке: «...патенты, процессы, управленческие навыки, технологии, опыт и информация о потребителях и поставщиках. Объединенные вместе, эти знания составляют интеллектуальный капитал» [12, с. 43]. С точки зрения Э. Брукинга «интеллектуальный капитал – это термин для обозначения нематериальных активов, без которых компания не может существовать, усиливая конкурентные преимущества. Составными частями интеллектуального капитала являются: человеческие активы, интеллектуальная собственность, инфраструктурные и рыночные активы» [13, с. 62].

Интеллектуальный потенциал характеризует ту часть интеллектуальных ресурсов, капитала, которая используется для обеспечения конкурентных преимуществ организации. Таким образом интеллектуальный потенциал характеризует эффективность использования интеллектуального капитала, которым обладает вуз. Применительно к вузу, на наш взгляд, интеллектуальный потенциал представляет собой совокупность:

– человеческого потенциала, который имеет непосредственное отношение к человеку и воплощен в знаниях, практических навыках, творческих способностях преподавательского состава, их моральных ценностях, культуре труда. Он проявляется в:

а) компетенциях, которые характеризуют профессиональные способности и навыки, необходимые для выполнения профессиональных обязанностей, способность создавать и эффективно использовать сети личных контактов со студентами, коллегами и т.д. Применительно к системе образования основными компетенциями преподавательского состава являются способность обучать студентов, давать им новые знания, учить их учиться и способность заниматься научными исследованиями, результатом которых являются статьи, монографии, открытия, патенты.

б) установках, которые обуславливают поведенческие особенности работника, реализуемые в социальном капитале учреждения, на основе которого формируется психологический климат в вузе, имидж вуза в рыночном пространстве;

в) интеллектуальной гибкости, которая характеризует способность работника к саморазвитию, инновациям, адаптации к новым условиям и требованиям на рынке образовательных услуг.

– организационного потенциала, который имеет отношение к организации в целом. Он представлен:

а) внешними по отношению к вузу элементами, к которым относят бренд, сервисные предложения в сфере образования, продуктовые концепции, требования потребителей выпускников вуза к подготовке и переподготовке специалистов и т.д.

б) внутренними относительно учебного заведения элементами. К ним относят организационные структуры (факультеты, кафедры, исследовательские лаборатории и т.д.), образовательные процессы, базы данных, программное обеспечение, организационную культуру учебного заведения, принципы управления, мотивации и стимулирования, систему обучения персонала, взаимоотношения сотрудников.

Организационный потенциал определяет возможности и ресурсы учебного заведения, как целостного организма, ответить на изменения внешних условий адекватными изменениями внутренней структуры организации (реформирования факультетов, кафедр, реструктуризации профессорско-преподавательского состава, научных коллективов и т.д.).

– отношенческого потенциала, характеризующего отношения, возникающие при контактах с другими организациями и субъектами, которые влияют на способность получать доход (отношения между преподавателями и студентами, выпускниками и работодателями, отношения с предприятиями, использующими выпускников вуза, создающих филиалы кафедр на своей материальной базе и т.д.). Их можно разделить на две группы:

а) ресурсы, имеющие прямое отношение к вузу (клиенты, поставщики, связи, источники новых знаний и т.д.);

б) ресурсы, имеющие опосредованное отношение (органы государственной власти, регулирующие органы, группы влияния, средства массовой информации и т.д.).

Интеллектуальный потенциал любой организации следует измерять. Это необходимо для решения следующих задач:

– во-первых, оценка величины интеллектуального потенциала позволяет разработать ключевые показатели эффективности, которые помогут оценить реализацию стратегии устойчивого развития вуза, определить возможности образовательного учреждения на данном этапе развития;

– во-вторых, сопоставляя величину интеллектуального потенциала за определенный период времени, можно определить тренд развития, эффективность использования имеющихся в вузе ресурсов и корректировать их использование;

– в-третьих, используя нормативный и позитивный подходы к оценке интеллектуального потенциала можно определить необходимые резервы и механизм их использования, бизнес-стратегию развития отдельных элементов интеллектуального потенциала вуза для того, чтобы перейти от текущего состояния к искомому;

– в-четвертых, публикация информации о размере интеллектуального потенциала вуза создает возможность предоставить улучшенную информацию о вузе, устранить асимметрию информации, привлечь дополнительный капитал для проведения научных исследований, привлечь дополнительное количество абитуриентов, дает возможность абитуриентам идентифицировать программы обучения.

Измерение величины интеллектуального потенциала вуза является сложной задачей, так как для этого необходимо выбрать показатели, которые имеют такие свойства, как:

- поддаваться количественной оценке,
- стандартизованность,
- возможность проводить сравнения между различными субъектами,
- должны быть необходимые статистические данные.

Существует свыше 40 методик оценки интеллектуального потенциала. Следует отметить, что общепринятые принципы бухгалтерского учета в международной практике не признают стоимости человеческого потенциала, отношенческого потенциала, значительной части организационного потенциала как элементов, формирующих интеллектуальный потенциал предприятия [14].

В литературе существует два подхода к оценке потенциала вуза. В соответствии с первым разрабатываются стоимостные оценки эффективности инвестиций в человеческий капитал всех категорий работников вуза [15–18]. Однако, на наш взгляд, они не позволяют охватить все аспекты интеллектуального потенциала вуза. Второй подход предполагает использовать систему показателей, которые могут сворачиваться различным образом для получения интегрированной оценки [19–23].

На наш взгляд, следует применять методы, в которых различные компоненты нематериальных активов вуза идентифицируются, а их состояние отражается в системе показателей. В этом случае оценка денежной стоимости вуза не производится. Главным преимуществом данного подхода является то, что он позволяет оценивать состояние и использование интеллектуального потенциала на базе системы показателей и индексов, может характеризовать вклад основных элементов интеллектуального потенциала в итоговый результат развития вуза, выявлять роль каждого элемента, обнаруживать резервы и разрабатывать меры по их эффективному использованию. К таким методам относится сбалансированная система показателей, Skandia Navigator, система показателей цепочки создания стоимости, мониторинг нематериальных активов и другие.

Применительно к системе оценки интеллектуального потенциала вуза это означает, что необходимо по каждому структурному элементу выбрать показатели, которые наиболее полно отражают состояние и использование интеллектуального потенциала.

По человеческому потенциалу целесообразно использовать показатели, отражающие компетентность не только профессорско-преподавательского состава, но и студентов:

- острепененность ППС в процентах;
- число докторантов, аспирантов в вузе;– повышение квалификации (в процентах от общей численности ППС);
- издание учебников, в том числе с грифом МО РБ, книг, учебно-методических материалов, выпущенных вузом;
- количество научных публикаций в расчете на одного сотрудника;
- число цитирований:
 - а) в расчете на одного исследователя;
 - б) в расчете на количество публикаций;
- индекс Хирша;

- объем финансирования сторонними организациями исследовательской деятельности на одного исследователя;
- доход от исследовательской деятельности на одного исследователя;
- количество полученных патентов и свидетельств на изобретения;
- профессиональная подготовка студентов (оценка качества учебного процесса на основе опроса студентов, работодателей);
- удовлетворенность студентов качеством преподавательской деятельности;
- качество студенческих научных работ;

По организационному потенциалу следует оценивать:

- консолидированный бюджет вуза;
- развитие материальной базы вуза (объем расходов);
- численность обучающихся (специалистов, магистров);
- наличие аспирантуры, докторантуры;
- отношение среднемесячной зарплаты ППС к средней заработной плате в регионе;
- доходы вуза от всех видов деятельности (поступление средств на реализацию образовательных, научных и других программ и мероприятий);
- создание новых организационных структур (кафедр, факультетов и т.д.);
- создание филиалов на производстве;
- разработка новых образовательных программ;
- открытие новых специальностей;
- расширение баз данных.

К отношенческому потенциалу вуза следует отнести следующие показатели:

- имидж вуза;
- мнение о вузе (на основе изучения отзывов в социальных сетях);
- репутация вуза среди работодателей;
- сотрудничество вуза с предприятиями;
- международное сотрудничество с вузами;
- количество обращений на сайт вуза;
- количество сайтов структурных подразделений вуза (факультетов, кафедр) в социальных сетях;
- выполнение плана набора студентов;
- качество абитуриентов (средний балл);
- доля иностранных студентов по отношению к численности обучающихся;
- трудоустройство выпускников;
- средний уровень зарплат выпускников вуза;
- карьерный рост выпускников за пять лет.

Источниками информации для оценки интеллектуального потенциала вуза являются результаты опросов студентов, абитуриентов, выпускников, работодателей, данные официального сайта вуза, библиометрические базы данных международного и национального уровня.

Методика оценки интеллектуального потенциала вуза состоит из следующих этапов:

- выделение элементов интеллектуального потенциала вуза и показателей, которые характеризуют их состояние;
- определение верхнего уровня значений показателя каждого элемента;
- формирование системы показателей оценки состояния каждого элемента интеллектуального потенциала вуза;

– расчет частных и общих показателей состояния интеллектуального потенциала вуза.

Объектом оценки может быть не только интеллектуальный потенциал вуза в целом, но и интеллектуальный потенциал его составных частей (факультеты, кафедры, лаборатории, научные коллективы, направления деятельности вуза, образовательные программы и процессы и т.д.). Такие оценки необходимы в силу того, что общая оценка интеллектуального потенциала вуза не дает четкого представления о сильных и слабых структурных элементах вуза. И это может привести к тому, что абитуриент, не получая адекватной информации и ориентируясь на высокую оценку интеллектуального потенциала вуза в целом, может поступить на относительно слабый по своим интеллектуальным возможностям факультет и соответственно не в полной мере реализовать свои возможности. Это необходимо также и для того, чтобы повысить эффективность управления вузом в целом и его структурными элементами, ликвидировать узкие места в развитии вуза и за счет этого улучшить конкурентоспособность на рынке образовательных услуг.

Заключение

Таким образом, оценка интеллектуального потенциала имеет важное значение для стратегического управления развитием вуза. Предлагаемая методика оценки интеллектуального потенциала позволяет не только провести комплексный анализ потенциала вуза, но и оценить эффективность выбранной стратегии, разработать рекомендации по совершенствованию механизма развития потенциала вуза, адаптации к условиям инновационного развития экономики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Маковская, Н. В.* Современные особенности функционирования рынка труда в Беларуси: монография / Н. В. Маковская. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2020. – 264 с.
2. *Romer, P. M.* Endogenous technological change / P. M. Romer // The Journal of Political Economy. – 1990. – Vol. 98 – No. 5. – Part 2 : The Problem of Development : A Conference of the Institute for the Study of Free Enterprise Systems. – Pp. 71–102. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.jstor.org/stable/2937632>. – Дата доступа: 19.04.2022
3. *Ширинкина, Е. В.* Теоретические подходы к толкованию термина «интеллектуальный капитал» / Е. В. Ширинкина // Фундаментальные исследования. – 2016. – № 7–2. – С. 412–416 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.fundamental-research.ru/ru/article/view?id=40524>. – Дата доступа: 15.04.2022.
4. *Edvinsson, L.* Intellectual Capital: Realizing Your Company's True Value by Finding Its Hidden Brainpower. / L. Edvinsson, M. S. Malone – New York : Harper Business, 1997. – 240 p.
5. *Супрун, В. А.* Интеллектуальный капитал: Главный фактор конкурентоспособности экономики в XXI веке. – 3-е изд. / В. А. Супрун. – М. : ЛИБРОКОМ, 2016. – 200 с.
6. Интеллектуальный капитал – основа опережающих инноваций / под ред. А. В. Безгодова, В. В. Смирнова. – Орел : ОГТУ, 2007. – 334 с.
7. *Леонтьева, Л.* Управление интеллектуальным капиталом: учебник и практикум / Л. Леонтьева, Л. Орлова. – М. : Юрайт, 2015. – 294 с.
8. *Зинов, В. Г.* Инновационное развитие компании. Управление интеллектуальными ресурсами: учеб. пособие / В. Г. Зинов, Т. Я. Лебедева, С. А. Цыганов. – М. : Дело, 2012. – 246 с.
9. *Лукичева, Л. И.* Управление интеллектуальным капиталом : учеб. пособие / Л. И. Лукичева. – 3-е изд., стер. – М. : Омега-Л, 2010. – 551 с.
10. *Марахина, И. В.* Формирование интеллектуальных организаций в инновационной системе Республики Беларусь: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / И. В. Марахина. – Минск, 2011. – 240 л.
11. *Sveiby, K-E.* Methods for measuring intangible assets. / K-E. Sveiby [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sveiby.com/files/pdf/intangiblemethods.pdf>. – Дата доступа: 25.04.2022
12. *Стюарт, Т. А.* Интеллектуальный капитал. Новый источник богатства организаций / пер. с англ. В. Ноздриной / Е. А. Стюарт. – М. : Поколение, 2007. – 368 с.

13. **Брукинг, Э.** Интеллектуальный капитал / Пер. с англ. под ред. Л. Н. Ковалик / Э. Брукинг. – СПб.: Питер, 2001. – 288 с.
14. **Jardon, C. M.** Measuring intellectual capital with financial data / C. M. Jardon, X. Martinez-Cobas // PLOS ONE – 2021 – 16 (10) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0259568>. – Дата доступа: 18.04.2022.
15. **Гришина, О. А.** Управление человеческим капиталом вуза / О. А. Гришина, О. В. Сагинова, Н. Б. Завьялова // Человеческий капитал и профессиональное образование – 2014. – № 4(12). – С. 13–21.
16. **Жабин, А. П.** Особенности управления инвестициями в человеческий капитал высшего учебного заведения / А. П. Жабин, Е. С. Морозова // Вестник Самарского гос. эконом. ун-та. – 2012. – № 6(92). – С. 25–28.
17. **Караваева, А. В.** Процесс капитализации знаний в вузе как один из методов оценки стоимости человеческого капитала / А. В. Караваева // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2011. – № 30. – С. 39–45.
18. **Новгородов, П. А.** Эффективность деятельности вузов: от мониторинга и рейтингов к оценке интеллектуального капитала / П. А. Новгородов // Управление. – 2018 – Т. 9. – № 1. – С. 48–55.
19. **Мухин, В. И.** Управление интеллектуальной собственностью : учебник для вузов / В. И. Мухин – М. : ВЛАДОС, 2007. – 336 с.
20. **Насибова, Э. Н.-К.** Оценка интеллектуального потенциала вуза / Э. Н.-К. Насибова // Вестник ИргТУ. – 2015. – № 11 (106). – С. 251–257.
21. **Астафьева, Н. В.** Интеллектуальный капитал в системе высшего образования / Н. В. Астафьева // Вестник Саратовского государственного университета. – 2007. – № 3 (26). – С. 147–155.
22. **Аржанова, И. В.** Модельная методология многомерного ранжирования российских вузов / И. В. Аржанова и [др.] // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2013. – Т. 8. – № 1. – С. 8–30.
23. **Винокуров, М. А.** Мониторинг эффективности российских вузов: совершенствование методологии / М. А. Винокуров // Известия ИГЭА. – 2013. – № 6. – С. 5–11.

Поступила в редакцию 29.04.2022 г.

Контакты: gnatyuk@msu.by (Гнатюк Сергей Николаевич)

Hnatsiuk S. N. INTELLECTUAL POTENTIAL OF THE UNIVERSITY: THE PROBLEM OF FORMATION AND EVALUATION

The article deals with the role of intellectual potential in ensuring the competitiveness of higher education institutions. The elements of intellectual potential and indicators that characterize the degree of use of these elements and potential in general are highlighted. The assessment of intellectual potential is a complex problem that requires the use of quantitative and qualitative indicators. It is necessary to improve the strategic management of the development of the university and its structural elements.

Keywords: intellectual potential, human capital, labour force, education, competencies, assessment of intellectual potential.

УДК 330.15

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ УРОВНЯ РАЗВИТИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Т. В. Романькова

кандидат экономических наук, доцент
Белорусско-Российский университет

В статье рассматриваются различные подходы к понятию и структуре энергетического потенциала региона. В результате уточнения составные элементы потенциала дополнились экспортно-энергетическим, инновационным и инвестиционным потенциалами. В работе обоснованы показатели оценки, предложена методика и выполнен расчет уровня развития энергетического потенциала Республики Беларусь, выделены основные направления его наращивания.

Ключевые слова: энергетический потенциал, топливно-энергетические ресурсы, экспорт, уровень развития, элементы.

Введение

В условиях удорожания и дефицита невозобновляемых энергоресурсов проблеме повышения эффективности их использования уделяется особо важное государственное значение. Это обусловлено тем, что успешное функционирование всех отраслей экономики (транспорта и связи, торговли, промышленности, строительства и др.), а также уровень жизни населения напрямую зависят от развития топливно-энергетического комплекса Республики Беларусь, который является межотраслевой системой, включающей добычу, переработку разных видов топлива и производство энергии, их транспортировку, распределение и потребление [1].

На основании вышеизложенного представляется необходимым определить структуру энергетического потенциала, проанализировать степень его развития в разрезе элементов, разработать мероприятия по повышению энергетической независимости и безопасности Республики Беларусь.

Основная часть

Проблемой исследования энергетического потенциала по различным его аспектам занимались:

1) изучением понятия – Г. А. Лукашов, В. И. Логвиненко, В. В. Бушуев, В. И. Борисевич, П. С. Гейзлер, В. С. Фатеев, А. И. Татаркин, К. М. Миско и др. [2; 3; 4; 5];

2) рассмотрением состава потенциала (природно-ресурсный, транспортно-энергетический, производственный, потребительский, трудовой, управления и потребительский потенциал энергоресурсов) – Т. А. Коваленко и А. В. Волков, В. В. Бушуев, В. А. Бродянский, Р. Р. Авезов, А. И. Андрищенко, Д. А. Бобров и др. [3; 4; 5; 6].

3) методами оценки – В. Н. Лаженцев и Т. Е. Дмитриева, А. П. Сорокин, В. И. Ишаев, Л. Ш. Ахмедова и Г. И. Идзиев и др. [6].

В результате исследования сделаны следующие выводы:

1) В. В. Бушуев представил наиболее комплексное определение энергетического потенциала, под которым понимает «не только запасы топливно-энергетических ресурсов, но и совокупность природных, общественных (экономических и материально-технических) и человеческих (знания, труд) ресурсов, которые потребляются в процессе жизнедеятельности, а также воспроизводятся в новом качестве для увеличения “свободной энергии” общества» [4].

2) Т. А. Коваленко и А. В. Волков выделили более совершенную структуру энергетического потенциала, которая представлена следующими элементами: природно-ресурсный, транспортно-энергетический, трудовой, производственный потенциал энергоресурсов, потребительский и потенциал управления [3].

3) оценить каждый элемент энергетического потенциала на практике затруднительно из-за отсутствия данных, а применение экспертных методов не позволяют сделать точный и однозначный вывод о степени развития энергетического потенциала.

В результате предлагается составные элементы энергетического потенциала сгруппировать в два блока (рисунок 1).

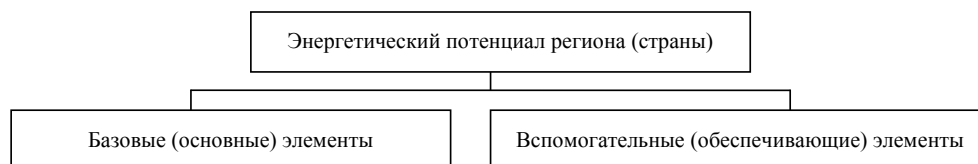

Рисунок 1. Элементы энергетического потенциала регионов Республики Беларусь

Базовые элементы энергетического потенциала – это основа, без которой невозможно удовлетворять потребности регионов и государства в топливно-энергетических ресурсах и обеспечивать функционирование экономики. К ним следует отнести: природно-ресурсный (минерально-ресурсный); транспортно-энергетический; производственный.

Вспомогательные (обеспечивающие) элементы представляют собой совокупность составляющих, которые обеспечивают эффективное функционирование и использование базовых элементов энергетического потенциала и способствуют его развитию, наращиванию и укреплению. В данный блок следует отнести: трудовой; управленческий; потребительский.

А также предлагается дополнить блок вспомогательных элементов:

- экспортно-энергетическим потенциалом, под которым следует понимать возможность республики (региона) экспортировать имеющиеся и производимые энергетические ресурсы;

- инновационный, т. е. способность региона создавать и внедрять новшества, обеспечивающие эффективное использование энергоресурсов при производстве, потреблении и распределении;

- инвестиционный потенциал. Он характеризует возможность региона (страны) привлекать инвестиционные ресурсы для развития энергетического потенциала.

Таким образом, составные элементы энергетического потенциала страны представлены на рисунке 2.

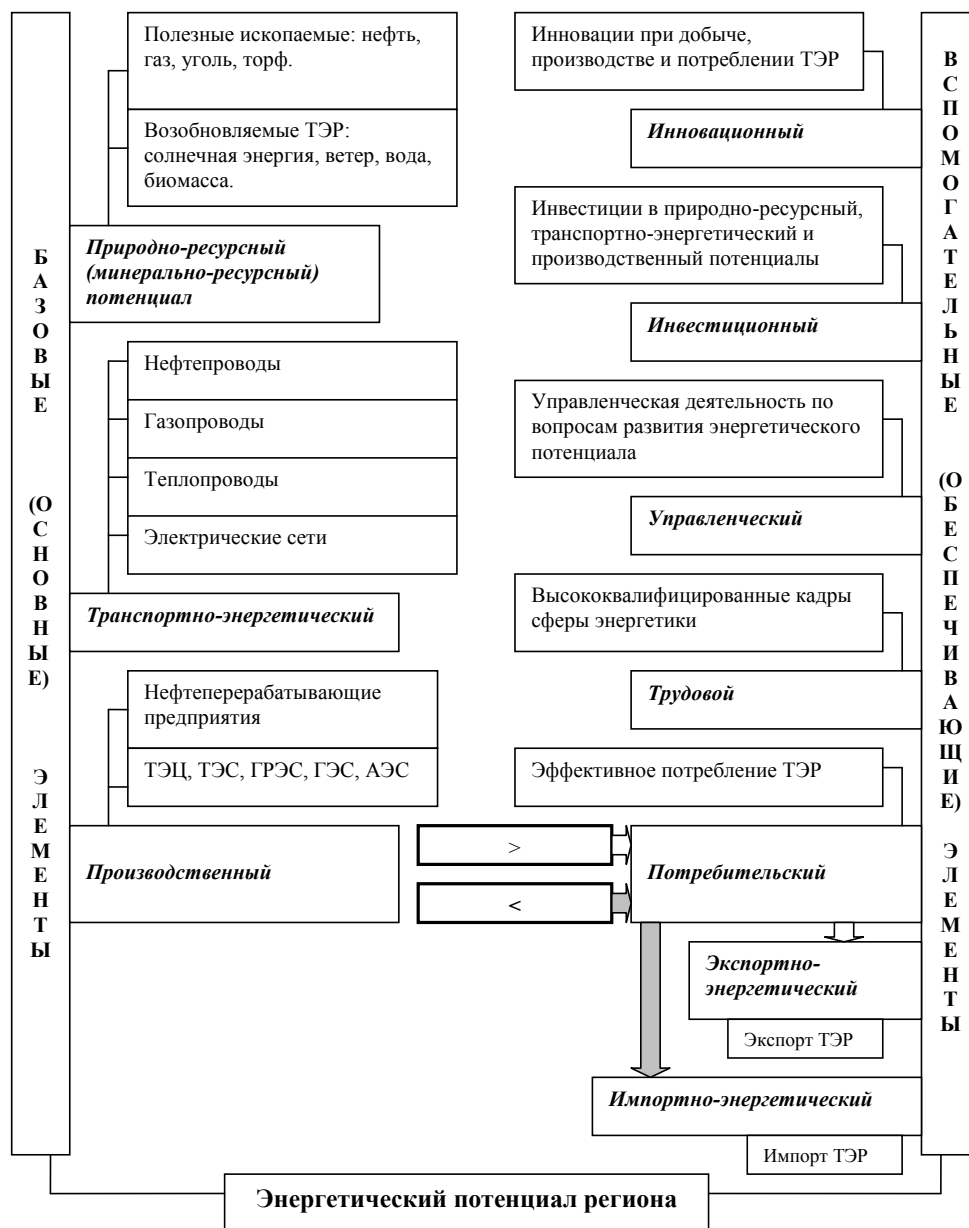

Рисунок 2 – Составные элементы энергетического потенциала страны

В связи с тем, что природно-ресурсный потенциал страны (региона) характеризуется совокупностью природных (минерально-природных) ресурсов данной территории, то и оценивать его предлагается следующими показателями:

- 1) запасы топливно-энергетических ресурсов на душу населения:

$$Z_{\text{д}} = \frac{\sum_{i=1}^n 3_{ij}}{q_{Hj}}, \quad (1)$$

где 3_{ij} – величина запаса i -го вида минерально-природных ресурсов j -го региона (страны), нат. ед.;

$Ч_{Hj}$ – численность населения j -го региона (страны), чел.

2) запасоемкость природно-минеральных ресурсов:

$$3e_j = \frac{\sum_{i=1}^n 3_{ij}}{ВП_j}, \quad (2)$$

где $ВП_j$ – валовое потребление ТЭР j -региона (страны).

Транспортно-энергетический потенциал региона характеризует наличие и протяженность газопроводов, нефтепроводов, электрических и тепловых сетей регионов, поэтому в качестве основных показателей, характеризующих данный потенциал являются:

1) густота размещения по территории региона:

$$\Gamma_{ij} = \frac{Д_{ij}}{П_j}, \quad (3)$$

где $Д_{ij}$ – эксплуатационная длина i -й транспортно-энергетической сети (газопровода, нефтепровода, электрической, тепловой) j -го региона (страны), тыс. м;

$П_j$ – площадь территории j -го региона (страны), км².

2) интенсивность перекачки (перевозки) ТЭР:

$$Ин_{ij} = \frac{\sum_{i=1}^n ОБ_{ij} \cdot Д_{ij}}{\sum_{i=1}^n Д_{ij}}, \quad (4)$$

где $ОБ_{ij}$ – объем перекачки (перевозки) i -го вида топливно-энергетических ресурсов j -го региона (страны), т.

Производственный потенциал описывает объемы производства топливно-энергетических ресурсов. Для его оценки предлагается использовать:

1) выпуск топливно-энергетических ресурсов на душу населения ($B_{Дj}$) региона (страны):

$$B_{Дj} = \frac{B_{ТЭРj}}{Ч_{Hj}}, \quad (5)$$

где $B_{ТЭРj}$ – выпуск (объем производства) топливно-энергетических ресурсов j -м регионом (страной), т усл. топл.

2) доля объема производства ТЭР, приходящийся на миллион рублей валового регионального продукта (валового внутреннего продукта):

$$Д_{ТЭРj} = \frac{B_{ТЭРj}}{ВРП(ВВП)} \cdot 100\%, \quad (6)$$

где $ВРП(ВВП)$ – валовой внутренний продукт (валовой внутренний продукт), млн. руб.

3) доля возобновляемых источников электроэнергии в общем объеме производства (добычи):

$$D_{B3} = \frac{B_{B3.TЭP}}{B_{TЭP}} \cdot 100\%, \quad (7)$$

где $B_{B3.TЭP}$ – объем производства возобновляемых видов ТЭР регионом (страной), т усл. топл.

4) коэффициент использования установленной мощности электрических станций:

$$K_{yM} = \frac{BP_{\Phi}}{BP_{\Pi}}, \quad (8)$$

где BP_{Φ}, BP_{Π} – объем выработки энергии соответственно фактический и потенциальный регионом (страной), КВт·ч.

Отсутствие данных в статистических сборниках не позволяет оценить отдельные обеспечивающие элементы энергетического потенциала (трудовой, управленческий, инновационный, инвестиционный) и степень их развития. Однако следует отметить, что они непосредственно влияют на потребление топливно-энергетических ресурсов и результат их воздействия можно рассчитать на основании эффективности энергопотребления, т.е. путем расчета потребительского потенциала.

Для оценки потребительского потенциала предлагается использовать следующие показатели:

1) энергопотребление на душу населения:

$$\mathcal{E}P_{dj} = \frac{BP_j}{q_{Hj}}. \quad (9)$$

2) энергоемкость ВРП (ВВП):

$$\mathcal{E}_{BPI} = \frac{BP_j}{BPI(BBPI)}. \quad (10)$$

3) энергетическая самостоятельность:

$$\mathcal{E}C = \frac{B_{\Pi.\mathcal{E}Hj}}{B_{TЭPj}} \cdot 100\%, \quad (11)$$

где $B_{\Pi.\mathcal{E}Hj}$ – объем производства (добычи) первичной энергии j -м регионом (страной), т усл. топл.

Экспортно-энергетический потенциал оценивается на основе:

1) доли экспорта энергоресурсов в объеме экспорта:

$$D\mathcal{E}_{TЭPj} = \frac{\mathcal{E}_{TЭPj}}{\mathcal{E}_{OБЦj}} \cdot 100\%, \quad (12)$$

где $\mathcal{E}_{TЭPj}$ – величина экспорта ТЭР j -м регионом (страной), млн. руб.;

$\mathcal{E}_{OБЦj}$ – общая величина экспорта j -го региона (страны), млн. руб.

2) доли импорта энергоресурсов в объеме импортируемых товаров:

$$D\mathcal{I}_{TЭPj} = \frac{I_{TЭPj}}{I_{OБЦj}} \cdot 100\%, \quad (13)$$

где $I_{TЭPj}$ – величина импорта ТЭР j -м регионом (страной), млн. руб.;

$I_{OБЦj}$ – общая величина импорта j -го региона (страны), млн. руб.

Превышение экспорта над импортом ТЭР по j -му региону (стране) в разгах, если величина экспорта выше импорта и наоборот:

$$\Delta\Pi_{\mathcal{E}j} = \frac{\mathcal{E}_{TЭРj}}{I_{TЭРj}}; \Delta\Pi_{Иj} = \frac{I_{TЭРj}}{\mathcal{E}_{TЭРj}}. \quad (14)$$

Данные для расчета уровня развития энергетического потенциала Республики Беларусь представлены в таблице 1 [7].

Таблица 1 – Исходные данные для оценки уровня энергетического потенциала РБ

Показатель	2018 год	2019 год	2020 год
Величина запасов минерально-природных ресурсов (ТЭР) Республики Беларусь на тысячу населения, т.т./ тыс чел	570 838,8	574 568,2	574 763,6
Запасоемкость, т усл. топл / тыс. т усл. топл	14,86	15,12	15,51
Густота:			
- газопроводов, км/тыс. км ² ;	38,06	38,06	38,06
- нефтепроводов, км/тыс. км ² ;	14,37	13,32	13,32
- электрических сетей, км/тыс. км ² ;	1 345,27	1 345,27	1 345,27
- нефтепродуктопроводов, км/тыс. км ² .	5,04	5,04	5,13
Интенсивность перекачки (перевозки) ТЭР, тыс. т	125 217	118 363,9	111 208,14
Выпуск ТЭР на душу населения, т усл. топл / чел	0,63	0,665	0,674
Объем производства ТЭР на 1 рубль ВВП, т / тыс. руб.	48,76	50,46	51,45
Доля возобновляемых источников энергии в общем объеме производства (добычи), %	40,14	42,95	45,43
Установленная мощность электрических станций, МВт:	10 050	9 978	10 181
- тепловые электростанции;	9 883	9 807	9 820
- атомная электростанция;	-	-	-
- гидроэлектростанции;	95	95	95
- ветроустановки;	11	15	112
- солнечные установки.	61	61	154
Коэффициент использования установленной мощности электрических станций, коэф.	0,448	0,469	0,439
Энергопотребление на душу населения, т усл. топл / чел	4,05	4,04	3,94
Энергоемкость ВВП, т усл. топл / 1 млн. руб.	48,76	50,46	51,45
Энергетическая самостоятельность, %	15,53	16,47	17,11
Доля импорта энергетических товаров в общем объеме импорта, %	28,5	25,1	20,4
Доля экспорта энергетических товаров в общей величине экспорта, %	22,2	19,1	11,1
Превышение импорта над экспортом ТЭР, раз	1,455	1,575	2,069

Определить уровень развития энергетического потенциала можно на основе расчета интегрального показателя:

$$I_{ЭН.П} = \sqrt[n]{\sum K_i}, \quad (15)$$

где K_i – коэффициент изменения i -го показателя, характеризующего энергетический потенциал, коэффициент;

n – количество показателей.

Принятые в расчет показатели оказывают прямое и обратное влияние на уровень развития энергетического потенциала, поэтому по показателям, оказывающим прямое влияние, рассчитывается коэффициент изменения (значения отчетного года к прошлому), а по обратным показателям наоборот – (значения прошлого года к отчетному).

Влияние показателей, рассчитанные коэффициенты изменения и интегральный показатель представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Рассчитанные коэффициенты изменения показателей энергетического потенциала (ЭП)

Коэффициенты изменения	Влияние на уровень развития ЭП	2019 год	2020 год
Величины запасов минерально-природных ресурсов Республики Беларусь на тысячу населения	прямое	1,007	1,000
Запасоемкости	прямое	1,017	1,026
Густоты:			
- газопроводов;		1,000	1,000
- нефтепроводов;		0,927	1,000
- электрических сетей;		1,000	1,000
- нефтепродуктопроводов.	прямое	1,000	1,018
Интенсивности перекачки (перевозки) ТЭР	прямое	0,945	0,940
Выпуска ТЭР на душу населения	прямое	1,056	1,014
Объема производства ТЭР на 1 рубль ВВП	прямое	1,035	1,020
Доли возобновляемых источников энергии в общем объеме производства (добычи)	прямое	1,070	1,058
Коэффициента использования установленной мощности электрических станций	прямое	1,070	1,058
Энергопотребления на душу населения	обратное	0,998	0,975
Энергоемкости ВВП	обратное	1,035	1,020
Энергетической самостоятельности	прямое	1,061	1,039
Доли импорта энергетических товаров в общем объеме импорта	обратное	1,135	1,230
Доли экспорта энергетических товаров в общей величине экспорта	прямое	0,860	0,581
Превышения импорта над экспортом ТЭР / превышение экспорта над импортом	обратное/ прямое	0,761	0,924
ИНТЕГРАЛЬНЫЙ ПОКАЗАТЕЛЬ УРОВНЯ РАЗВИТИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА	-	$\sqrt[19]{0,9139} = 0,994$	$\sqrt[19]{0,7755} = 0,984$

Заклучение

Из данных таблицы 2 видно, что уровень развития энергетического потенциала Республики Беларусь имеет более высокое значение в 2019 г. (0,994) по сравнению с 2020 г. (0,984). Снижение показателя в 2020 г. обусловлено:

1) уменьшением: выпуска энергоресурсов на душу населения, интенсивности перекачки (перевозки) ТЭР, доли возобновляемых источников энергии в общем объеме производства (добычи), коэффициента использования установленной мощности электрических станций, энергетической самостоятельности, доли экспорта энергетических ресурсов в общем объеме экспорта.

2) увеличением: доли импорта энергетических товаров в общем объеме импорта, энергоемкости ВВП, энергопотребления на душу населения и превышения импорта над экспортом ТЭР.

Таким образом, для развития энергетического потенциала и обеспечения энергетической безопасности необходимо наращивать объемы производства энергоресурсов, в том числе за счет увеличения доли возобновляемых ТЭР (ветро-, гидро- и солнечная энергия) в общем объеме производства, осуществлять рациональное управление отходами и разрабатывать мероприятия по повышению эффективности использования ТЭР в разрезе отраслей экономики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Энергетика Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>. – Дата доступа: 09.01.2022.
2. Лукашов, Г. А. Методические подходы к оценке энергетического потенциала региона / Г. А. Лукашов // Нефтегазовое дело. – 2011. – № 2. – С. 347–354.
3. Коваленко, Т. А. Энергетический потенциал региона и его экономическая оценка / Т. А. Коваленко, А. В. Волков // Экономика региона. – 2013. – № 3. – С. 161–170.
4. Бушуев, В. В. Энергоэффективность и качество жизни / В. В. Бушуев // Энергоэффективность. Опыт, проблемы, решения. – 2002. – № 4. – С. 32–38.
5. Борисевич, В. И. Экономика региона : учеб. пособие / В. И. Борисевич, П. С. Гейзлер, В. С. Фатеев. – Минск : БГЭУ, 2002. – 432 с.
6. Ахмедова, Л. Ш. Энергетический потенциал устойчивого развития региона / Л. Ш. Ахмедова, Г. И. Идзиев // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2012. – № 42(183). – С. 15–22.
7. Энергетический Баланс Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/355/3555da3e76da214a6b806d596fab82.pdf> Дата доступа: 10.03.2022.

Поступила в редакцию 11.04.2022.

Контакты: romankova.by@mail.ru (Романькова Татьяна Васильевна)

Romankova T. V. METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE ASSESSMENT OF THE LEVEL OF DEVELOPMENT OF THE ENERGY POTENTIAL OF THE REPUBLIC OF BELARUS

The article discusses various approaches to the concept and structure of the region's energy potential. As a result of the clarification, the constituent elements of the potential have been supplemented by export-energy, innovation and investment potentials. The paper substantiates the assessment indicators, proposes a methodology and calculates the level of development of the energy potential of the Republic of Belarus, highlights the main directions for its increase.

Keywords: energy potential, fuel and energy resources, export, level of development, elements.

УДК 332.142

СОТРУДНИЧЕСТВО И ИНТЕГРАЦИЯ УЧАСТНИКОВ ЦЕПЕЙ ПОСТАВОК РЕГИОНА: ЭКОСИСТЕМНЫЙ ПОДХОД

Е. С. Веретенникова

аспирант

Полоцкий государственный университет

Рассмотрены теоретические аспекты экосистемного подхода, которые позволили выявить их ключевые признаки и параметры в рамках развития региона. Определена главная цель и преимущества функционирования и развития региональной логистической экосистемы как для участников цепей поставок, так и для региона в целом. Обосновано, что сотрудничество и интеграция участников цепей поставок в форме сетей, кластеров и с помощью цифровых платформ в рамках логистической экосистемы региона способствуют повышению их конкурентоспособности, достижению синергетического эффекта от взаимного сотрудничества стейкхолдеров, снижению транзакционных издержек и повышению эффективности внедрения инноваций.

Ключевые слова: экосистема, экосистемный подход, региональная цепь поставок, сети, цифровые платформы, кластеры, региональное развитие.

Введение

Перспективное развитие логистической деятельности региона зависит от формирования и устойчивого развития цепей поставок на основе взаимовыгодного сотрудничества и интеграции.

Сотрудничество и интеграция участников цепей поставок региона в виде сетей и формирования кластерных инициатив, появление и развитие цифровых технологий и создание на их основе цифровых платформ обеспечивают механизмы для объединения звеньев цепи поставок с целью реализации их деятельности на больших расстояниях и в любое время. Сегодня экономическая среда региона нуждается в новых бизнес-парадигмах и организационных формах логистической деятельности, которые выходят за пределы прошлых статичных, закрытых моделей управления логистическими процессами и превращаются в более открытые, гибкие модели, приспособленные откликаться на динамику внешней среды, все больше и больше характерную современной экономике. Эта новая модель и бизнес-парадигма получила свое название как экосистема [1].

Основная часть

Понятие «экосистема» пришло из биологии, когда в 1935 году британский эколог и ботаник А. Тэнсли впервые сформулировал данный термин. В своем исследовании «Использование и злоупотребление растительными терминами и концепциями» он не просто определил сам термин, но и представил концепцию экосистемы. Под экосистемой он понимал «локальные сообщества организмов, которые взаимодействуют друг с другом и окружающей средой. Чтобы процветать, эти организмы одновременно конкурируют и сотрудничают, совместно эволюционируют и адаптируются к внешним потрясениям внутри системы» [2]. Таким образом, А. Тэнсли утверждал, что экосистема состоит не только из сово-

купности живых организмов и среды их проживания, но и системы связей, при помощи которых совершается обмен веществом и/или энергией между ними. При данном подходе не только организмы функционируют в тесной взаимосвязи, но и факторы внутренней и внешней среды оказывают влияние на элементы данной экосистемы.

Впоследствии в июне 1993 года была опубликована статья Дж. Ф. Мура в Harvard Business Review «Хищники и добыча: новая экология конкуренции», в которой «экономическая деятельность» определялась, как экосистема, в рамках которой потребители и производители совместно развиваются, тем самым дополняя друг друга. При данном подходе организация представлялась не как отдельный субъект, а как представитель бизнес-экосистемы, включающей разнообразие участников из разных отраслей рынка. Дж. Ф. Мур отмечал: «Как и ее биологический аналог, бизнес-экосистема является экономическим сообществом, поддерживаемым фундаментом взаимодействующих организаций и отдельных представителей делового сообщества, которые в совокупности не только образуют систему взаимной поддержки, но и эволюционируют сообщество, то есть представляют собой организм делового мира, который постепенно переходит от случайного набора элементов к более структурированному сообществу» [3]. При этом ученым был сделан вывод, что термин «экосистема» можно употреблять как применительно одной определенной организации, так и всех предприятий, функционирующих в рамках ограниченной территории, или же предприятий по всему миру в рамках одной из сфер деятельности и т.д. [4].

Если рассматривать исследования современных ученых, то Г. Клейнер трактует экосистему, как «пространственно-локализованный комплекс неконтролируемых иерархически организаций, бизнес-процессов, инновационных проектов и инфраструктурных систем, взаимодействующих между собой в ходе создания и обращения материальных и символических благ и ценностей, способный к длительному самостоятельному функционированию за счет кругооборота указанных благ и систем» [5].

О.И. Филимонов, Т.Г. Касьяненко, М.В. Кухта определяют экосистему, как «динамично развивающуюся совокупность элементов, взаимодействующих между собой и с окружающей средой для достижения единой цели и, кроме того, характеризуется наличием внутри нее ряда составляющих, таких как организационная, инфраструктурная, функциональная (бизнес-процессная), управленческая и инновационная» [4].

Л.И. Ушвицкий, А.А. Тер-Григорьянц, М.Н. Деньщик рассматривают экосистему как «перспективный, сложный формат функционирования устойчивой сетевой структуры, направленный на создание ценности посредством взаимовыгодного сотрудничества и взаимодополняемости ее акторов, в том числе за пределами одной отрасли» [6].

Дорожная карта развития «сквозной» цифровой технологии «Системы распределенного реестра» (Москва, 2019) дает следующее определение: «экосистема означает комплекс мер, направленных на создание сложной системы, способной самостоятельно функционировать на основе взаимосвязи всех благ, ценностей, бизнес-процессов, проектов, инноваций» [7].

С течением времени и развитием экосистемного подхода в современных условиях различные исследователи начинают рассматривать экосистему исходя из сферы своих научных интересов. Так, ряд исследователей начинают выделять такие виды локальных экосистем, как экосистема знаний (П. Шривастава, А.Н. Панченко, Д.В. Ланская, В.Д. Тихомирова и др.), цифровая экосистема (Ф. Нахира, Е.В. Шкарупета, И.И. Переславцева и др.), предпринимательская экосистема (Дж. Вест, Д. Вуд, Л.А. Раменская, В.В. Прохорова, О.Н. Коломыц, О.Г. Смешко, Д.В. Круглов), экосистема промышленного комплекса (Р. Фрош, Н. Галлопулос, Е.В. Шкарупета, Е.В. Попов, В.Л. Симонова, А.Д. Тихонова) и др. [6]. Экосистемный подход предоставляет возможность по-новому взглянуть на кооперацию, сотрудничество и взаимодействие в нескольких аспектах: региональном (национальные, отраслевые, муниципальные экосистемы), отраслевом (экосистемы агропромышленности, медиа, финансовые и др.), в зависимости от вида деятельности (предпринимательские, инновационные, цифровые экосистемы) [8].

Таким образом, если рассматривать сотрудничество и взаимодействие участников цепей поставок и других стейкхолдеров в рамках территории региона, то можно говорить о региональной логистической экосистеме. Так, экосистема региона расположена в рамках определенной территории (региона) и способна функционировать на протяжении определенного времени, что делает возможным определять территорию и время как первичные (базовые) ресурсы, необходимые для функционирования и развития экосистемы. Любая подсистема (или элемент подсистемы) региональной экосистемы обладает отличительными особенностями эти ресурсы использовать. Объединение данных способностей ведет к появлению эффекта, который невозможно было бы получить вследствие отдельного (вне экосистемы) функционирования.

Так, под региональной экосистемой стоит понимать сложно структурированную, многокомпонентную, замкнутую, но при этом условно обособленную, неделимую, открытую систему, которая характеризуется свойствами самоорганизации, самокоординации и саморазвития, а также свойством сильного воздействия на внешнюю среду [9].

Таким образом, экосистемный подход дает возможность рассмотреть как общую деятельность региона и участников цепей поставок, так и их совместное развитие (соразвитие) на основе общих целей, представленных в стратегиях устойчивого логистического развития регионов, стратегиях развития и миссиях участников цепей поставок (рис. 1).

В данном случае понятие «устойчивое логистическое развитие региона» рассматривается, как интегрированное развитие логистической, социальной и экологической систем без нанесения вреда для будущих поколений, которое заключается в удовлетворении потребностей жителей территории и гарантированном развитии каждого элемента систем, что дает возможным выявить главную цель концепции устойчивого логистического развития, сконцентрированную на организации взаимодействия и оценке влияния составляющих компонентов вышеперечисленных систем друг на друга, с определением инструментов обеспечения координации внутрисистемных и интеграционных процессов, их самооптимизации и адаптации к внешней среде.

Соразвитие*Экосистемный подход*

Рисунок 1. Экосистемный подход к развитию региона и его основных стейкхолдеров
Примечание – собственная разработка

Эффективностью и результативностью экосистемы считается принятие и одобрение ее всеми участниками. Стоит отметить, что все субъекты экосистемы региона взаимодействуют друг с другом в ее пределах, обмениваясь ресурсами. Так, создается цепочка добавленной стоимости, когда все субъекты неразрывного процесса формируют взаимодополняемые условия друг для друга. Все участники создают сложную структуру, когда каждая сторона со своими частными целями и задачами совершает обмен запасами и потоками, образуя точки воздействия на экосистему [7].

Главной целью развития и функционирования региональной логистической экосистемы является повышение эффективности логистической деятельности региона и удовлетворение потребностей жителей территории. Эффективное функционирование логистической региональной экосистемы позволит комплексно решить проблемы логистического развития территории и будет способствовать повышению их устойчивости, снижению социальной напряженности и обеспечению экологичности, а участникам цепей поставок – достижению поставленных целей.

Структура логистической экосистемы региона, как и любой другой экосистемы, включает в себя четыре взаимосвязанных компонента (организационный, средовый, процессный и проектный), функционирующие в пределах определенной территории и времени (рис. 2) [5].

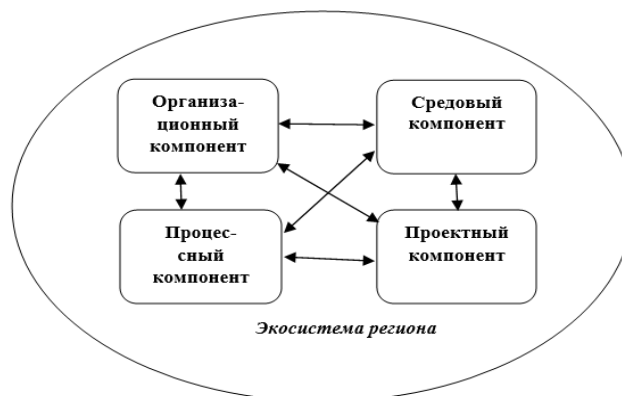

Рисунок 2. Структура экосистемы региона

Примечание – собственная разработка

Организационный (объектный) компонент логистической экосистемы региона представляет основных ее стейкхолдеров – органы местной власти (государство), участники цепей поставок, учреждения образования, научно-исследовательские центры и институты, население и др.

Средовый компонент экосистемы формирует возможности для прямого взаимодействия и сотрудничества ее стейкхолдеров, тем самым предоставляя условия для их результативного функционирования. Характеристику средового компонента логистической экосистемы региона определяют имеющаяся в наличии логистическая инфраструктура и сложившийся инвестиционный климат.

Процессный компонент можно представить как сетевое взаимодействие стейкхолдеров, которое обеспечивает процессы коммуникации и логистики внутри экосистемы. Источником формирования этого компонента являются взаимовыгодные отношения и контакты среди участников данной экосистемы, а также осознание достижения синергетического эффекта от их взаимного сетевого сотрудничества.

Проектный компонент логистической экосистемы региона создает условия для воспроизводства экосистемы, то есть реализовывает функции инноватора внутри нее, обеспечивая производство новых знаний и их распространение.

Большие возможности и новые траектории для развития региональных цепей поставок, а, следовательно, и логистической экосистемы региона в последние годы открывают процессы интеграции, технологизации и цифровизации. Так, взаимодействие и сотрудничество участников цепей поставок в последнее время может осуществляться в форме кластеров, сетей и с помощью цифровых платформ – подсистем региональной логистической экосистемы, функционирование которых обеспечивает повышение конкурентоспособности как участников цепей поставок, так и региона в целом.

Для эффективного функционирования на региональном рынке участникам цепей поставок необходимо производить обмен логистической информацией. Цифровые платформы для сотрудничества и взаимодействия участников цепей поставок могут предоставлять ее участникам прозрачную информацию для оценки качества услуг, ведения переговоров и обеспечения качества логистических потоков. В то время как логистические потоки вне цифровой платформы намного труднее скоординировать из-за часто ограниченного и фрагментарного характера этих потоков и отсутствия доступной и структурированной информации об их движении и качестве [8].

Таким образом, цифровые платформы становятся неотъемлемой частью экосистемы, способствуя созданию условий для прямой коммуникации и упрощению взаимодействия между участниками, оптимизации затрат и достижению синергетического эффекта за счет объединения экономических выгод, повышения эффективности, доступа к получаемой информации, партнерства между субъектами и их долгосрочному сотрудничеству на принципах взаимного доверия и честности.

Очевидно, что цифровые платформы имеют значительный потенциал развития, поскольку они значительно упрощают некоторые аспекты бизнеса и управления цепями поставок.

Таким образом, создание и использование цифровых платформ будет способствовать:

- интеграции и сотрудничеству участников цепей поставок и других ключевых заинтересованных сторон;

- оптимизации затрат и достижению синергетического эффекта за счет объединения экономических выгод;
- росту объемов рынка;
- увеличению скорости получения информации о потребительских предпочтениях;
- переходу на электронный документооборот;
- контролю оборота и доставки товаров;
- прозрачности и снижению неопределенностей цепей поставок;
- решению экологических проблем за счет внедрения принципов экономики замкнутого цикла и развития промышленного симбиоза;
- продвижению и расширению государственно-частного партнерства [10].

Зарубежный опыт показывает, что успешные «приоритеты развития» и «точки роста» региональных экономик во всем мире формируются на базе существующих или потенциальных кластеров. На региональном уровне кластерный подход позволяет учитывать местные особенности развития и разрабатывать эффективные целевые программы, обеспечивающие устойчивое социально-экономическое развитие региона и повышение конкурентоспособности участников цепей поставок. На региональном уровне кластерный подход предлагает ряд преимуществ (институциональных, инновационных, продуктивных), которые могут привести к экономическому росту, реструктуризации регионов, привлечению прямых иностранных инвестиций и решению проблем занятости [11].

С точки зрения рассмотренного выше экосистемного подхода региона, кластеры являются неотъемлемыми составляющими (подсистемами) данной экосистемы и представляют собой локализованную на одной территории группу предприятий (участников цепей поставок), образовательных и научно-исследовательских институтов, а также органов государственной власти, взаимодействующих друг с другом на основании закона синергии. Участники цепей поставок, состоящие в кластере, как правило, являются автономными и самостоятельными субъектами, между которыми существует конкуренция, которая, в свою очередь, является движущей силой развития кластера [12]. Кластеры реализовывают важную функцию в распространении инноваций и зон опережающего роста, что предоставляет возможность регионам применять их потенциал в выполнении комплексных и целевых программ устойчивого социально-экономического и логистического развития [13].

Нахождение участников цепей поставок в кластере ведет к ряду положительных факторов:

- повышение конкурентоспособности участников цепей поставок и региона в целом;
- обеспечение взаимовыгодного сотрудничества всех участников;
- получение синергетического эффекта от совместной деятельности;
- снижение транзакционных издержек;
- обеспечение совместного применения инновационной продукции, услуг, методов и способов управленческой деятельности;
- содействие межотраслевой интеграции и т.д. [14].

Взаимодействовать, сотрудничать и получать положительный эффект от совместной деятельности участники цепей поставок также могут в виде сетей.

Сеть – более широкое понятие, чем цепь поставок, которое представляет собой взаимодействие различных партнеров, взаимосвязанных материальными и други-

ми видами потоков [15]. В рамках сети участники осуществляют свою деятельность на основе единого бизнес-процесса и координации коллективного поведения. Особое внимание здесь предоставляется неформальным взаимоотношениям и доверию между партнерами. Участники сети учитывают как взаимные интересы, так и согласовывают совместные действия, т.к. они взаимозависимы, и результаты деятельности одного участника оказывают непосредственное влияние на других. Так, возникает три типа связей между ними: горизонтальные, вертикальные и симбиотические [16].

Отличительными характеристиками сетевой формы взаимодействия участников цепей поставок являются:

- наличие множества субъектов, осуществляющих свою деятельность в отношениях равноправного партнерства;
- формирование единой ресурсной базы для уменьшения издержек ее эксплуатации и воспроизводства;
- создание единой базы знаний и обмена опытом;
- распределение рисков между партнерами;
- устойчивость информационных связей;
- согласованность действий участников сети;
- наличие и исполнение внутрисетевых правил и стандартов, направленных на обслуживание потребителей, обработку информации, принятие решений, мотивацию, внедрение инноваций и т.п.

Сетевая форма взаимодействия предоставляет участникам цепей поставок ряд преимуществ:

- возможность сосредоточения на функциях, являющихся основными для реализации конкурентных преимуществ;
- повышение конкурентоспособности участников цепей поставок и региона в целом;
- снижение издержек;
- увеличение результатов эффективной деятельности за счет применения коллективных активов различных участников, размещенных на разных стадиях стоимостной цепочки;
- групповые формы работы побуждают к систематическому повышению квалификации сотрудников и др. [17].

Заключение

Анализируя вышеизложенное, можно утверждать, что взаимодействие и сотрудничество участников цепей поставок региона в форме кластеров, сетей и с помощью цифровых платформ положительно влияют как на результаты своей деятельности, так и на региональное логистическое развитие. Однако успешное функционирование региональных цепей поставок в форме сетей, кластеров и с помощью цифровых платформ возможно только в рамках экосистемы, обеспечивающей их взаимную поддержку, взаимодействие и воспроизводство. Так, цифровые платформы, кластеры и сети, являясь подсистемами региональной логистической экосистемы, дополняют друг друга, предоставляя возможность экосистеме региона самостоятельно функционировать за счет безграничного возобновления производственно-воспроизводственных циклов (кругооборота ресурсов и продуктов).

Применение экосистемного подхода на региональном уровне способствует устойчивому логистическому развитию территории, повышению конкурентоспособности участников цепей поставок и региона в целом, достижению синергетического эффекта от взаимного сотрудничества, снижению транзакционных издержек и повышению эффективности внедрения инноваций.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Михайлова, К. О.** Экономические возможности развития логистических систем в цифровых экосистемах / К. О. Михайлова // Актуальные проблемы экономики и менеджмента. – 2020. – № 3(27). – С. 92–99.
2. Что такое бизнес-экосистемы и зачем они нужны [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://trends.rbc.ru/trends/innovation/6087e589_9a7947ed35fdbbf3. – Дата доступа: 21.01.2022.
3. Бизнес-экосистемы как современный тренд рынка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mis.business/upload/iblock/7ea/7ea49ac60_a191d47ea71dd89a2d1eced.pdf. – Дата доступа: 21.01.2022.
4. **Филимонов, О. И.** Экосистема как новая организационно-экономическая форма ведения виртуального бизнеса / О. И. Филимонов, Т. Г. Касьяненко, М. В. Кухта // Актуальные исследования. – 2021. – № 48(75). – С. 31–41.
5. **Логинова, Е. В.** Экосистема образования и науки как драйвер инновационного развития региона / Е. В. Логинова // Россия: тенденции и перспективы развития. – 2021. – № 16-2. – С. 809–812.
6. **Ушвицкий, Л. И.** Формирование концептуальной основы экосистемного подхода к развитию социально-экономических систем / Л. И. Ушвицкий, А. А. Тер-Григорьянц, М. Н. Деньщик // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. – 2021. – № 3(84). – С. 142–154.
7. **Мишина, К. А.** Преимущества экосистемного подхода в менеджменте организации / К. А. Мишина, А. А. Юсуф // Вестник Московского университета имени С. Ю. Витте. Серия 1. «Экономика и управление». – 2021. – № 1(36). – С. 64–70.
8. **Раменская, Л. А.** Применение концепции экосистем в экономико-управленческих исследованиях / Л. А. Раменская // Управленец. – 2020. – № 4(11). – С. 16–28.
9. **Матвеева, Л. Г.** Направления развития цифровой экосистемы в регионах с разными хозяйственными укладами / Л. Г. Матвеева, А. В. Каплина // Вестник Академии знаний. – 2020. – № 40(5). – С. 274–279.
10. **Веретенникова, Е. С.** Цифровая платформа как инструмент интеграции и сотрудничества участников цепей поставок региона: сущность, задачи, перспективы использования / Е. С. Веретенникова // Актуальные проблемы экономики и менеджмента. – 2021. – № 4(32). – С. 26–33.
11. **Истомина, Л. А.** Кластеры в регионах: «за» и «против» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://economy.gov.by/uploads/files/msb-aktual-info/Klastery-v-regionax-za-i-ne-protiv.pdf>. – Дата доступа: 30.08.2021.
12. **Федорова, Н. В.** Кластеры в системе формирования социальной устойчивости регионов / Н. В. Федорова, О. Ю. Минченкова, В. Г. Макеева // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». – 2021. – № 3–2. – С. 172–186.
13. **Мухамадеев, А. Ф.** Методические подходы к идентификации кластеров и оценке их влияния на социально-экономическое развитие региона размещения / А. Ф. Мухамадеев // Экономика, предпринимательство и право. – 2020. – № 11(10). – С. 2637–2649.
14. **Яшева, Г. А.** Кластеры в повышении конкурентоспособности организаций химической и нефтехимической промышленности Республики Беларусь / Г. А. Яшева, Е. А. Костюченко // Материалы докладов Международной научно-практической конференции «Социально-экономическое развитие организаций и регионов Беларуси: цели, приоритеты, механизмы структурных преобразований» : в 2 ч. / УО «ВГТУ». – Витебск, 2011. – Ч. 2. – С. 241–244.
15. **Афанасенко, Д. И.** Управление логистической сетью как цепью / Д. И. Афанасенко // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 319. – С. 135–137.
16. **Ханф, Й.** Сетевой подход к управлению цепями поставок: понятия, круг проблем и направления развития / Й. Ханф, К. Даутценберг, Т. Гагалок, В. Белая // Российский журнал менеджмента. – 2009. – Том 9, № 1. – С. 43–68.
17. **Евстодиева, Т. Е.** Современные формы организации логистики: системы и сети [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-formy-organizatsii-logistiki-sistemy-i-seti>. – Дата доступа: 20.01.2022.

Поступила в редакцию 28.02.2022 г.

Контакты: e.veretennikova@psu.by (Веретенникова Елена Сергеевна)

Veretennikova E. S. COOPERATION AND INTEGRATION OF REGIONAL SUPPLY CHAINS: ECOSYSTEM APPROACH

The theoretical aspects of the ecosystem approach are considered, which makes it possible to identify their key features and parameters in the framework of the development of the region. The main goal and advantages of the functioning and development of the regional logistics ecosystem are determined both for the participants in the supply chains and for the region as a whole. It is substantiated that cooperation and integration of supply chain participants in the form of networks, clusters and using digital platforms within the region's logistics ecosystem contribute to increasing their competitiveness, achieving a synergistic effect from mutual cooperation of stakeholders, reducing transaction costs and increasing the efficiency of innovation.

Keywords: ecosystem, ecosystem approach, regional supply chain, networks, digital platforms, clusters, regional development.

УДК 329:316.75

МУСУЛЬМАНСКАЯ ДИАСПОРА ВЕЛИКОБРИТАНИИ КАК СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН: ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРЕНДЫ

И. В. Котляров

доктор социологических наук, профессор, академик Российской академии социальных наук, заслуженный деятель науки Республики Беларусь, заместитель главного редактора журнала «Иппокрена», научный консультант ЗАО «Медиа-Измеритель»

П. О. Потапейко

кандидат исторических наук
редактор частного предприятия «ТрэвэлХаус»

В статье отмечено, что мигранты-мусульмане в Великобритании создали новую социо-конфессиональную и социально-экономическую реальность. Мусульманская диаспора этой страны является одной из крупнейших в Европе и начала складываться в середине XIX столетия. Ее формирование прошло целый ряд этапов и зависело от множества факторов. В последние годы в стране был взят курс на построение гармоничного мультикультурного британского общества, на основе толерантности и уважения к другим культурам. Как результат, общепризнанные идеалы, ценности и практики пользуются значительной поддержкой мусульман.

Ключевые слова: мусульмане, Европа, ислам, умма, политическая интеграция; мусульманская диаспора, толерантность; исламские организации, радикализм.

Введение

Одной из самых сложных проблем в современном мире является миграция. Миграция – это процесс перемещения определенной группы людей через международную границу или внутри страны. Мигрантами или их потомками являются практически все люди на Земле. Если верить Библии, то первыми мигрантами были Адам и Ева, причем не просто мигрантами, а беженцами. Сейчас в мире насчитывается около двести миллионов мигрантов [1].

«Мигранты прибывают через океан в утлых и опасных суденышках, – отмечал Комиссар по правам человека Совета Европы Томас Хаммарберг, – многие теряют жизнь на этом пути, и иногда их неопознанные тела море выбрасывает на европейское побережье. Они прибывают наземным путем, спрятавшись в грузовиках торговцев людьми, проехав тысячи миль в скученных и опасных условиях. Они тайным образом пересекают наземные границы или же избегают пограничного контроля, представляя фальшивые документы. Эти иностранцы не являются преступниками; они виновны лишь в том, что надеялись на лучшую жизнь, работу или, в самых тяжелых и самых драматических случаях, на защиту от преследований. У всех мигрантов есть права человека – и эти права необходимо соблюдать» [2].

Основная часть

Особый интерес для мигрантов представляет Европа. Европейское общество на протяжении многих столетий создавалось на принципах толерантности и культурного единства, взаимного уважения и равноправия, стремления к свободе и солидарности, доверия государств и людей друг к другу. Эти ценности делали европейский континент привлекательным.

Однако с каждым годом население Европы становилось старше и мудрее и не желало больше трудиться на опасных и грязных, тяжелых и низкооплачиваемых работах. В семидесятые годы прошлого столетия на не совсем престижные работы во многие страны стали приглашать выходцев из других государств, причем, вначале из своих бывших колоний. Мигранты приезжали в ухоженную и респектабельную Европу в сложной политико-психологической ситуации. У многих из них была исковеркана жизнь: погибли семьи, убиты близкие родственники, изнасилованы дочери и жены [3–5]. Как результат, постепенно сформировалось разделение общества на «они» и «мы». Они, – как писал известный исследователь Андрей Мовчан, – оборванные, вырванные из социума, в котором привыкли жить, не знающие языка, не знающие, куда идут и что их ждет, ведут себя не так, как принято в культурных странах: оставляют мусор, крадут, нарушают морально-нравственные нормы – отмечал ученый [6].

В последние десятилетия в Европе появился рукотворно сотворенный «ужас» – мусульманский. Как оказалось, тема политического сознания мусульман в условиях миграции – сложна, многогранна и не понятна для многих политиков и аналитиков.

Главным оплотом национальной самобытности мусульман является ислам. В понятии «исламский мир» выделяют три аспекта: религиозно-культурный, географический и политический. В религиозно-культурном отношении мусульманский мир – это мировое сообщество единоверцев, связанных едиными религиозными и культурными ценностями, образом жизни, уммой (мусульманской общиной, неразрывным единством всех верующих, где бы они ни проживали). Для уммы не существует государственных границ, мусульмане готовы помочь единоверцам, где бы они ни находились. Концепция уммы придает исламу огромную мобилизующую силу [5].

Долгие годы множество людей выбирало для жизни стабильное и благополучное Соединенное Королевство, отличающееся от других европейских государств одной из самых сильных экономик и давними демократическими традициями, уважением прав человека и терпимостью по отношению к мигрантам. Но и в нем после второй мировой войны появился дефицит рабочей силы, ликвидировать который за счет эксплуатации британцев не представлялось возможным. Стремясь избежать социальной напряженности, правительство во главе с Клементом Эттли создало эффективную систему социального страхования и национальную службу здравоохранения. Несмотря на то, что в каждой из этих служб были созданы тысячи рабочих мест, условия и оплата труда оказались малопривлекательными для жителей Великобритании. Именно эти места заняли мигранты, большинство которых были неквалифицированными рабочими. Их труд не нужно было оплачивать так высоко, как коренных жителей, и они дорожили работой и высоко ценили свой новый статус [3–6].

Интеграция переселенцев в Великобританию изначально была проникнута толерантностью, укреплявшейся духом солидарности существовавших в Британской

империи различных народов и культур. В Великобритании гражданство получали как по крови, так и по праву почвы. Британским гражданином становился тот, кто рожден от британского гражданина, или от небританца, являющегося постоянным жителем страны. Отличительная особенность британской стратегии состоит в том, что интеграция здесь происходила и происходит не только индивидуально, но и через этнические общины с целью поддержания их культурной идентичности [7, р. 23]. Ничего подобного в мире ранее нигде не наблюдалось.

Число иммигрантов в Великобритании резко увеличилось после Первой мировой войны за счет мусульман, участвовавших в военных действиях и оставшихся в метрополии [8]. Провозглашение независимости Индии вызвало массовое переселение ее жителей в Британию. В составе этой волны иммиграции были как мусульмане, так и индуисты, сикхи, христиане, зороастрийцы, однако мусульмане занимали первое место по численности [9, с. 32].

В Соединенном Королевстве под «британскими мусульманами» понимали, прежде всего, тех, кто следует «нормам исламской доктрины безотносительно уровня знаний о ней и степени соблюдения ее норм и правил. Во-вторых, тех граждан, на чью повседневную жизнь ислам оказывает существенное влияние. Третий подход – родившихся в мусульманской семье, даже если они не соблюдают предписаний религии [7].

После Второй мировой войны около 800 миллионов человек, родившихся за пределами Великобритании, получили право претендовать на британское подданство. Британский Национальный Акт 1948 года утвердил единое гражданство для Великобритании и ее бывших колоний с правом переселения и работы жителям как колоний и протекторатов, так и стран Содружества. В результате этого британское общество первым из европейских государств стало успешно решать многие вопросы, поставленные мусульманами [10]. Парадокс ситуации заключался в том, что на протяжении всего периода миграции в Великобританию происходило ужесточение миграционного законодательства страны. Миграционные законы на рубеже 1940–50-х гг. не устанавливали каких-либо жестких ограничений на приезд британских подданных [11], а в 1962 году был принят Акт об иммиграции, согласно которому вводилась квота на въезд для лиц, имеющих паспорт подданного Соединенного Королевства [12, с. 119].

В 1968 году лейбористское правительство посчитало это явно недостаточным и добилось принятия нового Акта об иммиграции, согласно которому получение гражданства ограничивалось лицами, родившимися на территории Великобритании, либо теми, чьи родители или прямые предки родились там, либо имеющими там близких родственников [13, с. 15].

С конца 70-х годов прошлого столетия в Британии стало ясно, что если миграции не избежать, то необходимо максимально приспособиться к жизни с мигрантами. С этой позиции становятся понятными меры по защите прав и свобод этнических и религиозных меньшинств, предпринятые британскими властями в рамках мультикультурализма [11].

Мультикультурализм как символ толерантности и политкорректности понимался политиками эффективным механизмом, способствующим взаимообогащению культур и построению гармоничного государства. Он как идеальная модель поликультурного общества предполагал определенный комплекс принципов (борьбу с расизмом и ксенофобией, защиту мигрантов от дискриминации, предоставление

равных прав и возможностей всем меньшинствам), следование которым должно позволить представителям различных культурных и религиозных сообществ гармонично жить и развиваться в рамках одного общества [11]. Была разработана и активно внедрялась система мер по поддержке национальных меньшинств для сохранения ими самобытности и культуры, традиций и обычаев, принят ряд законов, направленных на недопущение дискриминации по национальному или расовому признакам. Мультикультурализм признавал инаковость меньшинств, не вычёркивая их из общественной жизни страны [11; 14].

Некоторые государства стремились использовать потенциал исламского влияния в геополитических целях. Для координации действий исламских организаций в 1990 году было создано Исламское общество Британии. К 1996 году в стране уже было 950 исламских организаций [15]. В 1989 году была создана Исламская партия Британии, правда, не имеющая особых шансов в предвыборной борьбе из-за мажоритарной избирательной системы [16].

Росла теоретическая и идеологическая направленность практических действий сторонников ислама. Директор Мусульманского института доктор Калим Сиддики в 1990 году опубликовал «Мусульманский манифест», требуя статуса «автономного сообщества» для британских мусульман и установления особых отношений между Соединенным Королевством и Ираном [17].

После событий 11 сентября 2001 года среди британских мусульман начали распространяться радикальные идеи, обострялись отношения между ними и коренными британцами. Как результат, ухудшилась политическая ситуация, многие мусульмане почувствовали дискриминацию при трудоустройстве, съеме жилья и т.п., отмечали, что их школы не получают правительственных субсидий в отличие от протестантских, католических и иудейских [18].

Возможностью развивать свою религию в то время британские мусульмане воспользовались в полной мере. В этот период получили развитие исламские школы, халяльное питание в больницах, школах и тюрьмах, появилась возможность осуществлять намаз в рабочих условиях, выделялись места для мусульманских кладбищ и т.д. В учебных заведениях Лондона была введена отдельно рассадка учащихся мужского и женского пола. Хиджаб, никаб и национальная одежда уже не мешали работе и учебе, быту и жизни вообще. Некоторые имамы называли Лондон более исламским и «халяльным», чем столицы многих мусульманских стран [11, 14, 19].

Казалось, большинство проблем мусульман решено на государственном уровне. И совершенно неожиданными для многих политиков стали террористические акты исламских радикалов против обычных граждан Британии. В июле 2005 года произошла серия нападений на граждан в Лондоне, воспринятая общественностью как «британское 11 сентября», погибло 52 человека [20]. В мае 2013 года молодыми мусульманами нигерийского происхождения был убит военнослужащий британской армии Ли Ригби [21]. Как результат, резко возросла враждебность британского общества к исламу.

Социологами и психологами был разработан социально-психологический портрет исламских радикалов. Это, как правило, потомки мусульманских иммигрантов во втором или третьем поколении, выросшие в неблагополучных районах, получившие слабое религиозное образование, окончившие школу, но не сделавшие профессиональной карьеры. Вернувшись в ислам, они не имели опыта религиоз-

ной практики и сколько-нибудь серьезных познаний в области религии. Утверждение об изначальной агрессии, заложенной в исламе, оказалось не состоятельным [5; 11].

Пандемия коронавируса внесла существенный вклад в дальнейшее ухудшение отношений между сторонниками ислама и большинством населения страны. Ряд политических сил обвинил исламскую диаспору в распространении COVID-19. Традиционный уклад жизни многих мусульманских семей способствовал распространению болезни. Например, мусульмане, как правило, проживают семьями в составе трех поколений. Традиционные обычаи социальной близости (например, совместное использование посуды), неприятие социального дистанцирования, массовое посещение молитв в мечетях помогали передачи инфекции. Хотя Совет мусульман Британии рекомендовал не собираться на пятничные молитвы и отменить все массовые религиозные мероприятия, далеко не все мечети соблюдали эти рекомендации. Одним из последствий пандемии и социальной изоляции для мусульманской диаспоры Великобритании стала психологическая травма из-за невозможности ухода за престарелыми членами семей и их похорон в соответствии с традициями.

Заключение

Мусульманская община в Великобритании является неотъемлемой частью культуры, экономики и политики этой страны. Британские власти с первых дней миграционных процессов привлекали мигрантов и их потомков к участию в общественно-политической и социально-экономической жизни страны, предоставляли им гражданство, принимали в британское общество без утраты ими культурных и религиозных традиций. В стране была разработана и активно внедрялась широкая система мер по поддержке национальных меньшинств с целью сохранения ими самобытности и культуры, традиций и обычаев, принят целый ряд законов, направленных на недопущение любых форм дискриминации по национальному или расовому признакам. Взаимодействие британской культуры и культуры мигрантов способствовало постоянному развитию британской идентичности, приобретению ей новых черт. Великобритания постепенно становилась самым толерантным и желаемым для мигрантов государством [11; 14].

Британская культура для создания эффективного мультикультурного общества попыталась вобрать в себя культуры и религии мигрантов, но это не дало ожидаемого эффекта. Мигранты во втором-третьем поколении, стремясь сохранить свойственные им идентичность и язык, культурные и религиозные традиции, становятся более радикальными, чем их предки, для которых переезд в Великобританию был пределом мечтаний. Идет поиск сущности идентичности, которая до сих пор в британском обществе не имеет четких определений и критериев, ее взаимодействия, национальности и гражданства, но на это многие политики и ученые Великобритании, как, впрочем, и нашей страны, не обращают особого внимания.

В настоящее время Великобритания ведет целенаправленный поиск эффективных сценариев интеграционной политики, отвечающих как интересам коренных жителей страны, так и учитывающих потребности мигрантов. Однако прибытие большого числа мигрантов с прочной религиозной или этнической идентичностью создает определенную угрозу коренному населению Великобритании [11; 14].

Белорусским ученым важно изучать и учитывать опыт интеграции мусульман в Британии, не допускать возникновения в белорусских социумах кварталов и регионов с высокой долей мигрантов, проживающих на постоянной основе. Это чревато созданием своих образовательных и благотворительных учреждений, мест отправления культа, формированием отдельных от общества языковых, социальных и культурных связей [3–5; 8; 11; 14].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Альтнер, Б.** Век мигрантов / Б. Альтнер. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://vk.com/doc-20659267_238325179?hash=b6b8ea6c0cf6b82986 – Дата доступа: 10.03.2022.
2. **Хаммарберг, Т.** Комиссар по правам человека Совета Европы / Т. Хаммарберг / Migration. Компас. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.coe.int/ru/web/compass/migration> – Дата доступа: 10.03.2022.
3. **Плещунов, Ф.** Мусульмане Великобритании: поиск новой идентичности / Ф. Плещунов // Азия и Африка сегодня. – 2008. – № 10. – С. 16–21.
4. **Понамарева, А.** Мусульмане Европы: прогрессирующий фактор страха / А. Понамарева // Ислам в современном мире. – 2013. – № 3–4. – С. 8–23.
5. Ислам в мировой политике в начале XXI века: учеб. пособие / под ред. Л. М. Ефимовой, М. А. Сапроновой. – М.: МГИМО-Университет, 2016. – 345 с.
6. **Мовчан, А.** Россия в эпоху постправды. здравый смысл против информационного шума / А. Мовчан. – М.: Альпина, 2019. – 598 с.
7. **Ansari, H.** Muslims in Britain. Report / H. Ansari. – London: Minority Rights Group International, 2002. – 41 p.
8. **Садыкова, Л. Р.** Мусульмане в Великобритании / Л. Р. Садыкова // Новая и новейшая история. – 2013. – № 5. – С. 204–209.
9. **Shaw, A.** A Pakistani Community in Britain / A. Shaw. – Oxford, 1988. – 208 p.
10. British Nationality Act, 1948, Part I, 1–(1–3). [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.statistics.gov.uk. – Дата доступа: 10.03.2022.
11. **Карпов, Г. А.** Британская миграционная политика второй половины XX – начала XXI вв.: уроки для России / Г. А. Карпов // Национальная безопасность / nota bene. – 2017. – № 1. – С. 15–42.
12. **Козлов, В. И.** Иммигранты и этно-расовые проблемы в Британии / В. И. Козлов. – М.: Наука, 1987. – 201 с.
13. **Ланда, Р. Г.** Мусульманская диаспора и исламо-экстремизм в Великобритании / Р. Г. Ланда // Мусульмане на Западе: сб. ст. / сост. М. Р. Арунова. – М.: ИБВ, 2002. – С. 14–31.
14. **Пец, Е.** Британский мультикультурализм как метод нерешения проблем / А. Пец. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://search.rsl.ru/ru/record/01005566402> – Дата доступа: 10.03.2022.
15. http://aobm.org.uk/main/page_id=30.
16. **Макманус, Дж.** За кого голосуют британские этнические меньшинства? / Дж. Макманус, Р. Ли. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/uk>. – Дата доступа: 13 апреля 2022.
17. **Siddiqui, K.** The Muslim Manifesto: A Strategy for Survival / K. Siddiqui. – London: The Muslim Institute, 1990. – 40 p.
18. **Dobson, R.** British Muslims face worst job discrimination of any minority group, according to research / R. Dobson. – The Independent, 30 November 2014. Available at: <https://www.independent.co.uk/news/uk/home-news/british-muslims-face-worst-job-discrimination-of-any-minority-group-9893211.html>. Retrieved 1 December 2014.
19. **Mackie, Ph.** ‘Islamic takeover plot’ in Birmingham schools investigated / Ph. Mackie. – BBC News, 7 March 2014. Available at: <https://www.bbc.com/news/uk-england-birmingham-26482599>. Retrieved 7 March 2014.
20. <https://www.bbc.com/russian/media-40015753>.
21. https://www.bbc.com/russian/uk/2014/11/141125_uk_woolwich_murder_report.

Поступила в редакцию 29.03.2022 г.

Контакты: kotlarov2018@tut.by (Котляров Игорь Васильевич, Потапейко Павел Олегович).

Kotlyarov I. V., Potapeika P. O. MUSLIM DIASPORA IN GREAT BRITAIN AS A SOCIO-CULTURAL PHENOMENON: HISTORICAL AND POLITICAL TRENDS

The article states that Muslim migrants in Great Britain have created new socio-confessional and socio-economic reality. The Muslim diaspora of this country is one of the largest in Europe, having started to emerge in the mid-19th century. Its development has had a number of stages and depended on various factors. In recent years, the country has preferred a policy to build a harmonious multicultural British society based on tolerance and respect to other cultures. As a result, the vast majority of the British Muslims supports ideals, values and practices widely accepted in the British society.

Keywords: Muslims, Europe, Islam, umma, political integration; Muslim diaspora, tolerance; Islamic organizations, radicalism.

ЗДОРОВЬЕ МОЛОДЕЖИ КАК ПРЕДМЕТ ЕЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

С. Н. Лихачева

кандидат социологических наук, доцент

заведующий кафедрой политологии и социологии

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

В статье рассматриваются проблемы формирования и поддержания здоровья и здорового образа жизни молодежи как направления ее социальной защиты. Актуальность социологической диагностики проблем здоровья молодежи определяется условиями оптимизации социальной политики охраны здоровья молодого поколения в Республике Беларусь. Теоретический и эмпирический анализ изучения самосохранительного поведения молодежи выявил наличие определенных проблем со здоровьем, которые носят преимущественно поведенческий характер, а также связаны с выбором форм проведения досуга.

Ключевые слова: здоровье молодежи, здоровый образ жизни, социальная защита молодежи, социальная политика, самосохранительное поведение, алкоголизм, табакокурение, наркомания в молодежной среде.

Введение

Проблема здоровья и здорового образа жизни выступает в числе наиболее актуальных как на уровне личности, отдельных социальных групп, так и всего общества в целом. Этот биосоциальный феномен имеет два смысловых аспекта: медицинский и поведенческий. Первый в большей степени зависит от уровня развития системы здравоохранения, научных разработок в области медицины. Второй – от человека, его отношения к себе, восприятия информации о принципах здорового образа жизни, а также системы воспитания. Здоровье имеет своих субъектов, «носителей» – конкретных людей, занимающих определенное положение в обществе, вступающих во взаимодействие с социальными институтами, в том числе и здравоохранения, имеющих свои ценностные ориентации. Здоровье нередко декларируется в качестве первостепенной личностной ценности, но сама личность в тоже время может сознательно или бессознательно его разрушать. В этой связи особую обеспокоенность общества вызывает молодежь, которая, несмотря на объективные предпосылки наличия хорошего здоровья, попадает в группы риска, подверженные пагубным пристрастиям, таким как пьянство, табакокурение, наркомания, игровая зависимость, распространение ВИЧ и т.д. Таким образом имеется настоятельная необходимость социологического изучения различных аспектов поведения молодежи, связанного с отношением к своему здоровью и соблюдению правил здорового образа жизни.

Основная часть

Здоровье молодежи рассматривается как единство биологических и социальных составляющих, обусловленных врожденными и приобретенными качествами. Молодежная группа является определяющей в «человеческом потенциале» общества, в том числе и по показателям здоровья, отсутствия болезней. Стратегия развития

государственной молодежной политики Беларуси до 2030 года предусматривает в качестве одного из основных приоритетов здоровье молодежи, минимизацию проблем связанных с сохранением и укреплением ее здоровья [1, с. 10–11]. Специфика рассматриваемой проблемы заключается в том, что в молодежной группе решающими являются поведенческие факторы, а не физиологические, связанные с изношенностью организма из-за возраста, тяжелой физической работы, вредными условиями труда. По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь молодежь наиболее активно занимается физкультурой и спортом среди других возрастных групп: на начало 2022 года в процентах от общей численности населения соответствующей группы в возрасте 16–29 лет – 49,2%; в 30–44 года – 24,3%; в 45–59 лет – 21%; в 60 лет и старше – 28,3% [2]. Несомненно, вовлеченность в физическую активность должна быть выше, особенно на фоне показателей по употреблению алкоголя среди молодежи. «В Беларуси, по статистическим данным, регистрируется рост употребления алкоголя на душу населения в категории 15+, и в 2020 году он составлял 10,8 л на человека» [3]. В социологии, демографии и других общественных науках отношение к собственному здоровью рассматривается через феномен самосохранительного поведения личности. Известный российский исследователь А. И. Антонов использует его для «описания готовности личности к сохранению собственной жизни и здоровья» [4, с. 33]. В значительной степени это зависит от самооценки здоровья и действий, а также от того комплекса знаний и услуг, которые можно получить от общества для его сохранения и поддержания.

Социальная защита – это деятельность государства по поддержке нуждающихся в ней категорий граждан. Для молодежи первостепенное значение имеет создание социально справедливых стартовых возможностей для развития личности, трудоустройства, создания семьи, а также предупреждения ситуаций риска, в том числе в отношении собственного здоровья. Социальную защиту рассматривают как одно из направлений социальной политики. «Значение государственной социальной политики в сфере здоровья определяется тем, что от ее реализации в конечном итоге зависят состояние здоровья населения и перспективы его изменения. Само понятие «политика», следуя методологии Т. Парсонса, определяется как целенаправленная, преобразующая деятельность, связанная с мобилизацией и использованием тех или иных видов общественных ресурсов. А социальная политика понимается как целенаправленная деятельность государства по перераспределению ресурсов среди граждан с целью достижения благополучия» [5, с. 14]. Социальная защита выступает инструментом выравнивания прав граждан в сфере здравоохранения и защиты своего здоровья. Принцип социальной справедливости усиливает адаптационные возможности различных групп населения в условиях развития рыночной экономики, в том числе молодежи, в частности, поддерживается инфраструктура для занятий физкультурой и спортом, организовывается воспитательная работа по формированию здорового образа жизни, рационального и доступного питания в учреждениях образования. Но не менее важен и другой принцип в реализации социальной защиты – взаимная ответственность государства и самого человека, предполагающий осознанное отношение к себе и своему здоровью. В этой связи формирование здорового образа жизни является одной из основных задач государственной молодежной политики.

Вопросы формирования и поддержки здорового образа жизни молодежи рассматривались при проведении опроса в Могилевской области отделом социологи-

ческих исследований и информационно-аналитической работы КИУП «Информационное агентство «Могилевские ведомости» в 2020 году. Только примерно каждый десятый молодой человек (11,8%) не имеет никаких жалоб на здоровье. Более половины относят себя к здоровым и болеют только простудными заболеваниями (57,6%). Почти треть участников опроса отмечают у себя более серьезные проблемы. Медики часто обращают внимание, что так называемые «сезонные», в первую очередь простудные заболевания являются следствием ослабленного иммунитета, за которым стоит беспечное отношение к своему организму. Физкультура, закаливание, достаточное употребление витаминов и т.д. требует каждодневных усилий и многие на это обращают внимание в последнюю очередь. При этом пандемия COVID-19, представляющая серьезную угрозу для жизни большого количества людей, более остро поставила вопрос ответственного поведения по отношению к здоровью, а именно, необходимости вакцинации, ношения защитных масок, соблюдению безопасной дистанции и др.

Как показал опрос, многие молодые люди даже не считают нужным обращаться в медицинские учреждения в случае болезни: обращаются всегда – 3,9%; иногда обращаются, иногда нет – 80,3%; почти никогда не обращаются – 15,8%. Важно, на наш взгляд, рассмотреть причины такого поведения, так как за этим могут скрываться как невнимание к собственному здоровью, так и издержки работы системы здравоохранения. Основными причинами были отмечены следующие: не был серьезно болен – 48,8%; могу сам оказать себе помощь или члены моей семьи – 42,4%; посещение врача отнимает слишком много времени – 22,2%; не доверяю врачам – 5,4%. На первое место, как можно видеть из распределения ответов, выходят причины социокультурного характера. Молодежь, согласно широко и прочно устоявшимся в нашем обществе традициям, прибегает к самостоятельным действиям, как в определении степени серьезности своего недуга, так и в его лечении. Система образования, средства массовой информации, семья и ближайшее окружение вооружают определенным объемом медицинских знаний, однако его все же нельзя признать достаточным в лечении большинства болезней. Поэтому медикам часто приходится иметь дело с их запущенными формами или последствиями самолечения. Имеются нарекания и в адрес медицинских учреждений: длительное ожидание в очереди, отсутствие взаимопонимания с врачом, доверия к нему, что также является препятствием для обращения к специалистам.

Рассматривая поведение молодежи в отношении собственного здоровья, важно проанализировать, какие факторы она выделяет в качестве основных, влияющих на его состояние. Вполне возможно, что ими молодые люди руководствуются в определении собственных ценностных приоритетов и предпочтительных действий в повседневном поведении: образ жизни – 57,1%; экологическая ситуация – 55,2%; отношение к самому себе – 45,8%; наследственность – 40,9%; качество продуктов питания – 34%; медицинское обслуживание – 25,1%; уровень материального положения – 16,7%; наличие информации о здоровье – 2,5%. Респонденты могли отмечать несколько важных, по их мнению, факторов, приоритетными оказались образ жизни и тесно с ним связанный – отношение к самому себе, т.е. многие полностью осознают обусловленность своего здоровья собственными поступками. Наследственность рассматривается как само собой разумеющийся, природный фактор и он несколько уступает поведенческому. Большое внимание уделяется молодежью состоянию окружающей среды, эта тенденция характерна для большинства ци-

визированных стран и использование потенциала молодых в деле ее улучшения очень продуктивно. Каждый третий уделяет внимание качеству продуктов питания, и только каждый четвертый медицинскому обслуживанию, что выглядит неожиданно, когда речь ведется о здоровье. Любопытно, что уровень материального положения оказался на предпоследнем месте, т.е. молодые все-таки придерживаются мнения, что «здоровье не купишь». Важность наличия информации почти не имеет никакого значения, возможно, из-за ее широкой распространенности и доступности благодаря просветительской деятельности медицинских специалистов, учреждений образования, средств массовой коммуникации.

Рассмотрим некоторые конкретные действия молодых людей в отношении собственного здоровья, учитывая, что образу жизни ими отводится первостепенное значение (см. табл. 1).

Таблица 1 – Распределение ответов на вопрос: «Каких составляющих здорового образа жизни вы придерживаетесь?», %

Варианты ответов	Придерживаюсь регулярно	Стараюсь, но не получается	Не придерживаюсь
Занимаюсь физкультурой	21,2	59,1	19,7
Хожу пешком	46,8	41,4	11,8
Ограничиваю мучное, сладкое, жирное	6,9	37,9	55,2
Регулярно питаюсь	29,6	58,1	12,3
Соблюдаю правила личной гигиены	94,6	3,9	1,5
Ежегодно прохожу медосмотры	47,8	37,9	14,3
Избегаю стрессовые ситуации	7,9	75,9	16,3
Бываю за городом	34,5	53,2	12,3

Наиболее благоприятно выглядит ситуация с соблюдением правил личной гигиены, их придерживается подавляющее большинство. Самую большую сложность представляет ограничение мучного, сладкого и жирного, причем более половины даже и не стараются этого придерживаться. В молодом возрасте это может не вызывать особого беспокойства, однако только примерно каждый пятый регулярно занимается физкультурой, что уже не соответствует принципам здорового образа жизни. Несколько странно выглядит ситуация с ежегодными медосмотрами, их проходит регулярно только почти половина опрошенных, хотя поликлиники прилагают здесь немало усилий и для учащихся организуются плановые медосмотры. Отмечаются сложности с избеганием стрессовых ситуаций, а поводов у молодых здесь достаточно: учеба, взаимоотношения с противоположным полом, вопросы трудоустройства и т.д. Не у всех имеется возможность регулярно питаться. Многие стараются ходить пешком и бывать за городом.

Таким образом, здоровый образ жизни молодежи – это системное и комплексное понятие, предполагающее оптимизацию общего физического, социально-психологического и нравственного состояния человека. Важно отметить, что и молодые придают ему высокую значимость. Для общества необходимо отслеживать его основные изменения, так как это может иметь серьезные последствия для современной экономической, политической, демографической и социокультурной ситуации в стране.

Анализ проблем формирования здорового образа жизни молодежи был бы неполным без рассмотрения досуговой деятельности. Это часть свободного времени,

которая остается после исполнения непреложных обязанностей, предназначенная для отдыха, любительского творчества, спорта и т.д. Досуг – одна из социальных сфер, где молодой человек может проявить собственную самостоятельность, организовывать и организовываться, общаться. Различают активные и пассивные формы проведения досуга. В первом случае – это его деятельностные разновидности: творческие и любительские занятия, физкультура и спорт, а также активные формы межличностного и межгруппового общения. Во втором случае – это пассивное потребление различных культурных мероприятий и особенно потребление продукции средств массовой коммуникации (радио, телевидение, Интернет и пр.). Несомненно, большую ценность в поддержании здоровья представляет активный отдых. В нашем опросе сторонники этих двух форм разделились почти поровну: предпочитают пассивный отдых (полежать, посмотреть телевизор, посидеть за компьютером) – 51,7%, активный (спорт, танцы, поездки на дачу) – 48,3%. Учитывая возраст опрашиваемой группы, можно отметить недостаточную досуговую активность молодых, тем более в последнее время возможности для нее расширяются.

Неумение правильно организовать свободное время, его избыток, действия «за компанию», потребительские ценности нередко приводят к девиантным формам поведения, в том числе и распространению вредных привычек, негативно сказывающихся на состоянии здоровья. К сожалению, курение, употребление алкоголя и наркотиков нередко воспринимается молодыми людьми как неотъемлемый атрибут их субкультурной жизни. Тем более, что это достаточно доступно, и не требует такой отдачи сил как в спорте, занятиях музыкой и т.д.

В ходе исследования мы выяснили отношение молодых людей к курению (см. табл. 2).

Таблица 2 – Распределение ответов на вопрос о пристрастии к табакокурению, %

Варианты ответов	Общее распределение	Девушки	Юноши
Не курю и никогда раньше не курил(а)	58,6	59,7	54,5
Курил(а) раньше, но теперь не курю	15,3	15,1	15,9
Курю, но только в стрессовой ситуации	8,4	10,1	2,2
Курю, но только в компании	8,4	6,9	13,8
Курю регулярно	9,4	8,2	13,6

В различных странах по борьбе с курением применяются самые разнообразные методы как пропагандистско-воспитательного, так и правового, а также экономического характера. Немало в этом направлении сделано и у нас, в том числе и в формировании негативного общественного мнения к курению и курящим. Однако более 40% опрошенных нами молодых людей в той или иной степени и форме подвержены этому пагубному пристрастию, причем нет существенных различий по полу – курение давно перестало быть атрибутом мужественности. Как можно видеть в таблице, юноши более склонны курить в компании, а девушки – в стрессовых ситуациях.

Серьезной проблемой в современной молодежной среде можно также назвать распространение употребления спиртного. Значительная часть преступлений совершается лицами в нетрезвом состоянии, распадаются семьи, страдает здоровье. Опрос в Могилевской области показал, что молодежь в своем большинстве приобщена к употреблению спиртного (см. таб. 3).

Таблица 3 – Распределение ответов на вопрос о пристрастии к употреблению спиртного, %

Варианты ответов	Общее распределение	Девушки	Юноши
Не употребляю	21,7	25,7	6,1
Употребляю реже, чем раз в месяц	51,2	47,8	63,1
Употребляю несколько раз в месяц	26,1	26,5	25,0
Употребляю несколько раз в неделю	1,0	0	6,1

Каждый четвертый в выборочной совокупности независимо от пола имеет дело с алкоголем несколько раз в месяц, у некоторых юношей можно уже отметить устойчивое пристрастие, так как они выпивают несколько раз в неделю.

Серьезные последствия для здоровья и личностного развития имеет употребление наркотиков. Оно не так широко распространено, как алкоголь и курение, однако имеет место и носит потенциальную угрозу для здоровья человека и нации. Довелось попробовать наркотические вещества несколько раз – 3%, только один раз – 4,4% и это в основном юноши. Возможно, молодые люди руководствуются принципом: «все в жизни надо попробовать», или поступают «за кампанию», но антинаркотическое просвещение должно проводиться в молодежной среде регулярно и повсеместно.

Заключение

На сегодняшний день молодежь представляет собой достаточно разнородную группу с разными целями и потребностями. Ее социальное развитие представляется сложным и противоречивым процессом в условиях изменения социокультурных ценностей современного общества. Современная социально-демографическая ситуация актуализирует приверженность принципам здорового образа жизни. Для молодых характерен определенный нигилизм и в отношении собственного здоровья, а свобода распоряжаться собственной жизнью может принимать и в буквальном смысле разрушительные формы. Алкоголизм, курение, беспорядочные половые связи, неумение рационально питаться, малоподвижный образ жизни и другие более или менее серьезные отклонения вызывают рост числа заболеваемости, неудобства для окружающих, общественные проблемы.

Учитывая полученные данные, основными выводом настоящего исследования является то, что молодежь необходимо обучать соблюдению основных правил в отношении своего здоровья. Человек, совершающий конкретные действия по укреплению и поддержанию своего здоровья, даже в случае угрозы чувствует себя более защищенным. Огромное влияние оказывают на молодежь средства массовой коммуникации, а также специалисты-медики, что необходимо учитывать в проведении профилактической работы. Распространение вредных привычек нередко обусловлено неумением рационально использовать свое свободное время, недостатков в организации молодежного досуга. Важным направлением в этой сфере является поддержка молодежных инициатив, вовлечение самой молодежи в информационно-профилактическую деятельность.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. О Стратегии развития государственной молодежной политики Республики Беларусь до 2030 года [Электронный ресурс] / Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 19 июня 2021 г. № 349. – Режим доступа: <https://etalonline.by/document/?regnum=c22100349>. – Дата доступа: 15.04.2022.

2. Статистический обзор ко Всемирному дню здоровья / Национальный статистический комитет Республики Беларусь: Статистический обзор 05.04.2022 [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-pdf/oficial_statistika/2022/statobzor-zdorovie-2022.pdf. – Дата доступа: 15.04.2022.

3. Общественно-государственное партнерство в разрешении проблем пьянства и алкоголизма [Электронный ресурс] / Министерство здравоохранения Республики Беларусь – Режим доступа: <http://minzdrav.gov.by/ru/sobytiya/obshchestvenno-gosudarstvennoe-partnerstvo-v-razreshenii-problem-ryanstva-i-alkogolizma/>. – Дата доступа: 22.04.2022.

4. Антонов, А. И. Социология семьи: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. проф. А. И. Антонова. – М.: ИНФРА-М, 2005. – 338 с.

5. Здоровье студентов: социологический анализ / Отв. ред. И.В. Журавлева; Институт социологии РАН. – М., 2012. – 1 CD ROM. – 252 с.

Поступила в редакцию 11.05.2022 г.

Контакты: lihacheva_sn@mail.ru (Лихачева Светлана Николаевна)

Likhachova S. N. YOUTH HEALTH AS A SUBJECT OF ITS SOCIAL PROTECTION: SOCIOLOGICAL ASPECT

The article deals with the problems of formation and maintenance of health and a healthy lifestyle of young people as a direction of their social protection. The relevance of sociological diagnostics of youth health problems is determined by the conditions for optimizing the social policy of protecting the health of the young generation in the Republic of Belarus. Theoretical and empirical analysis of self-preservation behavior of young people has revealed the presence of certain health problems, which are predominantly behavioral in nature, and are also associated with the choice of forms of leisure.

Keywords: youth health, healthy lifestyle, social protection of youth, social policy, self-preservation behavior, alcoholism, smoking, drug addiction among young people.

УДК 316.334.55(476-22)

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СЕЛЬСКОГО СООБЩЕСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

А. Ю. Сакович

кандидат социологических наук

Белорусский государственный университет

В статье на основе анализа социологических исследований белорусского села представлены социокультурные особенности сельского сообщества. Установлено, что ценность семьи является приоритетной для сельского населения. Отмечается снижение ценности брака для сельской молодежи. Распространение получают новые формы семейно-брачных отношений. Отмечается изменение ценности трудолюбия. Среди сельского населения распространяются различные формы девиантного поведения. Наблюдается снижение значимости соседских и общинных связей, приоритет отдается родственным отношениям. Снижается уровень религиозности сельского населения. Снижается чувство идентичности с сельским населенным пунктом.

Ключевые слова: сельское сообщество, ценности, идентичность, религиозность, общинные отношения.

Введение

Сельское сообщество исторически характеризуется как объединение людей, которому присущи ценности трудолюбия, честности, порядочности, взаимовыручки, семейственности, религиозности, привязанности к своему дому и родной земле. Во многом это объясняется тем, что большинство жителей села знакомы друг с другом. Их повседневные контакты опосредованы не только сферой труда и общением с соседями. Сельчане постоянно встречают знакомых в магазинах, поликлиниках, просто на улице. Их взаимоотношения не обезличены, как в городах, что обеспечивает дополнительный социальный контроль со стороны сельского сообщества над индивидуальным поведением. Вместе с тем многих жителей села, особенно молодых, привлекает городской образ жизни, который ассоциируется не только с большими возможностями, но и со свободой от чрезмерного внимания со стороны односельчан. В стремлении к лучшей жизни молодежь переезжает в города. В совокупности с низкой рождаемостью это приводит к депопуляции сельского населения, нарушению его возрастной структуры, снижению трудового, культурного потенциала села, т.к. покидает сельскую местность наиболее активная и образованная молодежь. В результате на современном этапе сельское сообщество приобретает новые социокультурные черты. Рассмотрим их подробнее, опираясь на результаты социологических исследований ценностных ориентаций, общинных и соседских отношений, религиозности, региональной идентичности, социального самочувствия сельского населения.

Основная часть

Исследования ценностных ориентаций, духовно-нравственной, социальной составляющей белорусского села осуществлялись в рамках исследований, проведенных МИРСПИ под руководством Н.Е. Лихачева на протяжении многих лет (2009 г, 2011 г, 2013 г, 2016 г, 2018 г.) [1; 2; 3]. По результатам опросов установ-

лено, что ценность семьи является приоритетной для сельского населения. Однако для молодого поколения сельчан юридическое заключение брака имеет меньшее значение, чем для людей среднего и, тем более, старшего возраста. Вместе с тем ценность брака для сельской молодежи выше, чем для городской. Об этом свидетельствуют результаты опроса, проведенного ЦСПИ БГУ в 2017 г. в рамках проекта «Поколения и гендер». По данным исследования, в городах в возрасте 20–24 лет в браке состоят 48,7% респондентов, в сельских населенных пунктах – 74,1%. Несмотря на это в сельской местности формируется терпимое отношение к «гражданскому браку» или сожительству. Согласно результатам опроса, проведенного кафедрой политологии и социологии Могилевского государственного университета им. А. А. Кулешова в период с 2016 г. по 2018 г., данную форму семейно-брачных отношений поддерживают 60,8% сельчан [3, с. 137]. Таким образом, в современном белорусском селе с одной стороны наблюдается стремление сохранить традиционную форму семьи, что проявляется в более ранней регистрации брака, чем в городах, с другой стороны – проникновение современных форм семейно-брачных отношений в виде сожительства. Ведение сельского хозяйства и сегодня способствует воспроизводству традиционной семьи с характерным распределением ролей. Мужчина выполняет работы, требующие больших физических усилий, а женщина заботится о доме и детях. Однако все больше молодых людей на современном этапе отказываются от личного подворья, предпочитая вести, по сути, городской образ жизни, проживая в селе, агрогородке. Это, в свою очередь, указывает на то, что тенденция распространения «гражданских браков» среди сельского населения не только сохранится, но и усилится.

Для крестьян земля всегда была ценностью. Не случайно существовало выражение «Земля – наша кормилица». Работа на земле была тяжелой, требующей больших физических усилий. С развитием техники обработка земли стала легче. С помощью машин можно обработать большие участки земли за день без привлечения большого количества сотрудников. Однако и сегодня рабочий день у работников агросферы ненормированный, начинается рано утром и заканчивается поздно вечером, особенно в период посевных и уборочных компаний. Вместе с тем уровень заработной платы в сельском хозяйстве невысокий. Так, согласно данным статистики, номинальная начисляемая заработная плата занятых в сельском хозяйстве в 2020 г. насчитывала 880,4 руб., что составляет 70,2% к среднереспубликанскому уровню [4, с. 21]. Небольшие зарплаты и достаточно сложные условия труда не привлекают к работе в АПК молодежь. В сельском хозяйстве трудятся люди преимущественно в возрасте от 30 до 60 лет. В 2020 г. доля лиц занятых в АПК в возрасте 18–24 лет составила 5,9%, 25–29 лет – 7,5% [4, с. 19]. Наиболее активная и образованная молодежь, закончив школу, уезжает учиться и работать в города, не связывая свою судьбу с сельским хозяйством. К существующим сложным объективным условиям труда в АПК, людям, проживающим в селе и занятым в агросфере навешиваются ярлыки «колхозника», «деревенщины», ассоциирующиеся с безграмотностью, не ухоженностью, а порой и с асоциальным стилем жизни. Подобные стереотипы имеют почву для существования. Н.Е. Лихачев отмечает, что миграционный отток сельчан в города приводит к деградации сельского населения. Это влечет за собой исчезновение в селе «социального ядра», формирующего ценностные ориентации сельского населения [5, с. 69–70]. Как следствие, ценность трудолюбия в сознании сельского населения претерпела существенные

преобразования, что является одной из причин распространения среди сельчан различных форм девиантного поведения.

Традиционно в сельской местности высоко ценятся тесные родственные, соседские и общинные отношения. По результатам исследований, проведенных МИРСПИ (2007 г., 2013 г.) среди сельского населения Могилеской области [6, с. 104–106; 7, с. 407–409], Институтом социологии НАН Беларуси (2014 г.) по республиканской выборке [8, с. 134–142], установлено, что несмотря на то, что между односельчанами сохраняется чувство солидарности, проявляющееся в повседневных практиках взаимодействия посредством оказания помощи друг другу, все больше сельского населения отдает предпочтение не соседским и общинным, а родственным связям. Общинные и соседские отношения у молодого поколения сельчан выражены слабее, чем у сельского населения старшего и среднего возраста. Несмотря это, чувство солидарности и взаимопомощи у сельчан проявляется сильнее, чем у горожан.

Взаимоотношения в сельской общине изучались нами в ходе глубинных интервью с молодыми специалистами, работающими в агрогородках Мядельского района. Исследование проводилось в 2019 г., выборочная совокупность которого составила 12 респондентов. По результатам опроса установлено, что отношения с сельским населением у молодых специалистов хорошие, однако, по причине пристального к себе внимания со стороны сельчан, некоторые юноши и девушки чувствуют к себе чрезмерный социальный контроль. Молодые специалисты, прибывшие в сельские населенные пункты из городов, отмечают, что им непонятен сельский менталитет.

Д., фельдшер скорой медицинской помощи: *«В каждой деревне есть свой google. Постоял рядом с девушкой, все – свадьба. А когда ты приезжаешь в крупный город, то тебя там никто не знает. Там ты чувствуешь себя, что ли, более свободным».*

А., учитель: *«Лично мне непонятны местные стереотипы. Слушает музыку в наушниках – “дурак”. Не здоровается с незнакомым человеком – вообще невоспитанный. А с другой стороны, как можно здороваться с человеком, которого не знаешь? Это простейшие моменты этикета. Если ты что-то делаешь, благодаришь за что-то, то люди этого тоже не понимают. Не понимают люди, что ты желаешь хорошего настроения или благодаришь за работу, которую они делают. Это такое, вот как приезжаешь в глубинку, вот это понятие и есть – глубинка».*

Изменения в сознании белорусских сельчан претерпели и религиозные ценности. В ходе социологического исследования на тему «Религиозные воззрения как фактор духовности жителей Могилевской области: социологический анализ», проведенного МИРСПИ в 2013 г. под руководством Н. Е. Лихачева, было установлено, что, несмотря на то, что большинство сельчан (79,8%) считали себя верующими, только 20,5% опрошенных соблюдали религиозные обряды. Достаточно высокий процент сельчан считали себя неверующими (14,5%). Для многих ценность религии основывалась не на вере в загробную жизнь (9,4%), а на способности сохранения и передачи культурных ценностей, традиций, норм (43,1%) [9, с. 63–68]. По результатам исследования, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в 2017 г. среди городского и сельского населения было установлено, что 68,4% сельчан считали себя верующими людьми, 20,6% – неверующими. Среди городского населения к верующим себя отнесли 66,7% опрошенных, к неверующим – 22,3%. Анализ конфессиональной структуры сельского населения в разрезе областей Республики Беларусь показал, что во всех регионах доминирует православие.

Значительная часть католиков проживает в Гродненской (37,5%), Минской (17,9%) и Витебской (17,1%) областях. Отмечается, что уровень доверия к церкви среди сельчан выше, чем среди горожан. Данные исследования показали, что 58,6% жителей села доверяют церкви, 15,8% – не доверяют. Среди городского населения доверяют церкви 46,3% опрошенных, не доверяют – 21,3% [10, с. 182–184]. Таким образом, результаты исследований показали, что уровень религиозности среди сельского населения снижается. Традиционные религиозные ценности из сознания вытесняются. На смену им приходят современные, рассматривающие церковь как социальный институт, регулирующий социальное поведение людей. Все это указывает на то, что в сельской местности наблюдается процесс секуляризации. Однако в селе он протекает медленнее, чем в городах.

Особенности социальной и культурной региональной идентичности сельского населения изучались в ходе социологических исследований, проведенных Институтом социологии НАН Беларуси в 2011 г., 2012 г., 2014 г. [11, с. 303–311; 12, с. 80–87]. По данным опросов большинство сельчан испытывало чувство общности с жителями своего населенного пункта. На основе критерия оценки сельскими жителями своей деревни (аглогородка), а также желания сменить место жительства, исследователями были выделены три группы сельского населения, обладающие различными уровнями идентификации со своим населенным пунктом. К первой группе были отнесены сельчане с высоким уровнем идентификации, которые были рады проживанию в своей деревне либо аглогородке (27,8%). Вторую группу составляли респонденты, которые выражали нейтральное отношение к своему населенному пункту (49,4%). К третьей группе относились сельчане с низким уровнем идентификации, считающие свое село, аглогородок непривлекательным для жизни и характеризующиеся высокими миграционными установками (2,3%). В различных возрастных группах уровень идентификации сельчан существенно различался. Так, люди старшего возраста были привязаны к своей деревне, аглогородку больше, чем молодежь в возрасте до 30 лет [11, с. 303–311]. Т. В. Кузьменко, обобщив результаты этих социологических исследований, отметила, что территориальная идентичность сельского населения со своим населенным пунктом достаточно высока. Недовольство проживанием в сельской местности выражало преимущественно молодое поколение сельчан [12, с. 80–87]. Как следствие, сельская молодежь, будучи эмоционально не привязанной к сельскому населенному пункту, району, уезжает из села. Чем моложе сельское население, тем меньше оно привязано к своей деревне, аглогородку, району и тем сильнее у него выражены установки на миграцию.

Изучение идентификации сельского населения с территорией проживания осуществлялось в рамках исследования, проведенного институтом социологии НАН Беларуси в 2017 г. Результаты опроса показали, что более 80% сельчан испытывают чувство привязанности к сельскому поселению. Однако это преимущественно люди среднего и старшего возраста. В рамках этого же исследования изучались миграционные установки сельского населения. Анализ полученных данных показал, что намерение уехать из сельского населенного пункта выражали военнослужащие (26,9%), а также врачи и педагоги (22,4%). Последние намеривались мигрировать в город. В аглогородок планировало переехать 4,6% фермеров, предпринимателей, около 3% крестьян. Поселок городского типа привлекал 4,8% рабочих, по 3% от числа опрошенных – специалистов производственной и непроизводственной сфе-

ры. Никто из опрошенных не планировал переезд в сельский населенный пункт [13, с. 144–155]. Тот факт, что сельчане, планирующие сменить место жительства, не рассматривают сельские населенные пункты как место возможного переезда, указывает на снижение уровня их идентификации с селом как таковым.

Преимущества и недостатки жизни в сельской местности позволяет выявить анализ социального самочувствия сельского населения. В ходе исследования, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в 2017 г. установлено, что 53,8% работников культуры, досуга, искусства, 31,9% сотрудников учреждений образования выражают опасения о наличии угрозы потери места работы [14, с. 118–120]. Указанные группы работников являются наиболее уязвимыми, что связано с закрытием клубных учреждений, сельских школ по причине сокращения численности детей и молодежи в селе. По данным телефонного опроса, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в 2021 г., были определены коэффициенты удовлетворенности сельчан условиями жизни (от –1 до 1). Результаты исследования показали, что наибольшую удовлетворенность сельчане выражали работой объектов торговли (0,664), аптек (0,656), школ (0,585), охраной общественного порядка (0,698). Отрицательно оценивались возможность трудоустройства (–0,104) и проведения досуга (0,030), качество дорог (–0,038). Наибольшее беспокойство жители села испытывали по поводу роста цен на товары первой необходимости – 38,2%, уровня заработной платы – 31,3%, злоупотребления спиртными напитками сельского населения – 28,7%, качества и доступности медицинской помощи – 25,7%, состояния своего здоровья, а также здоровья родных и близких – 24,9% [15, с. 248–250]. Таким образом, результаты исследований показали, что ключевые сферы в селе (здравоохранение, образование, торговля, охрана общественного порядка) продолжают успешно функционировать. Сложности трудоустройства и организации досуга отмечаются в ходе опросов сельского населения на протяжении многих лет. Это является одной из причин, по которой молодежь стремится уехать из села в города. Интерес вызывает тот факт, что около трети сельчан обеспокоены проблемой злоупотребления спиртных напитков в селе. Данное обстоятельство указывает на то, что проблема пьянства и алкоголизма приобрела большие масштабы и уже становится одной из характеристик сельских территорий.

Заключение

Подводя итог, следует отметить, что многие социокультурные черты сельского общества на современном этапе претерпели существенные преобразования. На фоне традиционно высокой значимости ценности семьи все большее распространение получают «гражданские браки» или сожительства. Среди сельского населения формируется терпимое отношение к данной форме семейно-брачных отношений. Значимость юридической регистрации брака уменьшается, особенно для молодежи. Отмечается снижение религиозности сельского населения. Уменьшается значимость соседских и общинных связей. Приоритет отдается родственным отношениям. У молодого поколения сельчан утрачивается чувство принадлежности к территории проживания. Наблюдается распространение пьянства и алкоголизма среди сельского населения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Лихачев, Н. Е.* Социология белорусского села / Н. Е. Лихачев. – Могилев : Могилев. гос. ун-т, 2014. – 176 с.

2. **Лихачев, Н. Е.** Религия и культура в структуре духовных ценностей сельского населения: опыт социологического анализа / Н. Е. Лихачев // Весн. Магілёўс. дзярж. ун-та. Сер. D, Эканоміка, сацыялогія, права. – 2015. – № 1. – С. 63–68.
3. **Лихачев, Н. Е.** Социальная сфера белорусского села: социологический анализ состояния и перспектив развития : монография / Н. Е. Лихачев, С. Н. Лихачева. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2020. – 173 с.
4. Сельское хозяйство Республики Беларусь : стат. сб. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь ; редкол.: И. В. Медведева (пред.) [и др.]. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2021. – 179 с.
5. **Лихачев, Н. Е.** Духовно-нравственные основы социального становления сельской молодежи / Н. Е. Лихачев // Весн. Магілёўс. дзярж. ун-та. – 2009. – № 1. – С. 69–77.
6. **Кузьменко, Т. В.** Социальные механизмы поддержки и взаимопомощи в сельском социуме / Т. В. Кузьменко // Социальные проблемы современного села в экономическом и социологическом измерении : сб. науч. ст. междунар. науч.-практ. конф., Горки, 4–6 окт. 2007 г. / НАН Беларуси ; Белорус. гос. с.-х. акад. ; редкол.: А. Р. Цыганов (отв. ред.) [и др.]. – Горки, 2007. – С. 104–106.
7. **Лихачева, С. Н.** Сельская община как субъект социальной политики / С. Н. Лихачева // Актуальные проблемы социально-гуманитарных наук : сб. науч. ст. Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию МГУ им. А. А. Кулешова, 18–19 апр. 2013 г. / Могилев. гос. ун-т ; ред. совет: В. В. Борисенко [и др.]. – Могилев, 2013. – С. 407–409.
8. **Кузьменко, Т. В.** Повседневные практики взаимодействия как источник солидарности в сельском сообществе / Т. В. Кузьменко // Весн. Брэст. ун-та. Сер. 1, Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. – 2017. – № 1. – С. 134–142.
9. **Лихачев, Н. Е.** Религия и культура в структуре духовных ценностей сельского населения: опыт социологического анализа / Н. Е. Лихачев // Весн. Магілёўс. дзярж. ун-та. Сер. D, Эканоміка, сацыялогія, права. – 2015. – № 1. – С. 63–68.
10. **Балич, Н. Л.** Конфессиональная структура сельского населения Беларуси и ее региональные особенности / Н. Л. Балич // Социальное знание и проблемы современного развития белорусского общества в условиях глобализации ; редкол.: И. В. Котляров (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Ковчег, 2017. – С. 182–184.
11. **Кузьменко, Т. В.** Социокультурный потенциал как ресурс развития сельских регионов / Т. В. Кузьменко // Социол. альм. – 2012. – Вып. 3. – С. 303–312.
12. **Кузьменко, Т. В.** Местные сообщества как субъект развития малых городов и сельских поселений / Т. В. Кузьменко // Весн. Гродзен. дзярж. ун-та. Сер. 5, Эканоміка. Сацыялогія. Біялогія. – 2014. – № 3. – С. 80–87.
13. **Балич, Н. Л.** Социальные группы сельских регионов Беларуси и их дифференциация по социально-культурным показателям и характеристикам / Н. Л. Балич // Гуманітарна-эканамічны веснік. Навукова-тэарэтычны часопіс. – 2018. – № 3–4 (75–76). – С. 144–154.
14. **Балич, Н. Л.** Социально-культурный потенциал сельских регионов Беларуси / Н. Л. Балич // Белорусская наука в условиях модернизации ; редкол.: Г. П. Коршунов [и др.]. – Минск : Строймедиа-Проект, 2018. – С. 118–120.
15. **Грак, С. С.** Динамика социального самочувствия сельского населения Республики Беларусь / С. С. Грак, И. В. Мятникова, Е. В. Сахорова // Проблемы устойчивого развития регионов Республики Беларусь и сопредельных стран [редколл. Н. В. Маковская и др.]. – Могилев : МГУ, 2021. – С. 248–250.

Поступила в редакцию 18.05.2022 г.

Контакты: sakovich05@mail.ru (Сакович Анжела Юрьевна)

Sakovich A. Yu. SOCIO-CULTURAL FEATURES OF RURAL COMMUNITY OF THE REPUBLIC OF BELARUS

The article based on the analysis of sociological studies of the Belarusian village presents socio-cultural features of the rural community. It is established that the value of the family is a priority for the rural population. There is a decrease in the value of marriage for rural youth. New forms of family and marriage relations are becoming widespread. There is a change in the value of diligence. Various forms of deviant behavior are spreading among the rural population. There is a decrease in the importance of neighborhood and community ties, priority is given to family relations. The level of religiosity of the rural population is decreasing. The sense of identity with rural settlements is decreasing.

Keywords: rural community, values, identity, religiosity, community relations.

УДК 316.77

ФЕНОМЕНЫ ТЕЛЕВИЗИОННОГО НАСИЛИЯ И ПАРАСОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В КОНТЕКСТЕ КОНСТРУИРУЕМОЙ РЕАЛЬНОСТИ СМИ

К. П. Нейман

младший научный сотрудник

Институт социологии НАН Беларуси

В статье представлены результаты социологического исследования, посвященные изучению телевизионного насилия и парасоциального взаимодействия, которые приводят к искажению восприятия молодежью действительности. Установлены связи между полом респондента и его оценкой степени привлекательности телевизионного насилия, между частотой демонстрации телевизионного насилия и степенью его привлекательности для студенческой молодежи. В контексте изучения парасоциального взаимодействия, осуществлен сравнительный анализ данных авторского исследования и исследования, проведенного в Украине.

Ключевые слова: средства массовой информации, медиаперсона, телевизионное насилие, парасоциальное взаимодействие.

Введение

Как фактор социализации средства массовой информации влияют на каждого из нас с первых лет жизни. Они, с одного ракурса, конструируют социальную реальность, в которой человек с рождения находится под воздействием тревожного объема аудиовизуальных сообщений, сцен насилия и агрессии, демонстрируемых через «старые» и «новые» средства массовой информации.

С другого ракурса, СМИ занимают немаловажное место в выстраивании идентичности молодого человека – представления о себе, предопределенные усвоенными в процессе социализации ценностями, исполняемой социальной ролью, принадлежностью к тому или иному классу, группе общества. Это происходит и в той ситуации, когда молодежь, видя вымышленный образ знаменитости на телевидении, в фильмах, Интернете, книгах, комиксах может избрать нереального персонажа или реальную личность в качестве объекта для идентификации [1].

В контексте наличия описанных условий, а также с целью определения степени привлекательности для студенческой молодежи телевизионного насилия и характеристики для них парасоциального взаимодействия, автором статьи в апреле-мае 2022 г. в УО «МГУ имени А. А. Кулешова» проведено социологическое исследование по теме: «СМИ как фактор социализации молодежи на современном этапе (на примере студенческой молодежи УО «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова)».

В ходе него опрошено 350 белорусских студентов дневного отделения в возрасте от 17 до 31 года (уровень погрешности не превышает 4,76%, с уровнем значимости 0,05). Репрезентативная целевая выборочная совокупность формировалась методом квотного отбора по социально-демографическому признаку пол. Исходя из представленности в генеральной совокупности, выборочный объем респонден-

тов, распределенных по полу, составил: 104 юноши, 246 девушек (ремонт выборки и перевзвешивание данных не осуществлялись). До перехода к результатам социологического исследования, обратимся к теоретическим положениям.

Основная часть

В современных сериалах, фильмах, мультфильмах существенной является проблема телевизионного насилия:

1) демонстрации нанесения повреждений/ущербов персонажам телевизионных программ или фильмов [2, с. 162];

2) визуальное изображение актов физической агрессии, исходящее со стороны одного человека/ медийного персонажа против другого [3, р. 60].

Психологи М.М. Мишина и К.А. Воробьева опасность названной проблемы видят в том, что зрители, в частности молодежь, могут подражать и воспроизводить в реальной жизни сцены насилия, увиденные на экране. Большая вероятность возникновения такой ситуации существует при положительном эмоциональном подкреплении, так как оно связано с появлением чувства восхищения по отношению к тому телевизионному персонажу, который непосредственно и осуществляет насилие [4, с. 61].

Апеллируя к телевизионному насилию, Е.А. Данилова указывает на наличие прямой обратной связи между интенсивностью трансляции сцен насилия и уровнем самоконтроля и критичности, т.е. с увеличением количества трансляций сцен насилия в фазах отдыха снижается уровень критичности и самоконтроля. К насущной проблеме современности она относит нарастание показа сцен агрессии в ночное время и вытекающего отсюда результата в виде вероятности закрепления девиантных моделей поведения в сновидениях.

К тому же, говоря о телевизионном насилии, следует упомянуть и о том, что оно в максимальной мере отражается на представителях мужского пола, обладает минимальным порогом влияния тогда, когда наказание находит агрессора на телеэкране, его амплуа идентифицируется в сознании молодежи как негативно окрашенное, а сам агрессор общественно порицается. Механизмами минимизации влияния телевизионного насилия на сознание молодежи выступают методы социального контроля, гармоничные взаимоотношения в родительской семье [5, с. 238].

Научный сотрудник Школы медиа и коммуникационных исследований Университета Центрального Пенджаба Мухаммад Ирфан Кадир пришел к выводу, что последствия воздействия телевизионного насилия на сознание молодежи существенно варьируются в зависимости от культурной среды. Также ученый указал на то, что оно может нанести вред психическому здоровью молодого человека, а эмпирические результаты ряда исследований свидетельствуют о том, что сцены насилия на телевидении отрицательным образом сказываются на когнитивных способностях и социальном поведении молодежи, а также предполагают возможность проявления агрессии личностью в социальном окружении.

В свою очередь, данные исследований международных организаций АМА, ТАР, NIMH, USG, APA доказывают, что телевизионное насилие оказывает умеренное воздействие на чувства, эмоции, отношение к агрессии у зрителей [3, р. 658].

В ходе нашего исследования респонденты оценивали по 5-и бальной шкале степень привлекательности для них телевизионного насилия. Результаты оценива-

ния показали, что не привлекает вовсе (1 балл) телевизионное насилие – 44,9%, не привлекает (2 балла) – 12,8%, отчасти привлекает, а отчасти нет (3 балла) – 18,9%, привлекает (4 балла) – лишь 4,6%, полностью привлекает (5 баллов) – 4,6%, затруднение вопрос вызвал у 14,2% студентов.

Также установлено, что наблюдается средняя значимая для ГС связь между полом респондента и его оценкой степени привлекательности телевизионного насилия ($X^2=30,2$, $a=0$, $V=0,31$, $a=0$). Покажем это с помощью графика (см. рисунок 1).

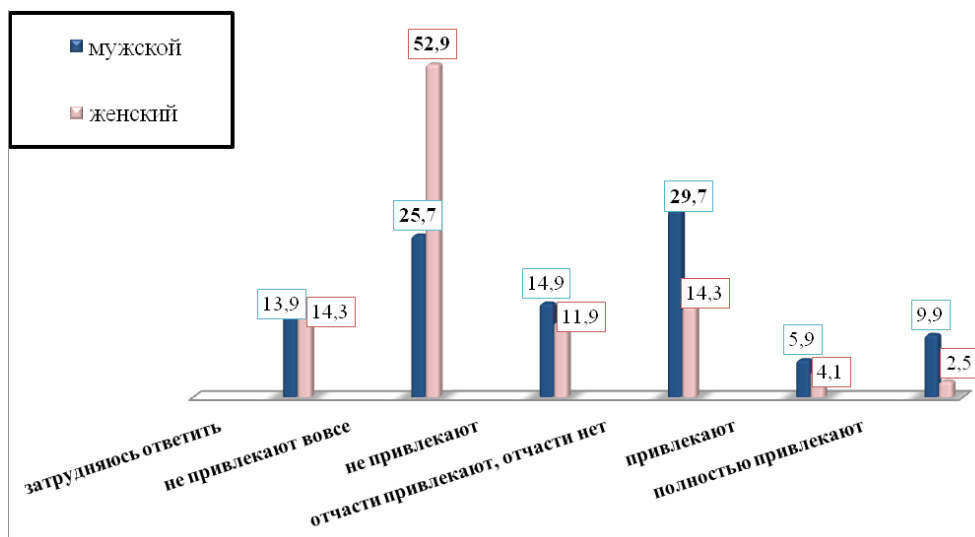

Рисунок 1. Оценка степени привлекательности телевизионного насилия представителями разных полов, (%)

Как видно из рисунка 1, отторжение от телевизионного насилия в большей мере характерно для представительниц женского пола, в то время как мнения лиц мужского пола по названной тематике разделились на два наиболее крупных блока: в 1-й блок вошли те, кто занимает позицию нейтралитета, ответив, что отчасти привлекает, а отчасти нет, во 2-й блок – те, кого телевизионное насилие не привлекает вовсе.

В дополнение к описанным выше данным отметим, что существует слабая обратная связь между частотой, с которой студенты замечают демонстрацию агрессии, нанесения повреждений, увечий персонажам программ/фильмов на телевидении и степенью привлекательности для студентов данных сцен – это значит, что чем чаще студенты замечают демонстрации агрессии, нанесения повреждений, увечий персонажами программ/фильмов на телевидении, тем в меньшей степени их привлекает телевизионное насилие ($X^2=55,35$, $a=0$; $\text{Tau-Кендала} = -0,232$, $a=0$).

При интерпретации данных исследования видится верным исходить из того, что та или иная степень привлекательности телевизионного насилия для студенческой молодежи еще не влечет за собой демонстрацию и проявление ими агрессивного поведения в повседневной жизни. Поскольку при изучении названной проблемы целесообразно разграничивать причинно-следственную связь и корреляцию, на необходимости разведения которых также настаивает профессор Дэвид Бэкингем. В качестве утверждения, изучая проблему телевизионного насилия,

Дэвид Бэкингам полагает, что телевизионные каналы, отводящие значительную часть эфирного времени трансляции сцен насилия, нанесения повреждений/увечий, нельзя считать единственным источником агрессивного поведения телезрителя в реальной жизни. Так как проявление агрессивного поведения находится в поле действия ряда факторов, требующих более тщательного изучения [6, р. 22].

В контексте телевизионного насилия и в условиях конвергенции (слияния различных типов СМИ) уместно рассматривать зрительные образы, демонстрируемые не только на телевидении, но и Интернет-ресурсах и вызывающие интерес у студенческой молодежи, так как именно они конструируют символический мир, отражают мифологизацию информационного пространства (см. таблицу 1).

Таблица 1 – Вызывающие интерес у студенческой молодежи зрительные образы, демонстрируемые на телевидении, Интернет-ресурсах, (%)

Образ	Да	Скорее да, чем нет	Полож. оценки	Скорее нет, чем да	Нет	Отриц. оценки	Затрудняюсь ответить
реалистичные, правдоподобные, рациональные	57,2	30,2	87,4	6,8	2,7	9,5	3,1
сказочные, мифические, фантастичные	36,9	32,4	69,3	19,8	7,2	27,0	3,7
добрые, миролюбивые, сопереживающие	50,7	33,0	83,7	10,4	3,6	14,0	2,3
злые, агрессивные, жестокие	6,8	13,7	20,2	36,5	39,3	75,8	3,7
веселые, жизнерадостные, оптимистичные	53,9	36,1	90,0	5,5	2,7	8,2	1,8
грустные, мрачные, пессимистичные	11	16,9	27,9	39,7	27,4	67,1	5,0
романтические	38,6	35,4	74,0	14,4	8,8	23,2	2,8
справедливые, щедрые, порядочные	43,8	42,4	86,2	8,8	2,8	11,6	2,2
лживые, скупые, двуличные, эгоистичные, подлые	7,2	5,9	13,1	30,3	52,5	82,8	4,1
мужественные, храбрые, героические, рискованные	34,5	43,6	78,1	13,2	5,9	18,8	2,8
жалкие, трусливые, нерешительные, завистливые	3,7	6,5	10,2	33,0	52,1	85,1	4,7

Данные таблицы 1 позволяют утверждать, что студенческую молодежь, в первую очередь, интересуют образы, транслируемые на телевидении, Интернет-ресурсах, обладающие положительными чертами:

- 1) веселые, жизнерадостные, оптимистичные;
- 2) реалистичные, правдоподобные, рациональные;
- 3) справедливые, щедрые, порядочные;
- 4) добрые, миролюбивые, сопереживающие;
- 5) мужественные, храбрые, героические, рискованные;
- 6) романтические;
- 7) сказочные, мифические, фантастические.

Практически не вызывают интереса у опрошенных образы отрицательной направленности: жалкие, трусливые, нерешительные, завистливые, лживые, скупые,

двуличные, эгоистичные, подлые злые, агрессивные, жестокие, грустные, мрачные, пессимистичные.

Вышеописанные положения позволяют констатировать, что зрительные образы положительной направленности в большей мере конструируют социальную реальность молодежи. Происходит это и в процессе возникновения парасоциального взаимодействия. Под которым понимается:

– установление близких отношений с медиаобразом во время просмотра телешоу или прослушивания радиопрограммы, в результате систематического информирования медиаперсоной (знаменитостью, публичной личностью, вымышленным персонажем) аудитории о своей частной жизни, влекущее образование мнимой близкой связи с ней и причастности к событиям повседневной жизни, выбранной медиаперсоны (Р. Воль и Д. Хортон) [7, с. 41];

– «взаимодействие между живыми людьми и медиасимулякрами» (Ю.С. Чаплинская) [8, с. 133].

Более длительным характером, по мнению российских ученых А.С. Кравец и И.Ю. Тихоновой, наделены парасоциальные отношения. В их основе лежит соотнесение и ассоциация со значимой личностью в ходе односторонней, ложной коммуникации, проявление зависимости от ее мнения и действия. Сам по себе образ медиаперсоны – это искусственно созданный конструкт, олицетворяющий для зрителей эталон, на который они равняются, и чьи взгляды не подвергают критике.

И парасоциальные отношения, и взаимодействие – эмоциональный капитал, порожденный информационным обществом по причине того, что медиаперсона создает комфортный эмоциональный фон, притягивающий к себе зрителей/слушателей [7, с. 42–44].

В нашем исследовании отдельной задачей являлось установление того, что характерно или нет для студенческой молодежи парасоциальное взаимодействие (см. рисунок 2).

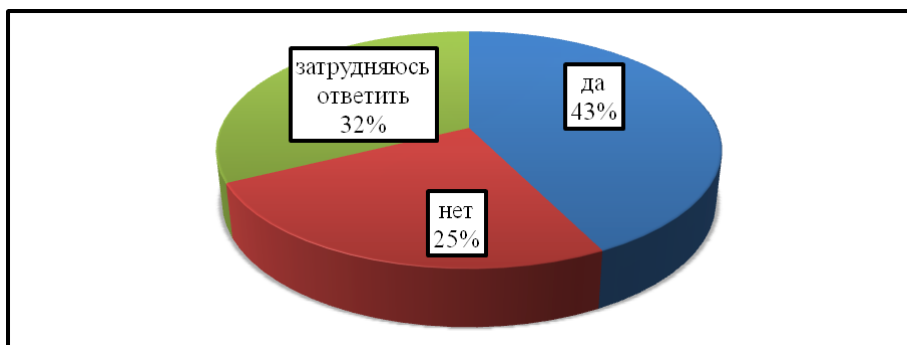

Рисунок 2. Возникало ли у Вас когда-нибудь при просмотре телевидения, роликов, видео в Интернете чувство взаимодействия (общности) с личностью/медиаперсоной?

Из рисунка 2 видно, что около половины представителей студенческой молодежи отметило, что у них возникало чувство взаимодействия (общности) с медиаперсоной, когда они смотрели телевидение, ролики, видео в Интернете, четверть ответило, что не наблюдали за собой такого. При этом значительная часть – треть респондентов – затруднилась ответить на поставленный вопрос.

Парасоциальное взаимодействие порождает ряд иллюзий. Среди наиболее распространенных, кандидат психологических наук Ю.С. Чаплинская, называет:

1) иллюзию перенесенной субъектности – объект парасоциального действия в сознании человека приобретает человеческие свойства и эмоционально от него зависит;

2) иллюзия непосредственного участия в телепрограмме;

3) иллюзия близости, сопровождающаяся чувством взаимной осведомленности и внимания к медиаперсоне. Здесь важно то, что медиаперсона не знает точного числа своих фанатов, а для медиапотребителя она известна и как правило, одна;

4) иллюзия интерактивности. О ней говорят по причине того, что медиапотребитель осведомлен о жизни своего кумира, медиаперсоны, а последний – не имеет и представления о медиапотребителе, относимом лишь к одному элементу безличной массы и др. [8, с. 133–134].

Иллюзии парасоциального взаимодействия соотносятся с медиаперсоной, которой может выступать как вымышленный, так и реальный персонаж (см. таблицу 2).

Таблица 2 – Возникновение чувства парасоциального взаимодействия с медиаперсоной, (%)

Медиаперсона	Беларусь	Украина
музыканты/певцы	17,4	36,6
блогеры	24,9	16,1
актеры	14,9	14,7
спортсмены	6,3	6,2
<i>Реальные персонажи (всего)</i>	63,5	73,6
герои мультсериалов / аниме	8,3	10,6
герои сериалов	15,4	5,5
герои художественных фильмов	8,3	2,9
герои видеоигр	4,5	2,6
<i>Вымышленные персонажи (всего)</i>	36,5	21,6
другое	0	4,8
ИТОГО	100	100

В таблице 2 представлены результаты авторского исследования и исследования, проведенного в Украине осенью 2020 г. (выборочная совокупность – 273 представителя молодежи) [8, с. 134]. Сопоставление данных двух исследований показывает, что парасоциальное взаимодействие формируется представителями двух стран в большей степени с такими типами медиаперсон, как реальные персонажи. Но имеется определенная специфика: у представителей студенческой молодежи Республики Беларусь формирование данного вида взаимодействия первоочередно происходит с блогерами, затем с музыкантами/певцами, а у украинской молодежи – обратный порядок. При этом важно, что наблюдается незначительное отличие в числе тех, кто устанавливает близкие взаимоотношения с реальным медиаобразом: среди украинской молодежи их число выше на 10,1%.

Стоит констатировать и тот факт, что среди вымышленных персонажей у респондентов с белорусской стороны взаимодействие проявляется с героями сериалов, с украинской – с героями мультсериалов /аниме. Что, вполне вероятно, объясняется сложившимися предпочтениями молодежи в медиапотреблении интересующего их контента.

Данные экспертного опроса (23 человека), проведенного О.Е. Видной, Е.А. Меркушиной при поддержке гранта РФФИ и ЭИСИ в июне-июле 2021 года, продемонстрировали, что и абсолютное большинство экспертов доминантное место в популяризации и распространении стилей поведения, образов жизни отводят медиаличностям: «Демонстрация молодежью, а особенно подростками, определенных моделей поведения напрямую идет из медиа. Соцсети, блогеры сегодня диктуют определенные образцы поведения, создают тренды, а молодежь копирует их» (педагог-психолог). «Среди людей, которые влияют на человека, могут быть медийные, известные или даже вымышленные персонажи: герои фильмов, селебрити, любимые блогеры, политики и т. д.», – говорит один из руководителей молодежной организации [9, с. 98].

Заключение

В конструировании реальности, в которую включена молодежь, не последнее место занимают средства массовой информации. Они вовлекают каждого из нас в огромное число сообщений, способных принести как пользу, так и вред (например, телевизионное насилие). Результаты исследования показали, что транслируемое на телевидении насилие в редких случаях привлекает девушек, в то время как среди юношей наблюдается разброс мнений – от тех, кого оно отчасти привлекает, а отчасти нет, до тех, кого телевизионное насилие не привлекает вовсе.

Кроме того, чем чаще студенты замечают демонстрации агрессии, нанесение повреждений, увечий персонажами программ/фильмов на телевидении, тем в меньшей степени их привлекает телевизионное насилие. Символический мир студенческой молодежи вбирает, прежде всего, образы положительной направленности. А в конструировании этого мира, социальной реальности значимая роль отведена взаимодействию между молодежью и медиасимулякрами, первоочередно с реальными образами: блогерами, музыкантами/певцами.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Mwangi, E. W.* The Role of Mass Media as a Socialisation Agent in Shaping Behaviour of Primary School Pupils in Thika Sub-County, Kenya / E. W. Mwangi, M. W. Gachahi, C. W. Ndung'u // *Pedagogical Research*. – № 4 (4). – 2019. – DOI: <https://doi.org/10.29333/pr/5950>.
2. *Грушина, А. А.* Влияние СМИ на личность подростка / А. А. Грушина, М. В. Данилова // *Молодой ученый*. – 2018. – № 3 (189). – С. 162–164.
3. *Head, R.* Television violence and social aggression / R. Head // *JPDC*. – 2019. – Vol. 4. – p. 59–84. – DOI: https://pdfpk.net/pdf/wp-content/uploads/2020/07/Relationship-between-Television-Violence-and-Social-Aggression-a-Study-C..._pagenumber.pdf.
4. *Мишина, М. М.* Медиаэффекты демонстрации сцен насилия в СМИ и толерантность к агрессии у современных подростков / М. М. Мишина, К. А. Воробьева // *Вестник ТвГУ. Серия «Педагогика и психология»*. – 2020. – № 3(52). – С. 60–70.
5. *Нейман, К. П.* Теоретико-методологический аспект исследования воздействия средств массовой информации на молодежь / К. П. Нейман // *Социологическая наука и образование: современные вызовы и риски: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти проф. Г.П. Давидюка, Минск, 10 нояб. 2021 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: А.Н. Данилов (гл.ред.) [и др.]*. – Минск : БГУ, 2021. – С. 235–241.
6. *Buckingham, D.* The Impact of the Media on Children and Young People with a particular focus on computer games and the internet / D. Buckingham // *Byron Review on Children and New Technology Commissioned by the Department for Children, Schools and Families*. – UK: Institute of Education, University of London, 2007. – 77 p.
7. *Тихонова, И. Ю.* Парасоциальные отношения в современном мире / И. Ю. Тихонова, А. С. Кравец // *Вестник ВГУ. Серия: Философия*. – 2022. – № 1. – С. 41–49.

8. *Чаплинская, Ю. С.* Парасоциальность и медиаторчество: потенциал дистанционного обучения / Ю. С. Чаплинская // *Studia Universitatis Moldaviae*. – 2020. – nr.11. – P. 133–136.

9. *Видная, О. Е.* Параметры медиасоциализации молодежи: современный ракурс / О. Е. Видная, Е. А. Меркушина // *Знак: проблемное поле медиаобразования*. – 2021. – № 4(42). – С. 94–103.

Поступила в редакцию 31.05.2022 г.

Контакты: neiman_kristina@mail.ru (Нейман Кристина Павловна)

Neiman K. P. THE PHENOMENON OF TELEVISION VIOLENCE AND PARASOCIAL INTERACTION IN THE CONTEXT OF CONSTRUCTED MEDIA REALITY

The article provides the results of sociological research devoted to the study of television violence and parasocial interaction, which distort the reality perception among young people. Correlations between respondent's gender and his assessment of the appealing degree of television violence, between the frequency of television violence and its appealing degree to young students have been established. In the context of the parasocial interaction study a comparative analysis of the author's study data and the study conducted in Ukraine has been carried out.

Keywords: media, media person, television violence, parasocial interaction.

УДК 343.1

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ СТАТУС И ГАРАНТИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ, ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ЛИЦ, СОВЕРШИВШИХ ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНЫЕ ДЕЯНИЯ

С. И. Довгун

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики

Могилевский институт МВД Республики Беларусь

Анализ положений главы 46 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь указывает на то, что осталась неурегулированной проблема процессуального статуса участника уголовного процесса, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер безопасности и лечения. В статье предпринята попытка проанализировать содержание особенностей по уголовным делам данной категории, с целью создания дополнительных процессуальных гарантий защиты прав личности, которые бы позволили компенсировать неспособность субъекта, страдающего психическим заболеванием, самостоятельно отстаивать свои законные интересы в ходе расследования.

Ключевые слова: невменяемость, психическое расстройство (заболевание), лицо, совершившее общественно опасное деяние, принудительные меры безопасности и лечения, досудебное производство, предварительное следствие.

Введение

Лица, страдающие психическими расстройствами, как и другие граждане, наделены той же совокупностью основополагающих прав и свобод. Отношение государства к личности и ее правам, в том числе к правам лиц, страдающих психическими расстройствами проявляется в нормах уголовно-процессуального права нашего государства. Если лицо совершило общественно-опасное деяние, то к нему могут быть применены специфические меры государственного воздействия – принудительные меры безопасности и лечения.

К сожалению, осталась неурегулированной проблема процессуального статуса участника уголовного процесса, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер безопасности и лечения, что обуславливает фактически бесправное положение этого лица как на предварительном следствии, так и в суде.

Указанные пробелы законодательства в значительной степени влияют на практическую деятельность органов, ведущих уголовный процесс.

Основная часть

Процессуально-правовой статус личности представляет собой систему взаимосвязанных процессуальных прав, которые обеспечивают активное участие лица в уголовно-процессуальной деятельности, защиту его прав, свобод и законных интересов, решение задач уголовного процесса, а также набор обязанностей, которые необходимо выполнять в ходе осуществления процесса.

В п. 6 ст. 49 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь указано, что участники уголовного процесса – судья, прокурор, государственный обви-

нитель, начальник следственного подразделения, следователь, начальник органа дознания, лицо, производящее дознание, подозреваемый, обвиняемый, защитник, потерпевший, частный обвинитель, гражданский истец, гражданский ответчик, законные представители, представители умершего подозреваемого, обвиняемого, лица, подлежавшего привлечению в качестве подозреваемого, обвиняемого, секретарь судебного заседания (секретарь судебного заседания – помощник судьи), свидетель, эксперт, специалист, переводчик, понятой, а также лицо, задержанное либо лицо, к которому применена мера пресечения на основании решения об исполнении просьбы органа иностранного государства либо в связи с нахождением в международном розыске с целью выдачи, и иные лица, принимающие участие в уголовном процессе в соответствии с УПК.

Данное определение позволяет отнести к этой категории и такого специального субъекта, как «лицо, совершившее общественно опасное деяние» [1]. Указанное понятие используется в законе для обозначения участников, в отношении которых ведется производство по уголовному делу о применении принудительных мер безопасности и лечения, то есть это лицо, совершившее общественно опасное деяние в состоянии невменяемости или заболевшее после совершения преступления психическим расстройством (заболеванием) [1]. Республика Беларусь одна из первых законодательно закрепила такое понятие, как «лицо, совершившее общественно опасное деяние», что позволило рассматривать таких субъектов, как самостоятельных участников уголовного процесса. Поддерживая точку зрения М.М. Якубель, нельзя не согласиться, что указанная новелла не приблизила комплексной оптимизации производства по уголовным делам о применении принудительных мер безопасности и лечения, а породила еще больше вопросов как теоретического, так и практического характера. Наиболее существенные из них связаны с тем, что в УПК не содержится алгоритма преобразования подозреваемого, обвиняемого в лицо, совершившее общественно опасное деяние, а также не урегулирован процессуальный статус данного субъекта [2, с. 310].

Важно определить объем понятия «лицо, совершившее общественно опасное деяние». Для этого необходимо подробно рассмотреть групповые признаки субъектов, включенных законодателем в его содержание.

Чтобы уяснить содержание понятия «лицо, совершившие общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом, в состоянии невменяемости» необходимо обратиться к содержанию ч. 1 ст. 28 УК, которая определяет состояние невменяемости как невозможность лица сознавать фактический характер и общественную опасность своего действия (бездействия) или руководить им вследствие хронического психического расстройства (заболевания), временного расстройства психики, слабоумия или иного болезненного состояния психики [3]. Значит данную группу субъектов образуют лица, которые на момент совершения общественно опасного деяния, предусмотренного Особенной частью УК, находились в одном из состояний, включенных в соответствии с ч. 1 ст. 28 УК в понятие «невменяемость», и вследствие этого не имели возможности сознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) или руководить ими. Вместе с тем отдельные ученые-процессуалисты в своих работах справедливо отмечают, что лицо может обоснованно именоваться совершившим общественно опасное деяние в состоянии невменяемости только тогда, когда наличие у него такого состояния установлено решением суда по уголовному делу. Похожей пози-

ции придерживается и Пленум Верховного Суда Республики Беларусь, в постановлении от 28.03.2013 г. № 1 «О практике применения судами принудительных мер безопасности и лечения в уголовном судопроизводстве» которого указывается, что «решение вопросов о невменяемости, а также применении конкретной принудительной меры безопасности и лечения относится к компетенции суда» (п. 7) [4].

Не очень корректным кажется использование законодателем термина «невменяемость» применительно к досудебным стадиям уголовного процесса. Такая категория, как «лицо, совершившее общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом, в состоянии невменяемости» не позволяет в полной мере судить о психическом состоянии субъекта на момент расследования по уголовному делу. Поэтому, в соответствии п. 13 ст. 6 УПК производить расследование в «особом» производстве объясняется лишь наличием у лица психического расстройства (заболевания) на момент совершения общественно опасного деяния и не зависит от состояния умственных способностей субъекта во время проведения предварительного следствия [1]. То есть, если лицо на момент совершения общественно опасного деяния страдало каким-либо психическим заболеванием, которое в соответствии со ст. 28 УК охватывается понятием «невменяемость», то в таком случае, расследование должно проводиться в порядке гл. 46 УПК [3], даже если к моменту осуществления процессуальных действий лицо выздоровело либо его психическое состояние значительно улучшилось. Данный вариант в полной мере не согласуется с назначением производства по уголовным делам о применении принудительных мер безопасности и лечения, входе которого необходимо обеспечить дополнительными процессуальными гарантиями субъекта, процессуальная дееспособность которого ограничена психическим расстройством (заболеванием) в момент проведения расследования по делу. Вместе с тем такое положение реализуется правоприменителями в их деятельности.

Определяя содержание понятия «психическое расстройство (заболевание)» необходимо установить круг субъектов, входящих в понятие с наименованием «лица, заболевшие после совершения преступления психическим расстройством (заболеванием)». Данное понятие означает «болезни, вызванные расстройством мозговых центров, мозговой деятельности человека» [5, с. 26]. Однако, согласно ст. 1 Закона Республики Беларусь от 07.01.2012 г. № 349-З «Об оказании психиатрической помощи» психическое расстройство (заболевание) определяется как состояние (заболевание), обусловленное расстройством психического здоровья человека вследствие нарушения функционирования организма в результате воздействия биологических, физических, химических, психологических, социальных, иных факторов, характеризующееся психопатологическими и (или) поведенческими нарушениями и подтвержденное диагнозом, установленным врачом-специалистом или врачебно-консультационной комиссией [6].

Если использовать приведенное определение для понимания смысла исследуемого нами понятия, то оборот «лица, заболевшие после совершения преступления психическим расстройством (заболеванием)» объединит в себе субъектов, которые на момент совершения преступления были психически здоровы, однако после его совершения впали в состояние (заболевание), обусловленное расстройством психического здоровья человека вследствие нарушения функционирования организма в результате воздействия биологических, физических, химических, психологических, социальных, иных факторов, характеризующееся психопатологическими и

(или) поведенческими нарушениями и подтвержденное диагнозом, установленным врачом-специалистом или врачебно-консультационной комиссией [7, с. 63].

К сожалению, данное определение не позволяет судить о характере и степени психической патологии, которые также влекут различные юридические последствия. Например, психическая болезнь может полностью лишить лицо возможности «сознавать значение своих действий или руководить ими» (ч. 1 ст. 442 УПК), может проявиться лишь в неспособности лица «самостоятельно осуществлять свое право на защиту» (п. 4 ч. 1 ст. 45 УПК), а может и вовсе не сказаться на процессуальной дееспособности субъекта [1]. Однако, к какой бы группе не относилась психическая патология, выявленная у участника уголовного процесса, она согласно уголовно-процессуальному законодательству (п. 13 ст. 6 УПК) входит в категорию «психическое расстройство (заболевание)», поэтому субъект должен признаваться «лицом, совершившим общественно опасное деяние», и производство в отношении него должно осуществляться по правилам гл. 46 УПК [1]. Другими словами, субъектом производства по уголовным делам о применении принудительных мер безопасности и лечения должно становиться лицо, заболевшее после совершения преступления любой психической болезнью, в том числе и той, которая не лишает его возможности сознавать значение своих действий или руководить ими. Такое положение противоречит содержанию ч. 1 ст. 442 УПК, в соответствии которой, принудительные меры безопасности и лечения, предусмотренные ст. 101 УК, применяются судом к лицам, совершившим общественно опасные деяния, предусмотренные уголовным законом, в состоянии невменяемости или заболевшим после совершения преступления психическим расстройством (заболеванием), лишаящим их возможности сознавать значение своих действий или руководить ими. Также возникает вопрос, применимы ли правила, предусмотренные гл. 46 УПК, при осуществлении предварительного расследования, ведущегося в отношении лиц:

1) страдавших на момент совершения преступления и продолжающих страдать после совершения преступления психическим расстройством (заболеванием), влекущим признание лица уменьшено вменяемым;

2) страдавших на момент совершения преступления и продолжающих страдать после совершения преступления психическим расстройством (заболеванием), которое не лишает лицо возможности сознавать значение своих действий или руководить ими, т.е. психической патологией, влекущей признание лица вменяемым в отношении совершенного им общественно опасного деяния [8, с. 49].

Эти категории субъектов не могут быть отнесены к «заболевшим после совершения преступления», так как у них психическое расстройство наступило до совершения преступления, имело место во время его совершения и продолжается после окончания преступной деятельности.

Разделяя точку зрения Д.Н. Шевчука, считаем, что, закрепляя п. 13 ст. 6 УПК понятие «лицо, совершившее общественно опасное деяние», законодатель намеревался включить в его содержание лиц, совершивших общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом, в состоянии невменяемости, и лиц, заболевших после совершения преступления психическим расстройством (заболеванием), лишаящим их возможности сознавать значение своих действий или руководить ими [9, с. 143]. Иными словами, законодатель определит круг лиц, которые страдали заболеванием, исключаяющим возможность назначения в отношении них уго-

ловного наказания в момент возникновения уголовно-правовых и осуществления уголовно-процессуальных отношений. То есть, если лицо страдало психическим заболеванием на момент совершения общественно опасного деяния, то оно является невменяемым, а если заболело после совершения общественно опасного деяния, его следует именовать заболевшим после совершения преступления психическим расстройством (заболеванием). Представляется, что такая формулировка, которая использована законодателем, допускает не совсем конкретное понимание термина.

Данный пробел возможно устранить, изложив п. 13 ст. 6 УПК в следующей редакции: «лицо, совершившее общественно опасное деяние, – лицо, которое во время совершения общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, находилось в состоянии невменяемости, то есть не могло сознавать фактический характер и общественную опасность своего действия (бездействия) или руководить им вследствие психического расстройства (заболевания) или заболевшее таким психическим расстройством (заболеванием) после совершения преступления [3].

Внесение таких изменений в текст уголовно-процессуального кодекса позволит четко обозначить круг субъектов, в отношении которых производство по уголовному делу должно вестись по правилам гл. 46 УПК, что будет способствовать надлежащему обеспечению прав и законных интересов граждан, страдавших психическим расстройством (заболеванием) во время совершения общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, или заболевших после совершения преступления.

В данной статье хотелось бы также рассмотреть некоторые значимые, положения, касающиеся процессуальных прав и обязанностей лица, совершившего общественно опасное деяние. Так, право на защиту выведено законодателем на первую позицию при определении правовых статусов подозреваемого и обвиняемого. Казалось бы, оно должно быть присуще и лицу, совершившему общественно опасное деяние, ведь в соответствии с положениями п. 9 ч. 1 ст. 6 УПК под защитой понимается процессуальная деятельность, осуществляемая стороной защиты в целях опровержения подозрения или обвинения либо смягчения обвинения, обеспечения прав и интересов подозреваемого, обвиняемого, лица, совершившего общественно опасное деяние [1]. Однако в п. 41 ч. 1 ст. 6 УПК законодатель не относит лицо, совершившее общественно опасное деяние, к понятию «сторона защиты», включая в ее состав лишь обвиняемого, его законных представителей, защитника, гражданского ответчика и его представителя (тем самым законодатель устраняет рассматриваемое лицо от возможности активно осуществлять свою защиту, а оставляет такое право только защитнику) [1]. Более того, давая в ч. 1 ст. 44 УПК определение понятия «защитник в уголовном процессе», законодатель определяет его как лицо, которое по основаниям и в порядке, предусмотренным уголовно-процессуальным законом, осуществляет защиту прав и законных интересов подозреваемого или обвиняемого и оказывает им юридическую помощь [1]. Следовательно, защитник, будучи включенным в понятие «сторона защиты», по своему определению не призван законодателем осуществлять защиту прав и законных интересов лица, совершившего общественно опасное деяние. Таким образом, в действующем законодательстве с позиции рассматриваемого производства не соотнобразуются понятия «защита», «сторона защиты» и «защитник». При дальнейшем рассмотрении имеющихся правовых норм становится очевидной и правовая коллизия между по-

ложениями ч. 1 ст. 44 УПК, дающей определение защитника, и ч. 1 ст. 446 УПК, указывающей на обязательность участия защитника в судебном разбирательстве по уголовному делу о применении принудительных мер безопасности и лечения. Из содержания этих статей возникает вопрос: каким образом лицо, осуществляющее защиту прав и законных интересов подозреваемого или обвиняемого и оказывающее им юридическую помощь, может участвовать в судебном разбирательстве дела об общественно опасном деянии невменяемого либо лица, заболевшего психической болезнью после совершения преступления, и каковы функции этого участника судебного разбирательства? В сложившейся ситуации объективно необходимо видится некоторая унификация рассмотренных правовых норм.

Также существенным и необходимым представляется законодательное закрепление права лица, совершившего общественно опасное деяние, знать о причине начала в отношении его производства о применении принудительных мер безопасности и лечения (по аналогии с правом подозреваемого (обвиняемого) знать, в чем он подозревается (обвиняется)). Данная правовая норма может быть введена в закон как альтернативная и принимать обязательный характер лишь в случае, когда психическое состояние лица, совершившего общественно опасное деяние, не исключает возможности проведения следственных действий с его участием.

Ряд вопросов возникает и с определением процессуальных обязанностей лица, совершившего общественно опасное деяние. Целесообразно ли вообще обсуждение понятия уголовно-процессуальных обязанностей применительно к лицу, волевой аспект в поведении которого поставлен под сомнение? Ответ на этот вопрос видится в закреплении нормы диспозитивного характера: в случае если психическое состояние лица свидетельствует о том, что оно в некоторой степени способно понимать свои действия и руководить ими (при условии, что субъектом, осуществляющим производство предварительного следствия по делу, принято решение о возможности проведения следственных действий с участием лица, совершившего общественно опасное деяние), оно должно нести определенные обязанности.

С учетом вышеизложенного видится очевидным, что отсутствие системно сформулированного в УПК процессуального статуса лица, в отношении которого начато производство о применении принудительных мер безопасности и лечения, неизбежно ведет к нарушению конституционно закрепленных прав и свобод гражданина. Описанные вопросы, как представляется, требуют комплексного изучения и разработки в целях ликвидации существующего правового пробела и создания научно обоснованной базы для оптимизации уголовно-процессуального законодательства в области правовой регламентации положения участников уголовного процесса.

Заключение

На основании изложенного, можно сформулировать следующие выводы:

1. Предлагаем п. 13 ст. 6 УПК изложить в следующей редакции:

«лицо, совершившее общественно опасное деяние, – лицо, которое во время совершения общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, находилось в состоянии невменяемости, то есть не могло сознавать фактический характер и общественную опасность своего действия (бездействия) или руководить им вследствие психического расстройства (заболевания) или заболевшее таким психическим расстройством (заболеванием) после совершения преступления».

Внесение таких изменений в текст уголовно-процессуального кодекса позволит четко обозначить круг субъектов, в отношении которых производство по уголовному делу должно вестись по правилам гл. 46 УПК, что будет способствовать надлежащему обеспечению прав и законных интересов граждан, страдавших психическим расстройством (заболеванием) во время совершения общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, или заболевших после совершения преступления.

2. Ряд вопросов возникает с определением процессуальных обязанностей лица, совершившего общественно опасное деяние. На сегодняшний день возникла необходимость в закреплении нормы диспозитивного характера: в случае если психическое состояние лица свидетельствует о том, что оно в некоторой степени способно понимать свои действия и руководить ими (при условии, что субъектом, осуществляющим производство предварительного следствия по делу, принято решение о возможности проведения следственных действий с участием лица, совершившего общественно опасное деяние), оно должно нести определенные обязанности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. ; одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 26.05.2021 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
2. **Якубель, М. М.** Проблемные аспекты составления протокола о невозможности участия лица, совершившего общественно опасное деяние, в производстве следственных действий / М. М. Якубель // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для органов внутренних дел Республики Беларусь : Межд. науч.-практ. конф. : тез. докл. (30 июня 2010 г.) / УО
3. 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. ; одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 5.01.2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
4. О практике применения судами принудительных мер безопасности и лечения в уголовном судопроизводстве [Электронный ресурс] : Пленум Верховного Суда Респ. Беларусь, 28 мар. 2013 г., № 1 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 31.03.2021 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
5. **Данько, И. В.** Досудебное производство по уголовным делам о применении принудительных мер безопасности и лечения : проблемы процессуальной регламентации / И. В. Данько, М. М. Якубель // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы : сб. науч. тр. / ГУ «Научно-практический центр Государственного комитета судебных экспертиз Республика Беларусь». – 2011. – № 1. – С. 26–31.
6. Об оказании психиатрической помощи [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 7 янв. 2012 г., № 349-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 11.11.2019 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
7. **Бородулькина, Е. С.** Проблемы юридического критерия освобождения от наказания в случае психического расстройства (заболевания) в уголовном законодательстве Республики Беларусь / Е. С. Бородулькина // Проблемы укрепления законности и правопорядка : наука, практика, тенденции : сб. науч. тр. – Минск, 2015. – Вып. 8. – С. 61–68.
8. **Дукорский, В. В.** Оценка риска насилия психиатрами в контексте реализации принудительных мер безопасности и лечения / В. В. Дукорский, Е. И. Скугаревская, А. Д. Балашов // Обзорение психиатрии и медицинской психологии. – 2014. – № 3. – С. 48–51.
9. **Шевчук, Д. Н.** Социальная и правовая природа принудительных мер безопасности и лечения и их роль в борьбе с преступностью / Д. Н. Шевчук // Труды молодых специалистов Полоцкого государственного университета. – Новополоцк, 2010. – Вып. 40. – С. 142–143.

Поступила в редакцию 11.05.2022 г.

Контакты: dovgun61@mail.ru (Довгун Светлана Ивановна)

Dovgun S. I. PROCEDURAL STATUS AND GUARANTEES OF ENSURING THE RIGHTS AND LEGITIMATE INTERESTS OF PERSONS WHO HAVE COMMITTED SOCIALLY DANGEROUS ACTS

The analysis of the provisions of Chapter 46 of the Code of Criminal Procedure of the Republic of Belarus indicates that the problem of the procedural status of a participant in the criminal process, in respect of whom proceedings are being conducted on the application of coercive measures of security and treatment, has remained unresolved. The article attempts to analyze the content of features in criminal cases of this category, in order to create additional procedural guarantees for the protection of individual rights, which would compensate for the inability of a subject suffering from a mental illness to independently defend their legitimate interests during the investigation.

Keywords: insanity, mental disorder (disease), a person who has committed a socially dangerous act, compulsory security measures and treatment, pre-trial proceedings, preliminary investigation.

УДК 343.98

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ОЧНОЙ СТАВКИ ПО ДЕЛАМ О НЕЗАКОННОМ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВЕ

Д. А. Свиридов

начальник кафедры уголовного процесса и криминалистики
Могилевский институт МВД Республики Беларусь

В статье рассматриваются особенности проведения очной ставки по уголовным делам о фактах осуществления предпринимательской деятельности без специального разрешения (лицензии). Раскрываются криминалистические особенности проведения такого следственного действия. Кроме того, на основе полученных эмпирических данных посредством изучения уголовных дел данной категории, а также опроса лиц, осуществляющих расследование экономических преступлений, в том числе связанных с предпринимательской деятельностью, осуществляемой без специального разрешения (лицензии), выделены особенности данного следственного действия и даны практические рекомендации по оптимизации данного следственного действия. Предложенные рекомендации позволят наиболее оптимально проводить очную ставку, минимизировать конфликтность ситуаций, информационные потери и, как следствие, потерю тактического преимущества.

Ключевые слова: расследование, следственное действие, очная ставка, тактический прием, предпринимательская деятельность, лицензия.

Введение

В настоящее время в качестве одной из составляющих криминалистики является криминалистическая тактика, которая в большей степени включает в себя тактику проведения отдельных следственных действий. Ю. В. Шляпников указывает, что тактика «представляет собой средство проведения следственных действий, а сами же следственные действия есть средство проверки выдвинутых криминалистических версий. Зачастую фактическим основанием проведения следственных действий является версия, а вытекающие из версий следствия в большинстве случаев составляют предмет следственных действий» [1, с. 137].

В результате опроса работников, которые специализируются на выявлении и расследовании экономических преступлений, включая и предпринимательскую деятельность без специального разрешения (лицензии), установлено, что наибольшую сложность вызывают следующие следственные действия:

- осмотр (как правило, местности, жилого помещения, иного помещения – 34,7 %, документов – 23,6 %, технических носителей информации, компьютерных средств и сетей – 72,3 %);
- допрос подозреваемого (обвиняемого) – 20,1 %;
- назначение и проведение судебных экспертиз – 14 %;
- очная ставка – 24,9 %;
- наложение ареста на имущество – 19,1 %;
- иные (обыск, допрос свидетелей, выемка и др.) – 14 %.

Основная часть

В целом следственные действия представляют собой совокупность тактических приемов и операций, как предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством, так и наработанных практикой, которые проводятся при расследовании противоправных деяний с целью обнаружения, фиксации и проверки сведений, имеющих значение по расследуемому уголовному делу. При этом отдельное следственное действие является своего рода специфической совокупностью приемов выявления и отображения доказательно значимой информации конкретного вида [2, с. 88].

Видится верным согласиться с мнением А. В. Дулова, который обращал внимание на то, что тактика следственного действия представляет собой комплекс тактических приемов, включающий не только наиболее целесообразные и эффективные способы проведения следственного действия, но также и поведение следователя [3, с. 5], а также с точкой зрения Т. В. Аверьяновой, Р. С. Белкина и других, которые в тактику следственных действий включают систему тактических приемов подготовки, осуществления, фиксации и оценки результатов [4, с. 470]. При этом представляется возможным под тактическим приемом понимать наиболее оптимальный способ линии поведения при собирании, исследовании, оценке и использовании доказательств, предотвращения преступлений. Таким образом, разработка тактических комплексов расследования предпринимательской деятельности, осуществляемой без специального разрешения (лицензии), основывается на системно-деятельностном подходе и диалектическом методе познания.

В рамках настоящего исследования видится верным определить некоторые особенности тактики проведения очной ставки, которая, по мнению практических работников, представляет сложность при расследовании такого преступления, как предпринимательская деятельность, осуществляемая без специального разрешения (лицензии), а также определить ее особенности в конкретных следственных ситуациях, складывающихся при расследовании уголовных дел данной категории. В результате опроса работников, которые специализируются на выявлении и расследовании экономических преступлений, включая и предпринимательскую деятельность без специального разрешения (лицензии), установлено, что наибольшую сложность вызывает среди прочих такое следственное действие как очная ставка (24,9 % опрошенных).

В литературе нет однозначного определения такого следственного действия, как очная ставка. Зачастую ее определяют как одновременный допрос двух лиц по одним и тем же обстоятельствам [5, с. 112]; допрос двух лиц в присутствии друг друга, которые были ранее допрошены по обстоятельствам, если в показаниях этих лиц возникли существенные противоречия [6, с. 9]; самостоятельное следственное действие по устранению противоречий [7, с. 121].

Представляется целесообразным придерживаться определения, которое дано А. П. Рыжаковым, т. к. оно отражает цель данного следственного действия. Очная ставка – это следственное действие, в ходе которого принимаются необходимые меры с целью устранения существенных противоречий в показаниях лиц, ранее допрошенных по данному уголовному делу [8, с. 327], что помимо прочего закреплено и в ст. 222 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее УПК).

Таким образом, фактическим основанием для проведения очной ставки выступает наличие существенных противоречий в показаниях двух ранее допрошенных

по уголовному делу лиц. В связи с этим основной задачей проведения данного следственного действия является устранение противоречий, которые возникли при допросах данных лиц ранее, выяснение причин таких противоречий и получение показаний в присутствии другого допрашиваемого. Порядок проведения очной ставки детально регламентирован ст. 222 УПК. Тактика ее проведения подробно рассмотрена в литературе [9]. В настоящем исследовании видится правильным затронуть особенности ее проведения при расследовании конкретного вида преступления.

При изучении уголовных дел о предпринимательской деятельности, осуществляемой без специального разрешения (лицензии), установлено, что очная ставка в большинстве случаев проводилась между организаторами незаконной деятельности и ее участниками (в 27 % случаев), а кроме того, между свидетелями – покупателями, заказчиками работ, услуг – и организаторами такой деятельности. Изучение уголовных дел позволило определить следующие особенности проведения очной ставки по данной категории дел.

1. Необходима тщательная подготовка перед ее проведением. Очная ставка представляет собой сложное следственное действие и всегда требует серьезной предварительной подготовки, которая заключается в тщательном изучении материалов уголовного дела для выявления спорных и противоречивых обстоятельств; выяснении действительных взаимоотношений допрашиваемых между собой; формулировании вопросов до начала проведения следственного действия; определении последовательности вопросов; установлении очередности допроса; подготовке необходимых доказательств с целью их предъявления; при необходимости – в привлечении к участию в очной ставке специалиста. Залогом успеха является определение целесообразности проведения с участием тех или иных лиц, так как лица, которые давали определенные показания, узнав на очной ставке мнения иных участников, могут изменить показания. Определение момента проведения очной ставки выражается в том, что очная ставка, проведенная слишком поспешно, без закрепления определенных доказательств и, соответственно, без возможности их предъявления на очной ставке, может повлечь отрицательные результаты. Подготовка следователем вопросов участникам очной ставки таким образом, чтобы создать впечатление полной его осведомленности. Подготовка доказательств, добытых ранее, для их предъявления в ходе очной ставки, последовательности их предъявления, возможности перестроить их порядок с учетом различных конкретных ситуаций.

2. Положительные результаты очной ставки зачастую связаны с составлением плана проведения данного следственного действия. 92 % опрошенных из числа сотрудников, проработавших свыше 5 лет, составляют планы проведения данного следственного действия. В плане очной ставки рекомендуется предусмотреть различные варианты поворота событий с целью гибкого корректирования хода очной ставки.

3. До проведения очной ставки в ходе допросов участников незаконной предпринимательской деятельности рекомендуется выяснить желание данных лиц на проведение очной ставки, установить мотивы такого желания, оценить доводы, которые будет приводить данный участник с целью выявления возможности подкрепления такого довода доказательством.

4. Отказ от проведения очной ставки, в случае, когда один из участников не желает ее проведения, не всегда оправдан. Зачастую лица, отказывавшиеся от про-

ведения очной ставки на допросе, в ходе самой очной ставки могут изменить свое отношение к ее проведению, а иногда дать изобличающие показания или начать полемику с другой стороной, из которой следователь может почерпнуть дополнительную информацию, проверив которую в дальнейшем может получить дополнительные доказательства по делу. Такая очная ставка целесообразна в том случае, когда один из участников дает правдивые показания, подтверждающиеся иными доказательствами, и желает сотрудничать со следствием либо у него отсутствует заинтересованность и он лишь желает представить события так, как они проходили (например, такой участник является контрагентом лица, подозреваемого (обвиняемого) в незаконной деятельности, и выступает в уголовном процессе в качестве свидетеля).

5. Как правило, между участниками очной ставки возникает конфликтная атмосфера. В такой ситуации следователю рекомендуется использовать как опорные показания того из участников, чьи показания более подтверждены иными доказательствами. В случае, если очная ставка проводится между соучастниками осуществления предпринимательской деятельности без специального разрешения (лицензии), следует учитывать то обстоятельство, что каждый может стремиться давать показания в отношении других, при этом умалчивая либо умаляя свою роль. В такой ситуации следователю надлежит учитывать противоположные интересы участников очной ставки и тщательно контролировать проведение очной ставки, не давая возможности участникам вступать в перепалки, задавать вопросы без его разрешения. Задавая ранее подготовленные вопросы участникам очной ставки по очереди, в нужной последовательности, следователь может создать ту обстановку, которая вызовет у участников желание рассказать как можно больше о другой стороне.

6. Не рекомендуется проводить очную ставку, если участники дают явно ложные показания, что может подтверждаться иными материалами уголовного дела и собранными доказательствами. В данном случае при наличии возможности устранить противоречия иными способами не рекомендуется проводить очную ставку. В противном случае это рекомендуется делать осторожно и аккуратно, так как возможен более детальный сговор соучастников. В основном данное положение относится к показаниям организаторов незаконной деятельности и крупных оптовиков-покупателей, заказчиков работ и услуг. Последние в большинстве случаев знают достоверно или догадываются о том, что деятельность их контрагента незаконна. Они опасаются привлечения их к уголовной ответственности, в результате чего могут занижать цены, количество, объемы приобретенного товара, заказанных работ и услуг. Организаторы незаконной предпринимательской деятельности называть своих контрагентов вообще не склонны и идут на контакт со следствием только в том случае, если данные о них уже получены в ходе расследования.

7. Очную ставку рекомендуется вести по отдельным фактам и эпизодам, что позволит предотвратить изменение правдивых показаний на ложные, а кроме того, создаст у лица, которое предположительно дает ложные показания, неуверенность в своей позиции, ощущение доказанности обвинения. Кроме того, данное положение связано с тем, что от момента совершения преступления до момента допроса и очной ставки могло пройти много времени. Выясняя отдельные эпизоды и факты,

следователь тем самым позволяет выстроить целостную картину произошедшего и помогает участникам вспомнить хронологию событий.

8. Во время очной ставки рекомендуется предъявлять доказательства (вещественные, документы, акты ревизий, протоколы следственных действий, заключения экспертов и т. д.). Изучение уголовных дел данной категории показало, что лишь в 27 % случаев предъявлялись доказательства во время очной ставки.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование позволило выделить такое следственное действие, как очная ставка, которое по мнению практических работников, представляет сложность при расследовании предпринимательской деятельности, осуществляемой без специального разрешения (лицензии). Знание выявленных особенностей проведения очной ставки и тактических приемов позволит наиболее оптимально осуществлять данное следственное действие, минимизировать конфликтность ситуаций, информационные потери и, как следствие, потерю тактического преимущества. К таким особенностям относятся: тщательное изучение личности допрашиваемого (в силу специфики личностных качеств по данному виду преступлений); большое число нормативных правовых актов, бухгалтерской, экономической и иной специальной литературы; консультирование со специалистами в сфере бухгалтерии, лицензирования, экономики и т. д.; необходимость детальной систематизации доказательств для предъявления нужных в ходе очных ставок; разработка детального плана допроса при очной ставке. Использование помощи специалистов, как при подготовке, так и при проведении очных ставок позволит оперативно решать текущие вопросы и восполнить пробелы в знаниях допрашивающего непосредственно в ходе следственного действия, позволяя избежать повторных и дополнительных следственных действий, тем самым экономя время, силы и средства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Шляпников, Ю. В.* Основы криминалистической методики расследования незаконного предпринимательства : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Ю. В. Шляпников. – Н. Новгород, 2004. – 199 л.
2. *Ефимичев, П. С.* Расследование преступлений: теория, практика, обеспечение прав личности : моногр. / П. С. Ефимичев, С. П. Ефимичев. – М. : Юстицинформ, 2009. – 504 с.
3. *Дулов, А. В.* Тактика следственных действий / А. В. Дулов, П. Д. Нестеренко. – Минск : Выш. шк., 1971. – 272 с.
4. Криминалистика : учеб. / Т. В. Аверьянова [и др.] ; под ред. Р. С. Белкина. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : НОРМА, 2005. – 973 с.
5. *Строгович, М. С.* Курс советского уголовного процесса : в 2 т. / М. С. Строгович. – М. : Наука, 1970. – Т. 2 : Порядок производства по уголовным делам по советскому уголовно-процессуальному праву. – 516 с.
6. *Соловьев, А. Б.* Очная ставка на предварительном следствии / А. Б. Соловьев. – М. : Сов. законодательство, 1970. – 91 с.
7. *Жогин, Н. В.* Предварительное следствие в советском уголовном процессе / Н. В. Жогин, Ф. Н. Фаткулин. – М. : Юрид. лит., 1965. – 367 с.
8. *Рыжаков, А. П.* Уголовный процесс : учеб. для вузов / А. П. Рыжаков. – М. : ПРИОР, 1999. – 592 с.
9. *Ратинов, А. Р.* Психология допроса обвиняемого : метод. пособие / А. Р. Ратинов, Н. И. Ефимова. – М. : ВНИИ проблем укрепления законности и правопорядка, 1988. – 114 с.

Поступила в редакцию 11.05.2022 г.

Контакты: dima.sviridov@inbox.ru (Свиридов Дмитрий Александрович)

Sviridov D. A. SPECIFICS OF CONDUCTING CONFRONTATION IN CASES OF ILLEGAL BUSINESS

The article discusses the features of a confrontation in criminal cases on the facts of entrepreneurial activity without a special permit (license). The forensic features of such an investigative action are revealed. In addition, based on the empirical data obtained through the study of criminal cases of this category, as well as the survey of persons investigating economic crimes, including those related to entrepreneurial activities carried out without a special permit (license), the features of this investigative action are highlighted and practical recommendations are given to optimize this investigative action. The proposed recommendations will allow the most optimal conduct of confrontation, minimizing conflict situations, information losses and, as a result, the loss of tactical advantage.

Keywords: investigation, investigative action, confrontation, tactical technique, entrepreneurial activity, license.

УДК 343.13

ВОЗМОЖЕН ЛИ ДОПРОС СЛЕДОВАТЕЛЯ КАК СВИДЕТЕЛЯ В СУДЕ

Л. Ф. Лазутина

кандидат юридических наук, доцент

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

В статье анализируются нормативные положения и авторская позиция по различным аспектам допроса следователя, выступающего в качестве свидетеля в судебном заседании. Рассмотрены основания возникновения такой необходимости у суда, а также практические особенности проведения допроса.

Ключевые слова: следователь, допрос, следственные действия, свидетель, доказательства, прокуратура, суд.

Введение

В уголовном процессе допрос как следственное действие выполняется наиболее часто и предусматривает получение любых сведений, имеющих отношение к предмету доказывания. Указанное действие может проводиться как в ходе досудебного производства по уголовному делу, так и в суде. На этапе судебного разбирательства выполнение допроса как следственного действия возможно, однако, на практике выполняется редко. Причины такому явлению учеными и юристами-практиками указываются разные и трактуются также неоднородно. Здесь следует отметить, что суд при рассмотрении уголовного дела проверяет не только уже имеющиеся доказательства, но иногда, получает и значительное количество иной необходимой доказательственной информации. Вместе с тем дискуссионным с широким спектром мнений до настоящего времени остается вопрос: можно ли и нужно ли допрашивать следователя об определенных обстоятельствах так же как, например, свидетеля или потерпевшего. Следует отметить, что в национальном уголовно-процессуальном законодательстве не находит свое отражение норма, которая регулирует допрос конкретно следователя, однако в некоторых случаях они допрашиваются судом по правилам допроса свидетеля.

Основная часть

Следственное действие – допрос участников процесса детально урегулирован уголовно-процессуальными нормами, но, ни одна из них не регулирует порядок допроса такого участника уголовного процесса, как следователя. Однако по смыслу ч. 2 ст. 103 Уголовно-процессуального кодекса (далее – УПК) суд по ходатайству сторон или по собственной инициативе вправе по находящемуся в его производстве уголовному делу вызывать любое лицо для проведения следственных и других процессуальных действий. Исходя из анализа вышеуказанной нормы, можно сделать вывод: в качестве такого лица может выступать и следователь, однако, он не может быть допрошен об обстоятельствах, которые стали ему известны в рамках расследования уголовного дела [1].

Отметим, что допрос в суде в качестве свидетелей осуществляется и в отношении других юридически не заинтересованных лиц. Так, опираясь на данные прак-

тики, указанный правовой институт применяется не только в отношении следователя, но иногда – и лиц, производящих дознание. Поводом может послужить информация, утверждения, а иногда и доказательства, представленные обвиняемым, свидетельствующие об осуществлении в отношении его, например, незаконных, по его мнению, действий. При этом напоминаем, что допрос указанных лиц судом в качестве свидетелей не основан на законе и их отрицательный ответ на вопрос о том, оказывали ли они незаконное воздействие, например, в отношении обвиняемого, не имеет доказательственного значения. Вместе с тем, несмотря на отсутствие законодательного регулирования, допрос следователя в судебном заседании в качестве свидетеля выполняется с обязательным предупреждением последнего об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний.

Поводом для допроса субъекта расследования, как правило, является ходатайство стороны обвинения, чаще защиты, которая намеревается признать то или иное доказательство недопустимым. Поводом также может служить и инициатива суда. Что может послужить основанием для выполнения судом такого действия. Представляется, что это может быть необходимым для проверки достоверности показаний обвиняемого, свидетелей; данных, собранных на этапе предварительного следствия, которая зачастую выражается в том, что следователи не допрашивают всех лиц, сведения о которых имеются в материалах дела, не исследуют другие обстоятельства, по мнению следователя незначительные, которые подчас играют не маловажную роль. В последующем нельзя исключать и вероятность изменения в суде показаний, доказательств по сравнению с предварительным следствием, что весьма распространено сегодня на практике. Чаще всего таким изменениям подвергаются показания обвиняемых, потерпевших, свидетелей. Но далеко не единичны и такие факты, когда именно в суде допрашиваемые дают достоверные показания, чего не могли сделать раньше из-за непрофессионального, поверхностного допроса, предвзятости следователя, а порой и применения к ним незаконных методов проведения следствия. Выяснить причины изменения показаний, установить, какие из них являются достоверными, полагаю – одна из важнейших задач суда, но трудноосуществима в условиях судебного разбирательства, поскольку предполагается, что для этого необходимо выполнения целого ряда различных действий.

В данном контексте важно понимать, что в большинстве случаев это может быть связано с попытками скомпрометировать доказательства обвинения, подорвать доверие к ним, чтобы впоследствии, уйти от ответственности. Необходимо иметь в виду, что если исследование доказательств не привело к однозначному выводу о виновности обвиняемого, имеются основания полагать, что в ходе предварительного расследования на него оказывалось психологическое воздействие, применялись незаконные методы ведения следствия, то, например, государственный обвинитель вправе инициировать проведение проверки в порядке ст.174 УПК в отношении лиц, на чьи незаконные действия указывает обвиняемый. Кроме того, можно выделить существенную группу недостатков следствия, которые составляют упущения, касающиеся точного соблюдения процессуальной формы оформления доказательств. Общая формулировка в уголовно-процессуальном законодательстве гласит, что доказательства признаются недопустимыми, в связи с отсутствием в протоколах следственных действий даты и времени их составления, подписи, указания на участников следственного действия, наличия в них исправлений. Здесь обратить внимание следует на тот момент, что факт ознакомления с

показаниями и правильность их записи допрашиваемое лицо удостоверяет своей подписью в конце протокола, при этом подписывается каждая его страница. На практике эти нарушения скорее являются следствием небрежности или несогласованности действий органа уголовного преследования, вызваны желанием ограничить права подозреваемого, обвиняемого. Но здесь не все так однозначно и при такой позиции прокуратуры весьма очевидно, что оценку данному утверждению должен дать суд.

Как показывает практика, в случае обнаружения технических и иных ошибок в протоколах, допрос в суде следователей, проводится также в целях определения и оценки состояния допрашиваемого лица в момент производства допроса, например, в состоянии алкогольного опьянения либо в болезненном состоянии. Не менее важную роль играют показания следователя при проверке и оценке судом причин и мотивов изменения показаний участниками уголовного процесса. Принимая во внимание вышеуказанные обстоятельства и осуществляя допрос следователя, суду не следует восполнять неполноту протокола допрошенного показаниями следователя в суде, когда в протоколе они не отражены с начала и до завершения следственного действия. Также при разрешении поступивших ходатайств или собственной инициативы о допросе следователя в судебном разбирательстве суду следует учитывать и требования ч. 1 ст. 77, ст. 82 УПК, исключающие возможность участия следователя в производстве по делу, если он является свидетелем, по данному уголовному делу. Соответственно, он выводится из дела [1].

Все вышеперечисленное свидетельствует о том, что, конечно же, не является безусловным и обязывающим суд допрашивать следователя по тому или иному уголовному делу, когда-то находящемуся в его производстве. Однако приоритетным должно оставаться для суда соблюдение действующего законодательства в плане необходимости всесторонне, объективно исследовать все доводы, аргументы сторон с тем, чтобы постановить не только законный, обоснованный приговор, но и справедливый. Актуальным все же остается вопрос – почему не так часто суды допрашивают следователей в качестве свидетелей, если выносятся, например, оправдательные приговоры и процент их возрастает. Так, в 2017 году оправдано за 6 месяцев – 36 человек, из них – двое по статье 139 УК – убийство. В 2017 году вынесены оправдательные приговоры почти – 100 обвиняемым по уголовным делам, в 2016 году таких обвиняемых было – 83 [2]. В 2019 году – 114 [3]. В 2020 году было вынесено – 93 [4].

Данные статистического анализа демонстрируют постоянство в количестве выносимых оправдательных приговоров, следовательно, позволяют выделить общность оснований и допущенных процессуальных нарушений следствием. Вместе с тем на основании анализа, проведенного Генеральной прокуратурой Республики Беларусь, указывается на причины постановления судами оправдательных приговоров, выделяется ряд недостатков, допускаемых следователями, а именно: не проверяются все реально возможные версии относительно сущности преступления и виновности лица, не исследуются либо неполно исследуются обстоятельства, предшествующие совершению преступления, следственные действия выполняются формально, допускаются нарушения процессуального закона при проведении следственных действий, затрагивающих обеспечение права на защиту и др. [5, с. 9]. Можно согласиться с общепринятым утверждением, что статистика не всегда показательна, но в данном контексте, очевидно, что следователям необ-

ходимо работать более эффективно, расследование проводить полно и качественно, прокуратуре усилить надзор в данном направлении, судам выполнять, исследовать все необходимые и допустимые средства доказывания. Зачастую суды расширяют требования о недопустимости допроса следователей, в т. ч. исходя и из понимания такого нравственно-этического начала самого уголовного процесса, как допрос субъекта расследования в суде. Учитывая обстоятельство, что данные действия в определенной степени умаляют авторитет правоохранительных органов в обществе в целом, а как следствие – в лице отдельных граждан, полагаем, что следователь по вышеуказанным причинам является не только процессуальной фигурой в расследовании, но и должностным лицом, выполняющим публичную функцию. Так, представляется, что следователь обладает некоторой степенью юридической заинтересованности. Для сравнения в Российской Федерации (далее – РФ) возможность вызова и допроса в судебном заседании новых свидетелей, в том числе следователей и дознавателей, в производстве которых находилось дело, предусмотрена ч. 8 ст. 234. и ст. 271 УПК. Допрос следователя и дознавателя в большинстве своем проводится, как и по законодательству Республики Беларусь по вышеуказанным основаниям [6].

Несмотря на наличие в УПК РФ соответствующей нормы, не все юристы-практики положительно относятся к ее исполнению и доводы у всех разные. Так, крайне негативно относится Г. Пысина, прокурор-криминалист прокуратуры Хабаровского края, констатируя, что к допросу следователя судьи прибегают при возникновении сомнений в достаточности или достоверности доказательств, представленных суду и почему из всех участников расследования и разрешения дела выбирается следователь, который по воле участников процесса, равных с ним по процессуальному статусу, становится не представителем обвинения, а иным участником процесса – свидетелем по делу [7].

Также И.В. Смольков полагает, что сочетание функции (статуса) следователя и свидетеля в одном субъекте недопустимы. Данное положение противоречит принципу состязательности уголовного процесса. Следователь (дознаватель) – это публичный (официальный) участник уголовного судопроизводства, выполняющий публичную функцию, и перевод его в категорию частных участников вряд ли возможен [8].

Все вышеизложенное дает возможность определить авторский подход к исследуемой проблеме. Так, допрос следователя в качестве свидетеля возможен, иногда и необходим, но лишь в части уточнения процессуального порядка проведения следственного действия, но не может быть использован в качестве доказательства виновности лица.

Заключение

Исходя из анализа российской судебной практики и практики судов Республики Беларусь, усматривается разность законодательного подхода в плане реализации следственного действия – допроса. В рамках повышения эффективности результатов предварительного следствия, законности, обоснованности и справедливости судебных приговоров полагаю, что следует внести дополнения в УПК, предусматривающие возможность допроса следователя.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня

1999 г. в ред. Закона Респ. Беларусь от 26.05.2021 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

2. Почти 100 фигурантов уголовных дел оправданы судами в РБ за 2017 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://sputnik.by/20180214/pochti-100-figurantov-ugolovnyh-del-opravdany-sudami-v-rb-za-2017-god-1033642629.html>. – Дата доступа : 19.04.2022.

3. Стало известно, сколько обвиняемых было оправдано судами [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.belnovosti.by/obshchestvo/stalo-izvestno-skolko-obvinyayemyh-bylo-opravdano-sudami-belarusi-v-2019-godu>. – Дата доступа: 19.04.2022.

4. Стало известно, сколько в 2020 году в Беларуси было оправдательных приговоров [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.intex-press.by/2021/02/23/stalo-izvestno-skolko-v-2020-godu-v-belarusi-bylo-opravdatelnyh-prigovorov/> – Дата доступа : 19.04.2022.

5. Турко, В. На коллегии Генеральной прокуратуры Республики Беларусь / В. Турко // Законность и правопорядок. – 2018. – № 2(46). – С. 9.

6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 18.12.2001 № 174-ФЗ: принят Государственной Думой 22 ноября 2001 г. одобр. Советом Федерации 5 декабря 2001 года (в ред. Закона Российской Федерации от 09.03.2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

7. Пысина, Г. Допрос следователя в суде / Г. Пысина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.lawmix.ru/comm/3595>. – Дата доступа: 19.04.2022.

8. Смолькова, И. В. Доказательственное значение допроса следователя в качестве свидетеля в суде / И. В. Смолькова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/68902-dokazatelstvennoe-znachenie-doprosa-sledovatelya-kachestve-svidetelya-sude>. – Дата доступа: 19.04.2022.

Поступила в редакцию 18.05.2022 г.

Контакты: Lazutina59@bk.ru (Лазутина Людмила Федоровна)

Lazutina L. F. IS IT POSSIBLE TO INTERROGATE THE INVESTIGATOR AS A WITNESS IN COURT

The article analyzes the regulations and the author's position on various aspects of the interrogation of an investigator acting as a witness in a court session. The grounds for the emergence of such a need for the court, as well as the practical features of the interrogation are considered.

Keywords: investigator, interrogation, investigative actions, witness, evidence, prosecutor's office, court.

УДК 342.951

ОСНОВАНИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ПРЕКРАЩЕНИЯ РЕЖИМА ПОСТОЯННОГО ПРОЖИВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН И ЛИЦ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

А. Ю. Внученкова

старший преподаватель кафедры юриспруденции

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

В статье исследуются основания возникновения и прекращения режима постоянного проживания иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь. Автор приходит к выводу о том, что национальное законодательство в данном вопросе сформулировано с учетом приоритетных направлений развития государственной политики. Вместе с тем правоприменительная практика позволяет выявить некоторые недостатки в правовом обеспечении исследуемого вопроса, в связи с чем автором предложено внести ряд изменений в законодательство, регулирующие правовые отношения в сфере обеспечения режима постоянного проживания иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь.

Ключевые слова: режим пребывания, режим постоянного проживания, правовое регулирование, иностранный гражданин, лицо без гражданства.

Введение

Эффективность миграционной политики Республики Беларусь, по нашему мнению, во многом определяется качественным правовым регулированием режимов пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь. Базисным нормативным правовым актом, закрепляющим основные подходы к регулированию данного вопроса, является Закон Республики Беларусь от 4 января 2010 года № 105-З «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь» (далее – Закон № 105-З). Согласно ст. 38 Закона № 105-З в Республике Беларусь установлено три режима пребывания иностранных лиц на ее территории: режим временного пребывания, режим временного проживания и режим постоянного проживания [1]. Последний предоставляет иностранным гражданам и лицам без гражданства возможность более длительного нахождения в Республике Беларусь по сравнению с иными режимами пребывания, а также практически уравнивает в правовом положении указанных лиц с гражданами Республики Беларусь.

Анализ правового регулирования режима постоянного проживания иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь приводит к выводу о наличии пробелов в его регулировании, создающих дополнительные трудности в правоприменительной деятельности государственных органов. Исходя из указанного, представляется целесообразным более подробно рассмотреть основания возникновения и прекращения режима постоянного проживания иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь с учетом особенностей их законодательного регламентирования, а также с учетом вопросов, возникающих в правоприменительной практике.

© Внученкова А. Ю., 2022

Основная часть

Возникновение режима постоянного проживания иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь обусловлено обязанностью указанных лиц получить в установленном законодательными актами Республики Беларусь и постановлениями Совета Министров Республики Беларусь порядке разрешение на постоянное проживание в Республике Беларусь и вид на жительство [1, ст. 60]. С 1 сентября 2021 года в Республике Беларусь выдаются биометрические виды на жительство [2, подп. 1 п. 1].

Выдача разрешения на постоянное проживание в Республике Беларусь и биометрического вида на жительство являются административными процедурами, порядок осуществления которых регламентирован п. 11.10 и п. 12.7 Указа Президента Республики Беларусь от 24 апреля 2010 года № 200 «Об административных процедурах, осуществляемых государственными органами и иными организациями по заявлениям граждан» (далее – Указ № 200) [3]. Принятие решения о выдаче иностранным гражданам и лицам без гражданства разрешения на постоянное проживание в Республике Беларусь относится к компетенции управления по гражданству и миграции главного управления внутренних дел Минского городского исполнительного комитета, управлений внутренних дел областных исполнительных комитетов, а также подразделений по гражданству и миграции территориальных органов внутренних дел Республики Беларусь [1, ст. 58]. Иностранные граждане и лица без гражданства, находящиеся за пределами Республики Беларусь, для получения разрешения на постоянное проживание в Республике Беларусь вправе обратиться в дипломатическое представительство или консульское учреждение Республики Беларусь в государстве их постоянного проживания [4, п. 3].

Выданное иностранным гражданам и лицам без гражданства разрешение на постоянное проживание в Республике Беларусь действует бессрочно [3, п. 12.7], в то время, как вид на жительство по общему правилу выдается сроком на два года [3, пп. 11.10.1]. Утрата либо истечение срока действия вида на жительство иностранного гражданина или лица без гражданства (если разрешение на постоянное проживание в Республике Беларусь не аннулировано) не влечет утрату им правового статуса постоянно проживающего на территории Республики Беларусь иностранного лица, однако аннулирование разрешения на постоянное проживание в Республике Беларусь является основанием прекращения режима постоянного проживания иностранного гражданина или лица без гражданства в Республике Беларусь.

Выдача иностранным гражданам и лицам без гражданства разрешения на постоянное проживание осуществляется компетентными органами Республики Беларусь при наличии оснований, предусмотренных частями первой и второй ст. 53 Закона № 105-З. Данный перечень оснований не является исчерпывающим, иностранные граждане и лица без гражданства «имеют право на получение разрешения на постоянное проживание по иным основаниям, предусмотренным международными договорами Республики Беларусь» (п. 12 ч. 1) [1, ст. 53]. В частности, в соответствии с п. 1 ст. 4 Соглашения между Республикой Беларусь и Российской Федерацией об обеспечении равных прав граждан Республики Беларусь и Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства на территориях государств – участников Союзного государства «факт принадлежности лица к гражданству одной из Сторон является основанием для получения разрешения на постоянное жительство (подачи заявления о выдаче вида на жи-

тельство) без учета срока временного пребывания и получения разрешения на временное проживание на территории другой Стороны» [5].

Лицо без гражданства вправе обратиться за получением разрешения на постоянное проживание в Республике Беларусь только при одновременном соблюдении следующих условий: 1) отсутствует государство, которое согласилось его принять, за исключением лица без гражданства, оформившего прекращение гражданства в порядке, установленном законодательством государства прежнего гражданства; 2) лицо без гражданства находится в Республике Беларусь более трех лет [1, ст. 53].

Иным категориям иностранных лиц, не указанным в части первой и части второй ст. 53 Закона № 105-3, разрешение на постоянное проживание может быть выдано на основании решения Совета Министров Республики Беларусь по согласованию с Президентом Республики Беларусь [1, ст. 53].

Несмотря на то, что перечень оснований выдачи иностранным гражданам и лицам без гражданства разрешения на постоянное проживание в Республике Беларусь, содержащихся в ст. 53 Закона № 105-3, является достаточно широким, анализ национального законодательства и правоприменительной практики позволяет сделать вывод о том, что в настоящее время он требует определенной корректировки. Так, видится необходимым расширение указанного перечня оснований с учетом приоритетных направлений социально-экономического развития Республики Беларусь. В частности, Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы, утвержденная Указом Президента Республики Беларусь от 29 июля 2021 года № 292 «Об утверждении Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы», в качестве одной из приоритетных задач определяет продолжение развития семейных форм устройства по воспитанию детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей [6, п. 5.1]. В соответствии со ст. 118 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье (далее – КоБС Республики Беларусь) одной из таких форм является опека и попечительство [7]. Статьей 235 КоБС Республики Беларусь предусмотрена возможность установления на территории Беларуси опеки, попечительства как постоянно проживающих в Республике Беларусь, так и постоянно проживающих за ее пределами иностранных граждан или лиц без гражданства над несовершеннолетними гражданами Республики Беларусь, проживающими на территории Республики Беларусь, а также над несовершеннолетними иностранными гражданами или лицами без гражданства, проживающими (находящимися) на территории Республики Беларусь (установление международной опеки, попечительства) [7].

По нашему мнению, предоставление иностранным лицам возможности получить разрешение на постоянное проживание в Республике Беларусь на основании того, что они являются опекунами (попечителями) над несовершеннолетними гражданами Республики Беларусь, проживающими на территории Республики Беларусь, либо над несовершеннолетними иностранными гражданами или лицами без гражданства, проживающими (находящимися) на территории Республики Беларусь, можно рассматривать не только как создание для иностранных граждан и лиц без гражданства дополнительного основания легализации их постоянного проживания на территории Республики Беларусь, но и в качестве средства обеспечения охраны интересов несовершеннолетних детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, которые проживают (находятся) на территории Республики Беларусь и защита которых является важнейшей политической, социальной и экономической задачей Республики Беларусь [8]. Учитывая то, что «каждый ребенок имеет право жить в семье» (ст. 15

Закона Республики Беларусь от 19 ноября 1993 года № 2570-XII «О правах ребенка»), а «дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, имеют право на особую заботу государства» [8, ст. 29], можно сделать вывод о том, что предложенное основание выдачи иностранным лицам разрешения на постоянное проживание в Республике Беларусь согласуется с актуальными государственными, общественными и индивидуальными интересами. В частности, для общества и государства – это мера, направленная на профилактику и решение проблемы социального сиротства, для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, которые проживают (находятся) в Республике Беларусь, – это возможность жить и воспитываться в семье и при этом остаться проживать в Республике Беларусь. На основании вышеизложенного, предлагаем часть первую ст. 53 Закона № 105-3 дополнить абзацем следующего содержания: «являются опекунами (попечителями) несовершеннолетних граждан Республики Беларусь, проживающих на территории Республики Беларусь, либо несовершеннолетних иностранцев, проживающих (находящихся) на территории Республики Беларусь».

Также не отражено в отечественном законодательстве то, как разрешается ситуация, если иностранным лицам, постоянно проживающим в Республике Беларусь и являющимся опекунами (попечителями) над несовершеннолетними гражданами Республики Беларусь, проживающими на территории Республики Беларусь, а также над несовершеннолетними иностранными гражданами или лицами без гражданства, проживающими (находящимися) на территории Республики Беларусь, аннулировано разрешение на постоянное проживание в Республике Беларусь. Согласно нормам КоБС Республики Беларусь установление на территории Республики Беларусь опеки, попечительства иностранных граждан или лиц без гражданства над несовершеннолетними гражданами Республики Беларусь, иностранными гражданами и лицами без гражданства осуществляется в соответствии с главой 14 КоБС Республики Беларусь с соблюдением порядка, установленного Правительством Республики Беларусь [7, ст. 235]. В то же время ни среди оснований освобождения опекунов (попечителей) от исполнения ими своих обязанностей, указанных в ст. 167 главы 14 КоБС Республики Беларусь, ни среди оснований прекращения опеки (попечительства) над несовершеннолетними, которые содержатся в п. 35 главы 6 постановления Совета Министров Республики Беларусь от 20 мая 2006 года № 637 «Об утверждении Положения о порядке организации работы по установлению и осуществлению опеки (попечительства) над несовершеннолетними детьми» нормы, указывающей, что аннулирование разрешения на постоянное проживание в Республике Беларусь является основанием освобождения иностранного лица от исполнения своих обязанностей как опекуна (попечителя) или основанием прекращения опеки (попечительства) над несовершеннолетними, не содержится. Учитывая данное обстоятельство, предлагаем дополнить ст. 167 КоБС Республики Беларусь частью третьей следующего содержания: «Опекуны, попечители, являющиеся иностранными гражданами или лицами без гражданства, освобождаются от исполнения своих обязанностей при наличии обстоятельств, указанных в части первой и второй настоящей статьи, и (или) при отсутствии законных оснований для их дальнейшего пребывания на территории Республики Беларусь».

Прекращение режима постоянного проживания иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь обусловлено юридическими фактами, определенными ст. 57 Закона № 105-3. Указанная статья содержит исчерпывающий перечень относительных и абсолютных оснований аннулирования разрешения на постоянное проживание в Республике Беларусь. Относительность содержащихся

в ч. 1 ст. 57 Закона № 105-3 оснований аннулирования разрешения на постоянное проживание в Республике Беларусь проявляется в том, что они не предусматривают обязательность аннулирования разрешения при наличии установленных данной нормой обстоятельств, а лишь указывают на возможность применения такого аннулирования. К таковым относится, например, получение иностранным лицом разрешения на постоянное проживание в иностранном государстве (абз. 3 ч. 1), пребывание иностранного гражданина или лица без гражданства за пределами Республики Беларусь более одного года с даты последнего выезда из Республики Беларусь (абз. 5 ч. 1), отсутствие у иностранного лица более одного года действительного вида на жительство в Республике Беларусь (абз. 7 ч. 1) и др. [1, ст. 57].

Одним из абсолютных оснований аннулирования разрешения на постоянное проживание в Республике Беларусь, содержащихся в ч. 2 ст. 57 Закона № 105-3, законодатель называет наличие у иностранного лица заболевания, включенного в перечень заболеваний, представляющих опасность для здоровья населения Республики Беларусь [1, ст. 57]. Документом, подтверждающим наличие либо отсутствие такого заболевания, является медицинская справка, установленного образца, выданная учреждением здравоохранения Республики Беларусь. При этом из норм Указа № 200 (п. 11.10, п. 11.11, п. 12.7) следует, что данная медицинская справка включена в перечень документов, которые иностранным гражданам и лицам без гражданства необходимо предоставить при обращении только за выдачей разрешения на постоянное проживание в Республике Беларусь, то есть, при обращении за получением вида на жительство либо обращении для его обмена предоставление указанной медицинской справки не требуется. Анализ норм национального законодательства позволяет утверждать, что аннулирование разрешения иностранного гражданина или лица без гражданства на постоянное проживание в Республике Беларусь в связи с наличием у него заболевания, включенного в перечень заболеваний, представляющих опасность для здоровья населения Республики Беларусь, применяется в отношении указанного лица только в том случае, когда лицо, имеющее такие заболевания, отказывается от прохождения лечения. В этом случае иностранное лицо в соответствии с нормой ч. 7 ст. 28 Закона Республики Беларусь от 18 июня 1993 года № 2435-XII «О здравоохранении» (далее – Закон «О здравоохранении») может быть депортировано за пределы Республики Беларусь в порядке, установленном законодательством [9]. По нашему мнению, в данном случае депортацию иностранного лица следует считать исключительной мерой, применение которой обусловлено той социальной опасностью, которую иностранное лицо создает для населения Республики Беларусь отказываясь от прохождения лечения общественно опасного заболевания. Вопрос о применении депортации будет разрешаться органами внутренних дел Республики Беларусь на основании соответствующей информации, предоставленной организацией здравоохранения. При этом следует отметить, что информация о наличии у иностранного лица социально опасного заболевания является врачебной тайной. Статьей 46 Закона «О здравоохранении» определено, что предоставление информации, составляющей врачебную тайну, без согласия пациента допускается только в некоторых случаях. Так, в соответствии с абз. 2 ч. 11 ст. 46 Закона «О здравоохранении» организации здравоохранения обязаны предоставлять такую информацию в правоохранительные органы без согласия пациентов при наличии оснований, позволяющих полагать, что вред здоровью причинен в результате противоправных действий, в том числе дорожно-транспортных происшествий, в случаях обращения за медицинской

помощью пациента, который в силу состояния здоровья или возраста не может сообщить о себе сведения, и (или) его смерти, а также в случаях, если состояние или заболевание пациента могут угрожать жизни и (или) здоровью людей, в порядке и по перечню, установленному постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 18 декабря 2014 года № 1192 «Об утверждении Положения о порядке представления организациями здравоохранения в правоохранительные органы информации, составляющей врачебную тайну» [9]. Из содержания Положения следует, что наличие у иностранного гражданина или лица без гражданства заболевания, представляющего опасность для здоровья населения Республики Беларусь, в Перечень случаев, при которых состояние или заболевание пациента может угрожать жизни и (или) здоровью других людей, не включено. Таким образом, выявляется несогласованность правового регулирования и правоприменительной практики в вопросе, касающемся передачи в правоохранительные органы организациями здравоохранения без согласия пациента информации, о наличии у иностранного гражданина или лица без гражданства заболевания, представляющего опасность для здоровья населения Республики Беларусь, для решения вопроса о применении в отношении такого лица депортации. В связи с указанным считаем, что абз. 2 ч. 11 ст. 46 Закона «О здравоохранении» после слов «Советом Министров Республики Беларусь» следует дополнить словами «в случае отказа иностранного гражданина или лица без гражданства, имеющего заболевание, представляющее опасность для здоровья населения, вирус иммунодефицита человека, от лечения».

Заключение

Подводя итог анализу правового регулирования оснований возникновения и прекращения режима постоянного проживания иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь можно сделать вывод о том, что в Республике Беларусь на современном этапе сформирована и действует эффективная система национального законодательства, регламентирующая указанный режим пребывания иностранных лиц на ее территории. Вместе с тем современные тенденции развития белорусской правовой системы, в частности, норм миграционного, административного и административно-деликтного законодательства обуславливают необходимость дальнейшего совершенствования правового регулирования режима постоянного проживания, которое, по нашему мнению, должно быть ориентировано, в первую очередь, на оптимизацию действующих правовых норм. Ввиду изложенного, внесение в законодательство предложенных изменений, направленных на расширение перечня оснований выдачи иностранным лицам разрешения на постоянное проживание в Республике Беларусь, согласование норм отечественного законодательства с правоприменительной практикой, в частности, в вопросах депортации иностранных лиц за пределы Республики Беларусь, по нашему мнению, будет способствовать качественному обновлению и совершенствованию нормативно-правового регулирования общественных отношений, возникающих и существующих в сфере административно-правового обеспечения режимов пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь, а реализация их на практике – минимизировать проблемы правоприменения, среди которых актуальной, по-прежнему, остается отсутствие специальных юридических норм, регламентирующих разрешение ряда вопросов, возникающих в рамках действия режима постоянного проживания иностранных лиц на территории Республики Беларусь.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2010 г., № 105-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 16.12.2019 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
2. Положение о биометрических документах, удостоверяющих личность [Электронный ресурс]: утв. Указом Президента Респ. Беларусь, 16 марта 2021 г., № 107 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
3. Об административных процедурах, осуществляемых государственными органами и иными организациями по заявлениям граждан [Электронный ресурс]: Указ Президента Респ. Беларусь, 26 апр. 2010 г., № 200 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 14.04.2020 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
4. Положение о порядке выдачи иностранным гражданам и лицам без гражданства разрешений на постоянное проживание в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : утв. постановлением Совета Министров Респ. Беларусь, 3 февр. 2006 г., № 144 : в ред. постановления Совета Министров Респ. Беларусь от 27.08.2021 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
5. Соглашение между Республикой Беларусь и Российской Федерацией об обеспечении равных прав граждан Республики Беларусь и Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства на территориях государств – участников Союзного государства [Электронный ресурс] : [заключено в г. Санкт-Петербурге 24.01.2006 г.] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
6. Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы [Электронный ресурс] : утв. Указом Президента Респ. Беларусь, 29 июля 2021 г., № 292 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
7. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье [Электронный ресурс]: 9 июля 1999 г., № 278-З: принят Палатой представителей 3 июня 1999 г. : одобрен Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.12.2019 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
8. О правах ребенка [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 19 нояб. 1993 г., № 2570-XII: в ред. Закона Респ. Беларусь от 11.05.2016 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
9. О здравоохранении [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 18 июня 1993 г., № 2435-XII : в ред. Закона Респ. Беларусь от 11.12.2020 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

Поступила в редакцию 05.05.2022 г.

Контакты: vnuchenkova@list.ru (Внученкова Анастасия Юрьевна)

Vnuchenkova A. Y. GROUNDS FOR THE ESTABLISHMENT AND TERMINATION OF THE REGIME OF PERMANENT RESIDENCE OF FOREIGN CITIZENS AND STATELESS PERSONS IN THE REPUBLIC OF BELARUS

The article examines the grounds for the emergence and termination of the regime of permanent residence of foreign citizens and stateless persons in the Republic of Belarus. The author concludes that in this matter the national legislation is formulated having regard to the priority directions of the state policy development. However, the law enforcement practice allows to identify some shortcomings in the legal support of the issue under study; hence the author proposes to make a number of changes to the legislation regulating legal relations in the field of ensuring the regime of permanent residence of foreign citizens and stateless persons in the Republic of Belarus.

Keywords: regime of stay, regime of permanent residence, legal regulation, foreign citizen, stateless person.

УДК 342.7

ПРАВО НА БЕЗОПАСНОСТЬ В ИНФОРМАЦИОННОЙ СФЕРЕ В СИСТЕМЕ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА

Т. Н. Кузьменкова

старший преподаватель

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

В статье обосновывается необходимость совершенствования законодательства в контексте обеспечения информационной безопасности личности. Исследуется место информационной безопасности в структуре конституционно-правового статуса, раскрывается понятие права человека на безопасность в информационной сфере как комплексной категории, включающей несколько элементов. Отдельное внимание уделено проблемным аспектам правового сопровождения права на защиту от информации, причиняющей вред, изложены предложения по их преодолению.

Ключевые слова: информационная безопасность, личность, государство, информационное общество, права человека, информационные права, право на безопасность в информационной сфере, вредоносная информация.

Введение

Развитие информационного общества привело к возрастанию значимости информационного фактора как на национальном, так и на международном уровне. На сегодняшний день информационное пространство может быть использовано для преднамеренной дискредитации конституционных основ государств и их властных структур, размывания национального менталитета и самобытности, вовлечения людей в экстремистскую и террористическую деятельность, разжигания межнациональной и межконфессиональной вражды [1]. Поэтому «информационная безопасность выполняет все более существенную и определяющую роль в системе обеспечения национальной безопасности» [2, с. 4].

Привязка к национальной безопасности делает категорию «информационная безопасность» в первую очередь атрибутом интересов государства. Наряду с этим информационная безопасность может рассматриваться с позиции интересов отдельной личности. Перераспределение акцентов с «правового обеспечения информационной безопасности государства в аспекте национальной безопасности в направлении сбалансированной политики правового обеспечения интересов личности, общества и государства» [3, с. 51] обуславливает актуальность научной разработки категории «информационная безопасность личности», определения ее места в общей системе информационной безопасности, развития соответствующей терминологии, выявления проблемных аспектов и путей их преодоления.

Основная часть

За сравнительно небольшой период времени информационная сфера претерпела существенные изменения, которые вывели ее на качественно иной уровень. «Сегодня информация – стержень цивилизации, а качество ее производства, распространения и потребления является одним из критериев развития общества» [4, с. 66]. Информационное пространство становится платформой организации

как свободного, так и рабочего времени, при этом «активно используется все возможные каналы информационной коммуникации, расширяется выбор средств и технологий воздействия на личность» [3, с. 54].

Механизмы деструктивного информационно-психологического воздействия на личность также постоянно совершенствуются, а масштабное манипулирование массовым сознанием принимает такую же остроту, как борьба за территории, ресурсы и рынки [1]. Так, реалиями сегодняшнего дня стали: распространение экстремистских и манипулятивных материалов» [3, с. 76], наполненность информационного пространства слухами и фейками, формирование «информационных коконов», обусловленное подачей информации с учетом предпочтений пользователя, ограждения пользователей от альтернативных точек зрения [4, с. 68]. Ряд проблемных моментов возникает и при обеспечении защищенности «личной информации человека, которая в макромасштабной информационной среде неизбежно фиксируется и накапливается. Она может подвергаться искажению и дополняться недостоверными сведениями, наносящими вред личности в части ее репутации, имиджа, нарушения тайны и пр.» [3, с. 55].

Как реакция на отсутствие действенных механизмов и гарантий обеспечения информационной безопасности выступают отдельные тенденции сдерживания процессов внедрения информационных технологий и развития информационного общества. В данном ключе стоит отметить, например, информационный нигилизм – «ситуация абсолютного неверия в объективность информации независимо от ее источника» [4, с. 68].

Поэтому на сегодняшний день как никогда актуальной становится сфера информационной безопасности, как государства и общества, так и отдельной личности. По мнению автора, совершенствование сферы обеспечения информационной безопасности личности, в том числе в контексте ее правового сопровождения, является одним из условий полноценного функционирования информационного общества в Республике Беларусь.

18 марта 2019 года Постановлением Совета Безопасности Республики Беларусь № 1 утверждена Концепция информационной безопасности Республики Беларусь, определившая понятие информационной безопасности как состояние защищенности сбалансированных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз в информационной сфере [1]. Что касается информационной безопасности применительно к отдельной личности, в науке ее определяют как «состояние высокой степени защищенности личности, при котором гарантируется реализация ее прав и свобод в информационной сфере и максимально снижен риск негативного воздействия на нее внутренних и внешних угроз» [3, с. 114].

На наш взгляд, развитие понятия «информационная безопасность личности» необходимо начинать прежде всего с определения места информационной безопасности в системе конституционно правового статуса личности. Если обратиться к нормам Конституции Республики Беларусь (далее Конституция), можно отметить, что информационная безопасность так или иначе сопровождает процесс реализации подавляющего большинства прав и свобод человека. В свете сказанного следует выделить статью 23 Основного Закона, предусматривающую возможность ограничения прав и свобод личности в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц [5]. Тем самым возможность реализации, например, свободы слова будет существенно

ограничена. Определенный отпечаток информационная безопасность накладывает и на свободу совести, право на образование, право на охрану здоровья.

В том числе в аспекте информационной безопасности как государства, так и личности стоит расценивать последние дополнения в статью 15 Конституции: «государство обеспечивает сохранение исторической правды и памяти о героическом подвиге белорусского народа в годы Великой Отечественной войны», а также статью 32¹: «государство способствует духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию молодежи...» [5] В отмеченном контексте (обеспечение информационной безопасности личности) следует рассматривать охрану персональных данных и тайну частной жизни. Так, статья 28 Конституции с последними изменениями, закрепляет норму, согласно которой каждый имеет право на защиту от незаконного вмешательства в его частную жизнь, в том числе от посягательства на тайну его корреспонденции, телефонных и иных сообщений, на его честь и достоинство. Государство создает условия для защиты персональных данных и безопасности личности и общества при их использовании [5].

И, безусловно, основной акцент нужно сделать на статье 34 Конституции, закрепляющей норму, согласно которой гражданам Республики Беларусь гарантируется право на получение, хранение и распространение полной, достоверной и своевременной информации о деятельности государственных органов, общественных объединений, о политической, экономической, культурной и международной жизни, состоянии окружающей среды [5]. Информационная безопасность здесь определяется словами «полной», «достоверной» и «своевременной». Тем не менее данная норма не охватывает в полной мере весь содержательный аспект информационной безопасности личности, поскольку, во-первых, охватывает лишь категорию граждан Республики Беларусь, во-вторых, делает акцент прежде всего на обязанности государственных органов, общественных объединений и должностных лиц предоставлять соответствующую информацию.

Несмотря на то, что информационная безопасность выводится из смысла отдельных прав и свобод, выступая своеобразной гарантией их реализации, открытым остается вопрос об обособлении информационной безопасности личности в самостоятельную правовую категорию, в том числе посредством выделения соответствующего права человека. В этой связи внимание заслуживает точка зрения о необходимости выделения права человека на информационную безопасность (право на безопасность в информационной сфере) в системе особого и специфического вида прав человека информационных прав. В частности, А.А. Чеботарева отмечает «Наряду с правом на информацию, правом на использование информационных технологий, правом на развитую инфраструктуру информационного общества, правом на качественное и своевременное предоставление государственных и муниципальных услуг человек современной России должен обрести и право на информационную безопасность» [3, с. 98].

В раскрытие заявленной темы можно привести конструкцию информационно-правового статуса личности, разработанную М.А. Кудрявцевым, внешняя сторона которой представляет собой сферу, определяемую правовыми возможностями индивида, сферу его потенциальной информационной активности. Внутренняя же сфера – «ядро» информационного статуса личности – составляет сферу тайны частной жизни, личной и семейной тайны, сферу «информационного иммунитета» индивида, охраняемую от произвольного постороннего вмешательства» [3, с. 93].

Существует мнение, что право на безопасность в информационной сфере относится к качественно новым правовым категориям, зародившимся в информационной сфере, – цифровым правам, к которым также предложено отнести право на интернет «право на уведомление» [6, с. 159], «право быть забытым» [7, с. 122]. Право на безопасность в информационной сфере», при таком подходе понимается не просто как комплекс правовых и организационных мер, направленных на защиту личной, конфиденциальной информации индивида, а также защиту от незаконных посягательств на вмешательство в его частную жизнь, тайну корреспонденции, телефонных и иных сообщений, а как фактическое обеспечение информационной безопасности личности, то есть такого состояния защищенности прав и свобод человека, при котором он огражден от дестабилизирующего воздействия внешних и внутренних угроз в информационной сфере» [6, с. 159]. К таким угрозам, в частности, могут быть отнесены: разрушение физического и психического здоровья, манипулирование сознанием и поведением, разрушение нравственной сферы, разрушение сложившегося мировоззрения, овладение личной информацией и др.

На наш взгляд, место информационной безопасности в структуре конституционно-правового статуса личности прежде всего будет зависеть от непосредственного содержательного наполнения понятия «информационная безопасность». На сегодняшний день и в науке, и в нормотворчестве нет единого мнения относительно данного вопроса. Например, в Российской Федерации наиболее распространен широкий подход к определению содержания понятия «информационная безопасность», включающий как технические аспекты (безопасность информационных сетей и систем), так и обширный круг политико-идеологических аспектов (манипулирование информацией, пропаганда посредством глобальных информационных сетей, информационное воздействие). Страны Запада, прежде всего США, придерживаются узкого подхода, ограничиваясь техническими аспектами, и используют иную терминологию – «кибербезопасность» [3, с. 168].

По мнению автора, информационная безопасность применительно к личности характеризуется как минимум двумя аспектами: техническим и содержательным, касающимся конкретного смысла потребляемой информации. Кроме того, имеются все предпосылки для выделения защищенности персональных данных и личной информации в качестве обособленного элемента. Юридическую проработку информационной безопасности личности целесообразно вести отдельно по каждому из компонентов. Право на безопасность в информационной сфере (право на информационную безопасность) в таком случае является более широким, комплексным понятием, включающим в себя выражение всех трех элементов. Так, технический элемент следует выражать через право на кибербезопасность, смысловой (содержательный) – через право на защиту от информации, причиняющей вред. К слову, в Законе Республики Беларусь «О правах ребенка» (статья 37¹), уже закреплено право детей на защиту от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию [8]. Третий элемент стоит раскрыть через право на защиту личной информации, право на защиту персональных данных.

При этом право на защиту от информации, причиняющей вред и право на кибербезопасность вполне допустимо относить к особому и специфическому виду прав человека – информационным правам. Что касается прав на защиту от незаконного вмешательства в частную жизнь, в том числе от посягательства на тайну корреспонденции, телефонных и иных сообщений, защиту персональных данных

и безопасности при их использовании, по своей сущности они ближе к личным правам и свободам. Безусловно стоит отметить взаимосвязь всех трех элементов, например, противоправное получение персональных данных и личной информации посредством нарушения права на кибербезопасность.

Особое внимание в контексте обеспечения информационной безопасности личности стоит уделить праву на защиту от информации, причиняющей вред. Данная категория является, на наш взгляд, наиболее проблемной с точки зрения правового сопровождения. Прежде всего это касается понятия и содержания информации, способной причинить вред. В белорусской науке уже имели место предложения о юридическом оформлении понятия «вредоносная информация»: недостоверная или умышленно искаженная информация, направленная на разрушение общественного согласия, духовных и нравственных ценностей общества, а также на возбуждение национальной и религиозной вражды, социальной розни» [9, с. 48]. В своем диссертационном исследовании М.С. Абломейко обращала внимание на необходимость на законодательном уровне определить правовой механизм признания вредного содержания информации, размещаемой в сети Интернет, установить обязанности провайдеров по удалению информации экстремистского и террористического характера [2, с. 10].

Анализ текущего законодательства показывает, что в качестве вредоносной (деструктивной) признается информация, направленная, например, на разжигание расовой, национальной, религиозной либо иной социальной вражды или розни (ст. 130 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее УК)), реабилитацию нацизма (ст. 130¹ УК), пропаганду самоубийства (ст. 342¹ УК), информация, связанная с распространением порнографических материалов (ст. 343 УК) [10].

В соответствии со статьей 38 Закона Республики Беларусь Об информации, информатизации и защите информации в средствах массовой информации, на интернет-ресурсах в том числе запрещено распространение сведений, пропагандирующих потребление наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов; информации о способах изготовления взрывных устройств и взрывчатых веществ; ненадлежащей рекламы; информации, направленной на пропаганду войны, экстремистской деятельности или содержащей призывы к такой деятельности, порнографии, насилия и жестокости, в том числе пропагандирующей или побуждающей к самоубийству. В радио-, теле-, видео-, кинохроникальных программах, на интернет-ресурсах запрещается использование скрытых вставок, воздействующих на подсознание людей или оказывающих вредное влияние на их здоровье [11].

В аспекте определения информации как способной причинить вред наиболее проработанным (систематизированным) на сегодняшний день является законодательство в отношении несовершеннолетних. Так, в Законе о правах ребенка (статья 37¹) закреплено право детей на защиту от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию, к которой относится информация, способная оказать негативное влияние на здоровье, физическое, нравственное и духовное развитие детей определенной возрастной категории, с подробным раскрытием содержания такой информации [8].

Очевидно, что конкретное содержательное наполнение категории «информационная безопасность личности» будет сопряжено с необходимостью установления критериев признания информации деструктивной (вредоносной) и, если обратиться непосредственно к контенту информационных вызовов и угроз, про-

BLEMным будет являться вопрос о возможности установления единых стандартов в глобальном информационном пространстве. То, что для одного общества является нормой, может составлять угрозу информационной безопасности личности в другом. Так, достаточно неоднозначными выступают темы легализации проституции и употребления наркотических средств, гендерного равенства, аборт, прав ЛГБТ, интерпретации исторических событий и ряд других.

С учетом обозначенного выше проблемного аспекта целесообразно уделить внимание содержательному наполнению права на безопасность в информационной сфере с позиции субъекта: человека либо гражданина. Наряду с правовым сопровождением категории «информационная безопасность личности», целесообразно (при разработке права на защиту от информации, причиняющей вред) выработать понятие «информационная безопасность граждан Республики Беларусь», что в определенной степени будет способствовать снятию проблематики. Гражданство как особая политико-правовая связь лица с государством определяет специфику при обеспечении отдельных прав и свобод в рамках взаимной ответственности человека и государства [12, с. 46]. По мнению автора, целостное обеспечение информационной безопасности личности в аспекте права на защиту от информации, причиняющей вред, возможно лишь в привязке к существующим в обществе ценностным, мировоззренческим, идеологическим ориентирам и в тесной взаимосвязи с категорией национальной безопасности государства.

Заключение

Реалии сегодняшнего дня делают сферу обеспечения информационной безопасности достаточно актуальной как для отдельных государств, так и для всего мирового сообщества. При этом, поскольку конечным потребителем информации выступает индивид, сфере информационной безопасности личности должно быть уделено не меньшее внимание, чем сфере информационной безопасности государства.

Отдельные аспекты информационной безопасности личности могут быть выведены из смысла статей Конституции, а также иных нормативно-правовых актов. Тем не менее не решенным остается вопрос об обособлении информационной безопасности личности в самостоятельную категорию, в том числе посредством выделения соответствующего права человека.

Право на безопасность в информационной сфере включает в себя как технический аспект (право на кибербезопасность), так и непосредственно содержательный, касающийся конкретного смысла потребляемой информации (право на защиту от информации, причиняющей вред). Кроме того, целесообразно рассматривать защищенность личной информации и персональных данных в качестве обособленного элемента.

Наиболее проблематичной с точки зрения правового сопровождения выступает право на защиту от информации, причиняющей вред, что обусловлено необходимостью выделения понятия и критериев соответствующей информации. В контексте данного проблемного аспекта решением может стать разработка понятия «информационная безопасность граждан Республики Беларусь» в привязке к существующим в обществе ценностным, мировоззренческим, идеологическим аспектам и в тесной взаимосвязи с составляющими национальной безопасности государства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Концепция информационной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Утверждено Постановлением Совета Безопасности Республики Беларусь 18.03.2019 № 1. – Режим доступа: https://pravo.by/upload/docs/op/P219s0001_1553029200.pdf. – Дата доступа: 24.04.2022.
2. **Абломейко, М. С.** Правовые проблемы построения информационного общества в Республике Беларусь : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / М. С. Абломейко ; БГУ. – Минск, 2012. – 25 с.
3. **Чеботарева, А. А.** Правовое обеспечение информационной безопасности личности в глобальном информационном обществе: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.13 / А. А. Чеботарева. – М., 2018. – 473 с.
4. **Пунченко, В. Н.** Информационная безопасность: новые вызовы в условиях пандемии / В. Н. Пунченко, Е. В. Речиц / Беларуская думка. – № 6. – 2021. – С. 66–72.
5. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г., 27 февр. 2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
6. **Дудко, М. О.** Цифровые права личности / М. О. Дудко // Конституция Республики Беларусь как ценностный выбор: 25 лет свершений и преобразований : сб. материалов респ. науч.-практ. конф., Минск, 4 марта 2019 г. ; редкол.: С. А. Балашенко [и др.]. – Минск : Право и экономика, 2019. – С. 158–159.
7. **Довгань, Е. Ф.** Права человека в эпоху информационных технологий / Е. Ф. Довгань // Вестн. университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2018. – № 5. – С. 109–125.
8. О правах ребенка [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 19 нояб. 1993 г., № 2570-ХІІ: в ред. от 11.05.2016 № 262-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
9. **Сафонова Т. В.** Информационное право Республики Беларусь: курс лекций / Т. В. Сафонова. – Витебск, УО «ВГУ им. П. М. Машерова», 2008. – 123 с.
10. Уголовный Кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобрен Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 05.01.2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
11. Об информации, информатизации и защите информации [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 10 нояб. 2008 г., № 455-3: в ред. от 24.05.2021 № 111-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
12. **Кузьменкова, Т. Н.** Отдельные теоретико-правовые аспекты обеспечения информационной безопасности граждан Республики Беларусь в условиях глобализации / Т. Н. Кузьменкова // Актуальные проблемы нормотворческой деятельности и правоприменения в Беларуси: материалы II научного семинара аспирантов, магистрантов и студентов, Минск, 15 января 2022 г. / БГУ, Юридический фак., Каф. конституционного права ; [редкол.: Г. А. Василевич, Т. М. Киселева]. – Минск : БГУ, 2022. – 81 с. – С. 42–47.

Поступила в редакцию 14.05.2022 г.

Контакты: kuzmenkova@msu.by (Кузьменкова Татьяна Николаевна)

Kuzmenkova T. N. THE RIGHT FOR SECURITY IN THE INFORMATION SPHERE IN THE SYSTEM OF HUMAN RIGHTS AND FREEDOMS

The article substantiates the need to improve legislation in the context of information security of the individual. The place of information security in the structure of constitutional and legal status is investigated, the concept of human right to security in the information sphere as a complex category that includes several elements is disclosed. Special attention is given to the problem aspects of legal support of the right to protection from harmful information, proposals to overcome them are outlined.

Keywords: information security, person, state, information society, human rights, information rights, right to information security, harmful information.

УДК 343.35

ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ НОРМЫ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СЛУЖЕБНУЮ ХАЛАТНОСТЬ

А. Ю. Рыжанков

старший преподаватель кафедры юриспруденции

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

аспирант

Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь

В статье анализируется отражение белорусским законодателем квалификационных признаков служебной халатности в ст. 428 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК), а также виды и размеры наказаний за это преступление. Автором раскрывается термин «служебные обязанности» и круг источников служебных обязанностей, анализируются позиции в научной литературе к содержанию признаков «ненадлежащее исполнение служебных обязанностей», «небрежное или недобросовестное отношение к службе» в составе служебной халатности, характеризуется конструкция статьи ст. 428 УК, исходя из круга общественно опасных последствий служебной халатности и санкции за это преступление. По результатам исследования предлагается авторская редакция статьи 428 УК.

Ключевые слова: служебная халатность, служебные обязанности, неисполнение служебных обязанностей, ненадлежащее исполнение служебных обязанностей, небрежное или недобросовестное отношение к службе, ущерб государственному имуществу, иные тяжкие последствия.

Введение

Состав служебной халатности в уголовном законе является общим по отношению к остальным составам неосторожных преступлений должностных лиц. Для эффективного исполнения этой роли необходимо обеспечить единообразие подходов законодателя к установлению уголовной ответственности за посягательства, образующие общий и специальные составы неосторожных преступлений должностных лиц. Это единообразие подходов, по нашему мнению, можно обеспечить путем преодоления неоднозначности формулировок объективных и субъективных признаков служебной халатности, а также соблюдением общности оснований признания нарушения лицом должностных обязанностей преступным посягательством, единством подходов к установлению видов и размеров наказаний за неосторожные преступления должностных лиц.

Проблематику уголовной ответственности за халатность должностных лиц затрагивали в своих научных трудах как ученые-правоведы в дореволюционный и советский периоды, так и современные белорусские и зарубежные авторы. В советском уголовном праве характеристика преступной халатности и ее признаков получила отражение в трудах В.А. Владимирова, А.А. Жижиленко, Б.В. Здравомыслова, С.А. Канарского, С.Г. Келиной, В.Ф. Кириченко, А.А. Нерсисяна, А.Б. Сахарова, Г.Р. Смолицкого, А.Н. Трайнина, В.А. Шкурко, В.Н. Ширяева, Б.С. Утевского и др. В современной отечественной правовой науке отдельные тео-

ретические и практические аспекты привлечения к уголовной ответственности за служебную халатность рассматривались А.В. Барковым, А.И. Добродеем, А.Р. Леонович, В.В. Лосевым, А.И. Лукашовым, А.В. Конюком, В.В. Марчуком, Э.А. Саркисовой, В.М. Хомичем, В.В. Хилюттой, А.А. Шардаковым и др. В зарубежной литературе проблематику халатного отношения к службе исследовали такие ученые, как В.Н. Борков, Б.В. Волженкин, В.А. Кочерга, И.Г. Минакова, Ю.С. Рубцова, Ю.Ю. Тищенко, М.А. Тыняная, Е.В. Царев, П.С. Яни и др.

Целью настоящего исследования являются выявления проблемных аспектов в конструкции ст. 428 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) и предложение путей их разрешения в новой редакции статьи о служебной халатности.

Основная часть

В ст. 428 УК преступная служебная халатность определяется как неисполнение либо ненадлежащее исполнение должностным лицом своих служебных обязанностей вследствие недобросовестного или небрежного отношения к службе, повлекшие по неосторожности причинение ущерба государственному имуществу в особо крупном размере (часть 1); те же деяния, повлекшие по неосторожности смерть человека либо иные тяжкие последствия (часть 2).

Для адекватного применения ст. 428 УК о служебной халатности в правоприменительной практике необходимо обеспечить единообразное толкование термина «служебные обязанности».

Само понятие служебных обязанностей в уголовном законе не раскрыто. Термин «служебные обязанности» фигурирует исключительно в связи с описанием обязанностей должностных лиц по службе: «неисполнение должностным лицом ... действий, которые оно должно было и могло совершить в силу возложенных на него служебных обязанностей» (ч. 2 ст. 425 УК). Соответственно, служебные полномочия представляют собой совокупность прав должностного лица на совершение действий в рамках служебной деятельности, а служебные обязанности являются требованиями, обращенными к должностному лицу о совершении им конкретных действий по службе.

Как справедливо отмечает В.В. Лосев, поскольку диспозиция ст. 428 УК носит бланкетный характер, правоприменители в целях установления круга служебных обязанностей должны обращаться к иным нормативным правовым актам, а также к локальным правовым актам [1]. Вместе с тем отметим, что в них какой-либо четкий круг «служебных» обязанностей не определен.

По нашему мнению, служебные обязанности представляют собой требования нормативных правовых актов, локальных правовых актов или ненормативных (индивидуальных) правовых актов о совершении должностным лицом действий, которые оно правомочно и обязано совершить в силу занимаемой должности, в том числе требования к порядку выполнения этих действий [2, с. 203]. Для обеспечения единообразного понимания термина «служебные обязанности» предлагается внести определение этого понятия в п. 17 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь 16 декабря 2004 г. № 12 «О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (ст.ст. 424–428 УК)» (далее – постановление № 12), а также раскрыть в рамках судебного толкования круг источников служебных обязанностей. Источниками служебных обязанностей следует считать: нормативные правовые акты (законы, декреты, указы и т.д.); локальные правовые акты (уставы, должностные ин-

струкции, положения о структурных подразделениях и т.п.); индивидуальные правовые акты (приказы, распоряжения, предписания конкретным должностным лицам).

Признаки понятий «неисполнение служебных обязанностей» и «ненадлежащее исполнение служебных обязанностей» вызывают определенные сложности в понимании их сущности. Особенно это касается признака «ненадлежащее исполнение служебных обязанностей», который на законодательном и правоприменительном уровнях не раскрывается, а его характеристика в научной литературе часто заключается в синонимичном описании: «...это плохое, несвоевременное, неправильное, неточное их выполнение» [3, с. 92]; «... несвоевременное, некачественное, неполное выполнение соответствующих обязанностей» [4, с. 240]; «... недобросовестно, нерадиво, кое-как» [5, с. 15].

М.А. Тыняная отрицает существование разницы между неисполнением и ненадлежащим исполнением обязанностей, отмечает, что «обязанности должностного лица не могут быть исполнены неполно, неточно, недобросовестно и т.п., они могут быть исполнены или не исполнены» [6, с. 88].

По нашему мнению, неисполнение и ненадлежащее исполнение должностным лицом своих служебных обязанностей является оценочной характеристикой в целом нарушения виновным требований нормативных правовых актов, локальных правовых актов и(или) ненормативных (индивидуальных) правовых актов. Под нарушением служебных обязанностей следует понимать нарушение должностным лицом требований нормативных правовых актов, локальных правовых актов или ненормативных (индивидуальных) правовых актов о выполнении им действий, которые оно правомочно и должно осуществить в силу занимаемой должности, совершенное путем бездействия, или требований к порядку их выполнения, совершенное путем действия.

В связи с этим формулировку «неисполнение или ненадлежащее исполнение должностным лицом своих служебных обязанностей» в содержании ст. 428 УК следует заменить формулировкой «нарушение должностным лицом своих служебных обязанностей». Положительной стороной этого подхода является и охват встречающихся в практике случаев неисполнения должностным лицом одних служебных обязанностей и ненадлежащего исполнения других [7], а также нарушения запретов, что в своей совокупности приводит к наступлению общественно опасных последствий.

Схожая формулировка «нарушение правил» («нарушение требований») неоднократно встречается в описании составов других неосторожных преступлений (ст.ст. 265, 271, 302–306, 314, 319 УК и др.) и не вызывает сложностей в толковании.

Согласно п. 1 ст. 39 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах» к основным требованиям нормотворческой техники относятся: краткость и точность изложения нормативных правовых предписаний; ясность, простота и доступность языка изложения нормативного правового акта, исключая различные толкование его нормативных правовых предписаний, отсутствие внутренних противоречий; единство терминологии в законодательстве, единообразие и однозначность терминологии нормативного правового акта и т.д. Каждая формулировка уголовно-правовой нормы должна быть точной, непротиворечивой и исключать дублирование признаков состава преступления в своем содержании.

В самом наименовании ст. 428 УК «Служебная халатность» отразился традиционный подход законодателя к отграничению этого преступления от умышленных посягательств. Вместе с тем сразу несколько формулировок в ст. 428 УК указывают на неосторожную форму вины в составе служебной халатности: преступление совершается «... вследствие недобросовестного или небрежного отно-

шения к службе», а его общественно опасные последствия наступают «... по неосторожности...».

Признак «небрежное или недобросовестное отношение к службе» является дискуссионным. Одни авторы указывают, что эта формулировка описывает внешнее поведение лица по службе, т.е. выступает признаком объективной стороны преступления [8, с. 8; 9, с. 107; 10, с. 82]. Другие авторы обоснованно указывают на то, что формулировка «недобросовестное или небрежное отношение» описывает субъективную сторону служебной халатности [4, с. 243; 6, с. 179; 11, с. 120; 12, с. 119; 13, с. 130; 14; 15]. Третьи авторы отмечают, что недобросовестное или небрежное отношение к службе выступает одновременно и объективным, и субъективным признаком халатности [3, с. 121; 16, с. 53].

Разнятся и авторские позиции относительно тождества терминов «недобросовестность» и «небрежность». И.Г. Минакова отмечает, что термины «недобросовестный» и «небрежный» применительно к составу халатности являются синонимичными [13, с. 95]. Б.В. Здравомыслов разграничивает термины «недобросовестность» и «небрежность» между собой, наделяя каждый самостоятельным содержанием [11, с. 122–123].

По нашему мнению, формулировка «...вследствие недобросовестного или небрежного отношения к службе...» указывает на неумышленный характер преступления, и более подробно характеризовать содержание субъективной стороны не может. При этом признак «недобросовестное и небрежное отношение к службе» как часть описания субъективной стороны служебной халатности является излишним, поскольку психическое отношение лица к совершаемому деянию и его последствиям в полной мере определено формулировкой «повлекшее по неосторожности». Последняя формулировка полностью соответствует требованиям ст. 23 УК и самостоятельно характеризует служебную халатность как неосторожное преступление. Более того, само нарушение служебных обязанностей как деяние может быть совершено осознанно или нет. В связи с этим формулировка «недобросовестное или небрежное отношение к службе» в ст. 428 УК утрачивает свое значение как квалификационный признак субъективной стороны преступления.

Хотя наличие признака «недобросовестное и небрежное отношение к службе» не влияет на квалификацию служебной халатности, однако усложняет процесс доказывания. Как отмечено в п. 13 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28 сентября 2001 года № 9 «О приговоре суда», признавая лицо виновным в преступлении, в составе которого имеются оценочные признаки (тяжесть последствий, существенный вред и другие), суд обязан в приговоре привести доказательства, послужившие основанием для вывода о наличии в содеянном указанного признака. В связи с этим предлагается исключить формулировку «...вследствие недобросовестного или небрежного отношения к службе ... » из ч. 1 ст. 428 УК.

Характер уголовно наказуемых последствий служебной халатности также требует от законодателя внесения изменений в ст. 428 УК.

По нашему мнению, уголовная наказуемость причинения ущерба только государственному имуществу в ч. 1 ст. 428 УК не отражает государственной политики в области обеспечения равной защиты всех форм собственности и оказывает негативное влияние на правоприменение ст. 428 УК, что было отражено автором ранее в самостоятельном исследовании [17].

Для обеспечения равенства защиты всех форм собственности от неосторожных посягательств должностных лиц в ч. 1 ст. 428 УК необходимо заменить фор-

мулировку «повлекшее по неосторожности причинение ущерба государственному имуществу в особо крупном размере» на формулировку «повлекшее по неосторожности причинение ущерба в особо крупном размере».

Уголовная ответственность за служебную халатность, сопряженную с наступлением смерти человека либо иных тяжких последствий, предусмотрена в ч. 2 ст. 428 УК. По нашему мнению, смерть и тяжкие телесные повреждения не должны быть приравнены к остальным тяжким последствиям, предусмотренным п. 21 постановления № 12, например, к длительной дезорганизации работы транспорта, и наказываться с той же строгостью. Равно как и не совсем обоснованно включать оценочную категорию «иные тяжкие последствия», которая носит открытый характер, в ч. 2 ст. 428 УК.

Считаем, что наряду с причинением ущерба в особо крупном размере к кругу уголовно наказуемых последствий в ч. 1 ст. 428 УК следует отнести и «иные тяжкие последствия», перенеся соответствующую формулировку из ч. 2 ст. 428 УК.

Часть 2 ст. 428 УК, по нашему мнению, должна охватывать только смерть человека или причинение тяжкого телесного повреждения, наступившие в результате халатного поведения должностного лица. Примерами подобного конструирования уголовно-правовых норм выступают ч. 2 ст. 161, ст. 300, ст. 307, ст. 308, ч. 2 ст. 316, ч. 2 ст. 317, ч. 2 ст. 318, ч. 2 ст. 335, ч. 2 ст. 338, ч. 2 ст. 464 УК. Корреляция последствий этих неосторожных преступлений и служебной халатности выступает необходимым шагом на пути к обеспечению единства подходов законодателя к уголовной ответственности за нарушение лицами своих обязанностей.

Более строгую уголовную ответственность за нарушение должностным лицом служебных обязанностей, повлекшее по неосторожности смерть двух или более лиц, необходимо предусмотреть в ч. 3 ст. 428 УК, как это сделано, например, в ч. 3 ст. 306, ч. 3 ст. 314, ч.ч. 3,5 ст. 316, ч.ч. 3,5 ст. 317, ч. 3 ст. 320, ч. 3 ст. 464, ч. 2 ст. 465 УК.

Такой подход предлагается и А.Р. Леонович в авторской редакции ст. 428 УК, но при этом категория «иные тяжкие последствия» полностью исключается автором из состава служебной халатности [18]. По нашему мнению, сохранение уголовной наказуемости наступления иных тяжких последствий в результате служебной халатности является допустимым при условии перенесения соответствующей формулировки в ч. 1 ст. 428 УК. Состав служебной халатности является общим составом по отношению к составам остальных нарушений по службе и должен охватывать все посягательства, которые не могут быть охвачены специальными составами неосторожных преступлений должностных лиц.

Считаем, что предложенная нами дифференциация общественно опасных последствий служебной халатности исходя из их тяжести обеспечит возможность конструирования соразмерных и справедливых санкций за это преступление.

В целом отметим, что в уголовном законе отсутствует единство подходов к конструированию санкций уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за неосторожные преступления. Санкция ст. 428 УК часто является более строгой, чем санкции статей, предусматривающих ответственность за неосторожные преступления, связанные с нарушениями лицом правил и требований по службе (ст.ст. 161, 162, 302, 303, 304–306, 456 УК и др.). Это проявляется как в узости круга видов наказаний за служебную халатность, так и в самих размерах наказаний.

Согласно действующей редакции уголовного закона за совершение служебной халатности по ч. 1 ст. 428 УК виновному может быть назначено наказание в виде

ограничения свободы на срок от двух до пяти лет или лишения свободы на срок до пяти лет с обязательным лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

По нашему мнению, санкция ч. 1 ст. 428 УК не отражает положений п. 12 и п. 15.2 Концепции совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 23 декабря 2010 г. № 672 (далее – Концепция), в которой подчеркивается необходимость назначать альтернативные лишению свободы виды наказаний лицам, не представляющим опасности для общества.

Ограниченность видов наказаний за служебную халатность, сопряженную с имущественным вредом, может вынуждать суд необоснованно обращаться к иным мерам уголовной ответственности вместо назначения справедливого и соразмерного наказания. Расширение же видов наказаний позволит суду определять виновному лицу наказание в зависимости от тяжести наступивших последствий, особенно с учетом необходимости внесения оценочной категории «иные тяжкие последствия» в ч. 1 ст. 428 УК. Равно как и размеры наказаний, назначаемых виновному за совершение служебной халатности, должны быть гармонизированы с размерами наказаний за иные неосторожные преступления должностных лиц.

В целях обеспечения соблюдения требований справедливости и соразмерности наказания за совершенное преступление, а также обеспечения единства подходов к формированию санкций за неосторожные преступления, субъектом которых выступают должностные лица, разумным представляется реформирование санкций ст. 428 УК.

Прежде всего, должны быть исключены из санкции минимальные пределы наказаний в виде ограничения или лишения свободы, а максимальный срок приведен в соответствие с санкциями статей, предусматривающих схожие неосторожные преступления, а также с учетом рекомендаций Концепции.

Санкция в ч. 1 ст. 428 УК должна охватывать больше видов наказания и быть представлена: лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью со штрафом, или исправительными работами на срок до двух лет, или арестом, или ограничением свободы на срок до трех лет, или лишением свободы на тот же срок с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Схожий характер санкции предусмотрен, например, в ч. 2 ст. 304, ч. 1 ст. 305, ч. 1 ст. 306, ст. 307 УК.

Круг и размер наказаний в ч. 2 ст. 428 УК должен включать ограничение свободы на срок до пяти лет или лишение свободы на тот же срок с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Предложенный формат санкции ч. 2 ст. 428 УК можно наблюдать и в ряде санкций других статей, предусматривающих ответственность за неосторожные преступления: ч. 2 ст. 162, ч. 3 ст. 272, ч. 2 ст. 306, ч. 2 ст. 314, ч. 2 ст. 318, ч. 2 ст. 464 УК.

Санкция предложенной редакции ч. 3 ст. 428 УК, охватывающей причинение смерти двум или более лицам, должна быть представлена лишением свободы на срок от двух до семи лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Лишение свободы от двух до семи лет выступает основным наказанием в санкциях неосторожных преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 299, ч. 3 ст. 314, ч. 3 ст. 320, ч. 3 ст. 463, ч. 3 ст. 464, ч. 2 ст. 465, и от трех до семи лет в ч. 3 ст. 306, ч. 3 ст. 316, ч. 3 ст. 317 УК.

Предложенный формат санкций ст. 428 УК позволит суду индивидуализировать и назначать справедливое наказание виновному за совершение служебной халатности, исходя из обстоятельств преступления и личности преступника.

Заключение

По результатам проведенного исследования предлагается следующая авторская редакция ст. 428 УК:

«Статья 428. Служебная халатность

1. Нарушение должностным лицом своих служебных обязанностей, повлекшее по неосторожности причинение ущерба в особо крупном размере либо иные тяжкие последствия, –

наказывается лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью со штрафом, или исправительными работами на срок до двух лет, или арестом, или ограничением свободы на срок до трех лет, или лишением свободы на тот же срок с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

2. То же деяние, повлекшее по неосторожности смерть человека либо причинение тяжкого телесного повреждения, –

наказывается ограничением свободы на срок до пяти лет или лишением свободы на тот же срок с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

3. Деяние, предусмотренное частью 1 настоящей статьи, повлекшее по неосторожности смерть двух или более лиц, –

наказывается лишением свободы на срок от двух до семи лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью».

Содержание этой редакции ст. 428 УК, по нашему мнению, позволяет преодолеть разногласия в подходах к описанию неосторожных должностных посягательств, обеспечивает однозначность толкования признаков служебной халатности, гармонизирует санкции ст. 428 УК с санкциями иных статей, устанавливающих ответственность за неосторожные преступления.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Лосев, В. В.* Служебная халатность: характеристика объективных признаков состава преступления (часть 1) [Электронный ресурс] : [по состоянию на 25.03.2019 г.] / В. В. Лосев // Консультант-Плюс: Беларусь. Технология / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2022.

2. *Рыжанков, А. Ю.* Дефиниция «служебные обязанности» в рамках ст. 428 «Служебная халатность» УК Республики Беларусь / А. Ю. Рыжанков // Романовские чтения – 13 : сб. ст. Междунар. науч. конф., посвящ. 105-летию МГУ имени А. А. Кулешова, Могилев, 25–26 окт. 2018 г. / Могилев. гос. ун-т имени А. А. Кулешова ; под общ. ред. А. С. Мельниковой. – Могилев, 2019. – С. 202–203.

3. *Царев, Е. В.* Уголовное законодательство об ответственности за халатность : история, современность, перспективы развития: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Е. В. Царев. – Нижний Новгород, 2009. – 252 с.

4. *Мичулис, Э. Ф.* Преступления против государства, порядка управления и интересов службы : учеб. пособие / Э. Ф. Мичулис, А. А. Шардаков, И. С. Яцута ; Ком. гос. безопасности Респ. Беларусь, гос. учреждение образования «Ин-т нац. безопасности Респ. Беларусь». – Минск : ИНБ, 2013. – 278 с.

5. *Печников, Н. П.* Должностные и служебные преступления : лекции к курсу / Н. П. Печников. – Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2007. – 32 с.

6. *Тыняная, М. А.* Уголовно-правовая характеристика халатности: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / М. А. Тыняная. – Томск, 2013. – 234 с.

7. Приговор суда Ленинского района г. Могилева от 14.12.2018 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховного Суда Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://court.gov.by/ru/>

mogilevskij/oblastnoj/sud/press_sluzhba/soobscheniya/press_sluzhbi/5fea5b6ecd0e43ff.html. – Дата доступа: 15.01.2022.

8. **Келина, С. Г.** Борьба с халатностью должностных лиц по советскому уголовному праву : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / С. А. Келина ; Моск. юрид. ин-т. – М., 1953. – 16 с.

9. **Кириченко, В. Ф.** Ответственность за должностные преступления по советскому уголовному праву. Общие вопросы / В. Ф. Кириченко. – М. : Изд. Академ. наук СССР, 1956. – 168 с.

10. **Рубцова, Ю. С.** Должностная халатность при производстве предварительного расследования в форме дознания (уголовно-правовые и криминологические вопросы) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.01.08 / Ю. С. Рубцова. – Санкт-Петербург, 2017. – 263 с.

11. **Здравомыслов, Б. В.** Должностные преступления. Понятие и квалификация / Б. В. Здравомыслов. – М. : Юриздат, 1975. – 168 с.

12. **Конюк, А. В.** Прокурорско-судебная практика по уголовным делам о коррупционных и других преступлениях против интересов службы : практ. пособие / А. В. Конюк, В. В. Лосев ; Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь. – Минск : Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2018. – 336 с.

13. **Минакова, И. Г.** Халатность: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук : 12.01.08 / И. Г. Минакова. – Ростов-на-Дону, 2008. – 205 л.

14. **Хиллута, В. В.** Служебная халатность (ст. 428) [Электронный ресурс] : [по состоянию на 23.10.2014 г.] / В. В. Хиллута // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

15. **Шестовская, Т. В.** Преступления против интересов службы [Электронный ресурс] : [по состоянию на 01.06.2011 г.] / Т. В. Шестовская // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

16. **Закомолдин, Р. В.** Служебные преступления : конспект лекций / Р. В. Закомолдин. – Самара : Самар. гуманитар. акад., 2004. – 98 с.

17. **Рыжанков, А. Ю.** Служебная халатность (ст. 428 УК): уголовно-правовые аспекты охраны государственной собственности в Республике Беларусь / А. Ю. Рыжанков // Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова, Сер. D, Эканоміка, сацыялогія, право. – 2018. – № 2 (52). – С. 107–110.

18. **Леонович, А. Р.** Эволюция норм об уголовной ответственности за служебную халатность по Уголовному кодексу БССР 1960 года и Уголовному кодексу Республики Беларусь 1999 года [Электронный ресурс] / А. Р. Леонович // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

Поступила в редакцию 12.05.2022 г.

Контакты: gfer123@tut.by (Рыжанков Арнольд Юрьевич)

Ryzhankov A. Yu. PROSPECTS FOR IMPROVING THE REGULATION ON CRIMINAL LIABILITY FOR NEGLIGENCE

The article analyzes the reflection by the Belarusian legislator of the qualifying signs of official negligence in Art. 428 of the Criminal Code, as well as the range and dimension of punishments for this crime. The author reveals the term «official duties» and the range of sources of official duties, analyzes the positions in the scientific literature on the content of the signs «improper performance of official duties», «careless or dishonest attitude to service» as part of official negligence, characterizes the construction of Art. 428 of the Criminal Code considering the range of socially dangerous consequences of official negligence and sanctions for this crime. Based on the results of the study, the author's version of the article of official negligence is proposed.

Keywords: official negligence, official duties, failure to perform official duties, improper performance of official duties, negligent or dishonest attitude to service, damage to state property, other grave consequences.

УДК 340.691

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ЭКСПЕРТА

К. Д. Тагунова

старший преподаватель

Институт повышения квалификации и переподготовки кадров Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, г. Минск

В статье рассматриваются теоретические вопросы и проблемные аспекты сущности заключения эксперта в соответствии с законодательством Республики Беларусь. Его значение как процессуального документа в современном отечественном законодательстве и предыстория с точки зрения законодательства советского периода. Анализируются вопросы требований к заключению эксперта. Формулируется авторское понятие «заключение эксперта».

Ключевые слова: заключение эксперта, оценка заключения эксперта, процессуальное законодательство, судебный эксперт, доказательства, судебная экспертиза.

Введение

Заключение эксперта является процессуальным документом, соответствующим необходимым критериям, указанным в белорусском процессуальном законодательстве и Законе Республики Беларусь от 18 декабря 2019 г. №281-З «О судебно-экспертной деятельности» (далее – Закон о СЭД). Именно заключение эксперта зачастую оказывает решающее значение при разрешении дела. В связи с этим вопросы назначения экспертизы и процессуальные отношения, складывающиеся в ходе ее проведения, подробно рассмотрены в научной литературе. Подготовкой заключения эксперта, оценкой его судом занимались отечественные ученые: А.В. Дулов, А.И. Швед, Ю.В. Кухарьков, Е.П. Орехова, И.А. Лапина, а также ведущие российские и советские ученые: А.И. Винберг, А.Р. Шляхов, Е.Р. Россинская, Н.П. Майлис, Т.В. Аверьянова, А.М. Зинин, Е.И. Галяшина, В.Н. Хрусталеv, А.А. Эйсман.

Заключение эксперта является одним из источников доказательств (средством доказывания) и порядок его составления закреплён в процессуальных кодексах Республики Беларусь и Законе о СЭД. Имеющиеся опубликованные работы в области сущностных характеристик заключения эксперта и его правовой оценки не в полной мере соответствуют реалиям сегодняшнего дня, и, по нашему мнению, вопрос нуждается в дальнейшем обсуждении и доработке отдельных аспектов.

Основная часть

Заключению эксперта посвящена ст. 95 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК), согласно которой, заключением эксперта является «процессуальный документ, удостоверяющий факт и ход исследования экспертом материалов, объектов экспертизы, представленных органом, ведущим уголовный процесс, и содержащий выводы по поставленным перед экспертом вопросам, основанные на специальных знаниях эксперта в области науки, техники, искусства, ремесла и иных сферах деятельности. Заключение эксперта не является обязательным для органов уголовного преследования и суда, однако несогласие их с заключением должно быть ими мотивировано» [1].

Обращаясь к понятию «заключение эксперта», содержащемуся в Процессуально-исполнительном кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – ПиКОАП), следует отметить, что под заключением эксперта понимают «процессуальный документ, удостоверяющий факт, ход и результаты исследования экспертом материалов, объектов экспертизы, предоставленных судом, органом, ведущим административный процесс, и содержащий выводы по поставленным перед экспертом вопросам, основанные на специальных знаниях эксперта в области науки, техники, искусства, ремесла и иных сферах деятельности. Заключение эксперта не является обязательным для суда, органа, ведущего административный процесс, однако несогласие с заключением эксперта должно быть ими мотивировано» [2]. Также понятие заключения эксперта содержится в Гражданском процессуальном кодексе Республики Беларусь (далее – ГПК) и Хозяйственном процессуальном кодексе Республики Беларусь (далее – ХПК) Так, ст. 216¹ ГПК под заключением эксперта понимает «процессуальный документ, удостоверяющий факт и ход исследования экспертом материалов, объектов экспертизы, предоставленных судом, и содержащий выводы по поставленным перед экспертом вопросам, основанные на специальных знаниях эксперта в области науки, техники, искусства, ремесла и иных сферах деятельности» [3]. Согласно ст. 83, 94 ХПК, заключение эксперта относится к средствам доказывания по экономическому делу, и соответствует определенным требованиям к своей структуре и содержанию (время, место проведения экспертизы, лицо, проводившее экспертизу, объекты экспертного исследования, выводы по результатам исследования); заключение эксперта «излагается в письменной форме и подписывается экспертом (экспертами), которому было поручено проведение экспертизы» [4].

В процессуальных кодексах (ст. 236 УПК; ст. 11.17 ПиКОАП; ст. 226 ГПК; ст. 94 ХПК) и в недавно вступившем в силу Законе о СЭД (ст. 35) также содержатся требования к структуре и содержанию заключения эксперта [5]. Заключение эксперта составляется в письменной форме, с его подписью и инициалами исполнителя.

Классик белорусской криминалистики и основ судебной экспертизы, А.В. Дулов так характеризует сущность заключения эксперта: «Доказательство – «заключение эксперта» появляется в результате деятельности определенного лица или группы лиц и поэтому может содержать в себе некоторые субъективные ошибки, устранение которых возможно и необходимо в результате тщательной оценки заключения следствием и судом» [6, с. 166].

Вопросы сущности заключения эксперта были актуальны и являются ими и ныне, поэтому можно обратиться к работам ученых советского периода, в частности – А.Р. Шляхову, который писал: «Следователь и суд используют заключение эксперта в качестве судебного доказательства. Условия, процесс исследования и устанавливаемые экспертом фактические данные должны быть отражены в заключении эксперта. Закон устанавливает основные элементы заключения эксперта. Результаты исследования, не нашедшие отражения в заключении, не имеют доказательственного значения; заключение эксперта нельзя заменить протоколом его допроса либо другим документом (справкой, письмом)» [7, с. 6].

А.Р. Шляхов справедливо отмечал: «В соответствии с действующим процессуальным законодательством заключение эксперта является источником судебных доказательств. Заключения экспертов, как об этом свидетельствует многолетняя практика, имеют важное значение для раскрытия преступлений, изобличения ви-

новых лиц или, наоборот, оправдания невиновных; они служат надежным средством установления объективной истины в процессе расследования и рассмотрения уголовных и гражданских дел» [7, с. 124]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что заключение эксперта выступает в качестве источника доказательств (средства доказывания) и имеет существенное значение для правосудия, порой, являясь лишь единственным существенным доказательством по делу.

Заключение эксперта должно обладать простотой изложения, чтобы быть доступным и понятным лицу, не имеющему специальных знаний в данной отрасли (по поводу проводимой судебной экспертизы), обладать признаками достоверности и научной обоснованности. Профессор А.И. Винберг писал: «акт эксперта – это документальное выражение всей его исследовательской работы. Поэтому вопросы о форме и содержании акта эксперта имеют непосредственное отношение к доказательственному значению криминалистической экспертизы в предварительном и судебном следствии» [8, с. 54]. А.И. Винберг отмечал, что ошибки в экспертном заключении могут привести к судебным ошибкам. Именно поэтому заключение эксперта должно быть ясным по своей сути, иметь однозначную терминологию, отвечать на поставленные вопросы и быть доступным к пониманию лицам, ведущим процесс и не обладающим специальными знаниями.

Отмечая доказательственную базу экспертного заключения, А.И. Винберг придерживался следующих взглядов: «Заключение эксперта, как и все доказательства, не имеет формального значения и может быть следователем или судом отвергнуто. Поэтому мало сообщить следователю или суду свой вывод и технические данные исследования, а надо обосновать этот вывод и при этом так, чтобы следователь или суд могли разобраться и оценить, насколько этот вывод правилен. У следователей или судей нет тех специальных знаний, которыми пользовался эксперт. Поэтому при оценке заключения эксперта технические данные, которые содержатся в акте, недостаточны» [8, с. 56]. В советском процессуальном законодательстве исследовательская часть в заключении эксперта носила название «акт эксперта». Само заключение могло быть отклонено судом или органом дознания; эксперт должен был обосновать в акте правильность своих выводов, чтобы лицам, не сведущим (не обладающим специальными знаниями), были полностью понятны ход и верность выводов судебно-экспертного исследования.

Мы согласны с А.И. Винбергом, что «высшую степень убеждения составляет достоверность. В основе же вероятности лежит лишь предположение, догадка. В зависимости от конкретных особенностей дела вероятность может возрастать и, при определенных условиях, перейти в достоверность. Заключение, которое эксперт предлагает следователю или суду и в соответствии со своим убеждением рассматривает как достоверное, должно быть объективно истинным. Суд, оценивая это заключение, может не согласиться с убеждением эксперта и отвергнуть его заключение как неверное, т.е. не истинное. Основанием этого является убеждение суда в недействительности тех обстоятельств, которые привели эксперта к его, казалось бы достоверному, выводу, в результате оценки выводов экспертизы в совокупности с другими доказательствами по делу» [8, с. 60]. Из этого следует, что достоверность в экспертном заключении играет ключевую роль, благодаря достоверности заключение является истинным; вероятность же есть лишь предположение.

Профессор Е.Р. Россинская отмечает: «под оценкой заключения судебного эксперта понимают процесс установления достоверности, относимости, и допусти-

мости заключения, определения форм и путей его использования в доказывании. Суд, осуществляющий рассмотрение дела, руководствуясь законом, оценивает заключение по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности. Заключение эксперта не является особым доказательством и оценивается по общим правилам оценки доказательств...» [9, с. 77–78]. Однако к его оценке требуется специфический подход, поскольку это доказательство основано на использовании для его получения специальных знаний, которыми суд не располагает [9, с. 77–78].

Еще один российский исследователь в области судебной экспертизы, В.Н. Хрусталев указывает: «Поскольку заключение эксперта – один из видов доказательств в судопроизводстве, оценка заключения – это оценка доказательства, логическая операция, выражающаяся в оценочных суждениях. В XVIII возникла концепция обязательной силы экспертных заключений, в основу которой был положен взгляд на эксперта как на научного судью. Согласно этой концепции, эксперт – это судья, факт, выводы которого по делу фактически не подлежат оценке наряду с другими доказательствами. После судебной реформы 1864 г. концепция эксперта – научного судьи была отвергнута. С 1924 года российское процессуальное законодательство придерживается принципа свободной оценки доказательств, в соответствии с которым ни одно доказательство не имеет преимуществ перед другими доказательствами. Заключение эксперта не имеет заранее установленной силы, однако несогласие с ним должно быть мотивировано субъектом доказывания» [10, с. 165]. Такой подход полностью соответствует требованиям белорусского законодателя.

Мы согласны с мнением белорусских авторов Ю.В. Кухарькова, Е.П. Ореховой, что «квинтэссенцией деятельности эксперта является документ, который составляется по результатам экспертного исследования – «Заключение эксперта». Допрос (опрос) эксперта позволяет оценить установленные при проведении судебной экспертизы обстоятельства и акцентировать их. При даче заключения эксперта и при допросе (опросе) эксперта реализуются его полномочия по делу» [11, с. 28].

Заключение

На основании рассмотрения понятия заключения эксперта, его сущности можно сделать следующие выводы.

1. Заключение эксперта является особым документом, являющийся доказательственным источником (средством доказывания) в судебном процессе, основанный на особых теоретических и эмпирических экспертных знаниях в различных специфических отраслях, недоступных лицам, проводящим следствие/дознание либо судебное доказывание (в зависимости от вида процесса). При проведении экспертизы эксперт руководствуется специальными научными знаниями, которыми могут не владеть другие участники процесса.

2. Генезис процессуально-правовых знаний и основанных на них правоотношений претерпел существенные изменения, придав доказательственной весомости заключению эксперта. В то же время многократно возросла наукоемкость и сложность применяемых судебными экспертами методологических подходов, методов и приемов, что, по нашему мнению, требует большей правовой регламентации и конкретизации содержательных характеристик процессуального документа – заключение эксперта, дабы в полной мере обеспечить понимание выводов эксперта всеми участниками процесса.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-З : принят Палатой представителей 24.06.1999 : одобрен Советом Республики 30.06.1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 05.01.2022, № 112-З // КонсультантПлюс. Беларусь. Технология ТОП / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
2. Процессуально-исполнительный Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 6 янв. 2021 г., № 92-З : принят Палатой представителей 18.12.2020 г. : одобрен Советом Республики 18.12.2020 г. : в ред. Закона Республики Беларусь от 04.01.2020 г. // КонсультантПлюс. Беларусь. Технология ТОП / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
3. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 11 января 1999 г. N 238-З : принят Палатой представителей 10 декабря 1998 г. : одобр. Советом Респ. 18 декабря 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 27.05.2021 N 113-З // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
4. Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 15 декабря 1998 г. N 219-З принят Палатой представителей 11 ноября 1998 г. : одобр. Советом Респ. 26 ноября 1998 г. в ред. Закона Респ. Беларусь от 27.05.2021 N 113-З // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
5. О судебно-экспертной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь от 18 дек. 2019 г., № 281-З : в ред. Закона Республики Беларусь от 06.01.2021, № 93-З // КонсультантПлюс. Беларусь. Технология ТОП / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
6. **Дулов, А. В.** Заключение эксперта и его оценка по уголовным делам / А. В. Дулов. – Минск : Изд-во БГУ, 1959. – 187 с.
7. **Шляхов, А. Р.** Судебная экспертиза : организация и проведение / А. Р. Шляхов. – М. : Юрид. лит., 1979. – 168 с.
8. **Винберг, А. И.** Основные принципы советской криминалистической экспертизы / А. И. Винберг. – М. : Госюриздат, 1949. – 132 с.
9. **Россинская, Е. Р.** Судебная экспертиза в гражданских процессах : науч.-практ. пособие / под ред. Е. Р. Россинской. – М. : Проспект, 2018. – 704 с.
10. **Хрусталева, В. Н.** Теория судебной экспертизы : учеб. пособие / В. Н. Хрусталева. – М. : КНО-РУС, 2021. – 242 с.
11. **Кухарьков, Ю. В.** Регламентация судебной экспертизы в процессуальных кодексах Республики Беларусь / Ю. В. Кухарьков, Е. П. Орехова ; Белорусский государственный университет. – Минск : Право и экономика, 2019. – 76 с.

Поступила в редакцию 23.05.2022 г.

Контакты: ks81tag@yandex.ru (Тагунова Ксения Дмитриевна)

Tagunova K. D. ON THE ESSENCE OF THE EXPERT'S OPINION ACT

The article deals with theoretical issues and problematic aspects of the essence of the expert's act in accordance with the legislation of the Republic of Belarus. Its significance as a procedural document in modern domestic legislation and background from the point of view of the legislation of the Soviet period are considered. The issues of requirements for the expert's act are analyzed. The author's concept of «expert act» is formulated.

Keywords: expert act, assessment of expert act, procedural legislation, forensic expert, evidence, forensic examination.

УДК 347.6

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ БРАЧНОГО ДОГОВОРА КАК СРЕДСТВА РЕГУЛИРОВАНИЯ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ

С. Н. Ховратова

старший преподаватель

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

В статье анализируется правовая регламентация брачного договора как средства регулирования имущественных отношений супругов в Республике Беларусь. Раскрыты вопросы, касающиеся определения категорий субъектов брачного договора и содержания брачного договора. По результатам исследования сформулированы рекомендации и предложения по совершенствованию семейного законодательства.

Ключевые слова: имущественные права супругов, совместная собственность супругов, режим имущества, договорное регулирование семейных отношений, брачный договор, предмет брачного договора.

Введение

В семейном законодательстве Республики Беларусь институт брачного договора занимает особое место и с каждым днем приобретает все большее практическое значение. Такое явление объясняется тем, что каждый из супругов стремится подстраховаться и обезопасить себя от возможных имущественных потерь в случае прекращения брака. С каждым годом возрастает количество и значимость процедуры заключения брачных договоров. Причиной такого роста является, прежде всего, развитие предпринимательской деятельности и, как его результат, сосредоточение в собственности супругов все большего по объему, стоимости и социальной значимости имущества. Необходимо обратить внимание на то, что определенное количество брачных договоров заключается супругами в случаях, если их действующий брак уже не первый как для каждого из супругов, так и для одного из них; либо они имеют несовершеннолетних детей от других браков.

Институт брачного договора является новацией устоявшегося гражданского и семейного законодательства. После принятия Гражданского кодекса Республики Беларусь 1998 г. (далее – ГК Республики Беларусь) супругам была предоставлена возможность заключить договор, который бы определял взаимоотношения между ними по поводу имущества несколько иначе, нежели это предусмотрено нормами права, регулирующих совместную собственность супругов.

Кодекс Республики Беларусь о браке и семье (далее – КоБС), вступивший в законную силу 1 сентября 1999 г., предусматривает диспозитивные нормы, выразившиеся в самостоятельности супругов относительно урегулирования внутрисемейных правоотношений по своему усмотрению, и, как следствие, в заключении брачного договора. Законом Республики Беларусь от 20 июля 2006 г. № 164-З в ст. 13 КоБС были внесены дополнения, связанные с закреплением права заключения брачного договора лиц, желающих вступить в брак.

Вышеназванные новшества в семейном законодательстве обуславливают необходимость рассмотреть основополагающие начала и наиболее значимые аспекты брачного договора: субъектный состав, предмет и содержание брачного договора.

Основная часть

В научной литературе остается предметом дискуссий вопрос о правовой природе брачного договора. По мнению М. В. Антокольской, брачный договор является гражданско-правовым, так как в общем виде он урегулирован нормами гражданского законодательства [1, с. 156]. Так, И. В. Бакаева придерживается исследовательского подхода, что семейное право рассматривается в виде подотрасли гражданского [2, с. 12]. С ней же соглашаются и другие исследователи, которые отмечают, что брачный договор является гражданско-правовым договором, отмечая его субъектный состав, предмет договора и его содержание [3, с. 143; 4, с. 76]. Такого же мнения придерживаются в данной дискуссии по указанной проблеме, и белорусские исследователи Н. Л. Бондаренко и Т. М. Халецкая, констатируя, что регулирование семейных имущественных отношений должно осуществляться нормами гражданского, а не семейного законодательства [5, с. 78; 6, с. 161].

Представляет интерес другой подход Л. М. Пчелинцевой, которая считает, что брачный договор обладает определенной спецификой по сравнению с другими гражданско-правовыми договорами, а это субъектный состав, время заключения, предмет и содержание договора, что закрепляется Семейным кодексом [7, с. 206]. Мы присоединяемся к данной точке зрения, что с учетом специфики брачного договора он рассматривается в качестве особого семейно-правового договора [8, с. 16; 9]. Такую же точку зрения разделяет и А. Н. Левушкин, который выделяет ряд особенностей брачного договора, обуславливающих семейно-правовую принадлежность брачного договора, где стороны брачного договора связаны личными, эмоциональными отношениями друг с другом, основанными на браке и любви [10, с. 38]. Следует поддержать ранее высказанное мнение М. П. Короткевич о признании брачного договора как особого соглашения семейного типа, семейно-правовую природу всех соглашений (договоров), позволяющих субъектам семейных отношений определить права и обязанности, возможность заключения которых прямо предусмотрено КоБС [11, с. 96; 12, с. 176].

Кроме того, некоторые авторы относят брачный договор к договорам смешанного характера. Например, С. М. Ананич считает, что, исходя из сочетания «при регулировании отношений, связанных с заключением и исполнением брачного договора, семейно-правовых норм, определяющих специфику содержания и иные особенности применения брачного договора, а также гражданско-правовых норм, устанавливающих общие положения о договорах и сделках» [13, с. 46].

В действующем законодательстве супруги получили возможность самостоятельно устанавливать правовой режим совместно нажитого имущества. Так, имущество, нажитое супругами в период брака, вне зависимости от того, на кого из супругов оно приобретено либо на кого или кем внесены денежные средства, является их общей совместной собственностью. Супруги наделены равными правами владения, пользования и распоряжения таким имуществом, если иное не предусмотрено брачным договором (ст. 23). В указанной выше статье КоБС не содержится хотя бы примерного перечня того, что относится к понятию «общее имущество супругов». И лишь в постановлении Пленума Верховного Суда Респу-

блики Беларусь от 22.06.2000 года № 5 «О практике применения судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» законодатель закрепляет, что общей совместной собственностью супругов, подлежащей разделу, является любое нажитое ими в период брака движимое и недвижимое имущество, которое в силу ст.ст. 214, 219, 220, 221 Гражданского кодекса Республики Беларусь 1998 г. может быть объектом права собственности граждан независимо от того, на кого из супругов оно было приобретено или на кого внесены денежные средства, если Брачным договором между ними не установлен иной режим этого имущества (далее – постановление № 5).

Следует подчеркнуть, что заключение брачного договора определяется как право, а не обязанность граждан. Исходя из положения ч. 1 ст. 13 КоБС видно, что брачный договор заключается в целях повышения культуры брачных и семейных отношений и ответственности одного супруга перед другим, определения прав и обязанностей супругов в браке и (или) после его расторжения лица, вступающие в брак, и супруги в любое время. Законом Республики Беларусь от 18.12.2019 г. № 277-З были внесены дополнения ст. 13 КоБС, которые отразились в появлении ч. 2, которая закрепила понятие брачного договора. Принимая изложенное во внимание, под брачным договором понимается соглашение лиц, вступающих в брак, либо супругов об определении их личных неимущественных и (или) имущественных прав и обязанностей как в период брака, так и после его расторжения. Однако исходя из целей, указанных в ч. 1 данной статьи, представляется необходимым конкретизировать определение Брачного договора, который необходимо расценивать как соглашение лиц, вступающих в брак или супругов, определяющее их имущественные права и обязанности, а также иные вопросы взаимоотношений между супругами в период брака и (или) в случае его расторжения, с соблюдением требований законодательства Республики Беларусь.

Необходимо также отметить, что сторонами брачного договора являются: супруги, а также лица, желающие вступить в брак. Так, согласно ч. 1 ст. 13-1 КоБС брачный договор заключается в письменной форме и подлежит обязательному нотариальному удостоверению. По общему правилу, согласно ч. 5 ст. 13-1 КоБС брачный договор, заключенный между лицами, не состоящими в браке, вступает в законную силу со дня регистрации заключения брака органами, регистрирующими акты гражданского состояния, а, следовательно, если лица, заключившие брачный договор, не вступят в брак, то брачный договор также не вступит в силу и не будет порождать для сторон взаимные права и обязанности. Полагаем, что из содержания данной нормы можно сделать вывод: юридическая сила брачного договора зависит только от регистрации брака компетентным органом.

В соответствии с ч. 9 ст. 13 КоБС брачный договор прекращается с момента прекращения брака, однако, если договор предусматривает права и обязанности бывших супругов после прекращения брака, тогда распространяет свое действие и до момента их исполнения. Таким образом, срок брачного договора напрямую зависит от длительности самого брака между супругами.

Представляется целесообразным остановиться на предмете брачного договора, рассмотреть его более подробно. Брачный договор заключается не только в отношении всего имущества супругов и его отдельных видов, но также затрагивает судьбу потенциального имущества, которое может быть приобретено в период брака. Законодатель регулирует имущественные отношения, возникающие между

супругами, при этом не устанавливая перечень существенных условий брачного договора. Ведь основное назначение брачного договора выражается в том, что супруги могут изменить правовой режим только общей совместной собственности. Например, установить порядок раздела имущества; имущество, которое получит каждый супруг при расторжении брака; режим общей совместной собственности в отношении отдельных вещей; права и обязанности по взаимному содержанию; порядок несения семейных расходов; как в период брака за счет общего имущества супругов или личного имущества одного из них производились вложения, увеличившие стоимость имущества другого супруга (капитальный ремонт и т.п.), можно определить, что данное имущество будет собственностью супруга, который оплатил эти расходы.

С одной стороны, в брачном договоре можно закрепить, что все имущество, относящееся к общей совместной собственности, или его отдельные виды переходят в долевую собственность или собственность каждого из супругов. Кроме того, имеет право на существование брачный договор, устанавливающий распределение расходов на обучение детей, оказание материальной помощи родителям и т.д. Следует согласиться с точкой зрения А. И. Плиско, которая предлагает определять некую «обязательную долю», по аналогии с размером алиментов, в совместном нажитом имуществе, меньше которой, в случае раздела, супруг получить не может, а все остальное имущество распределять в соответствии с брачным договором. Тогда даже при наличии высококвалифицированного адвоката нельзя сказать, что одного супруга поставили в крайне неблагоприятное положение [14, с. 68]. Нельзя не отметить и подход Е. Л. Невзгодиной, которая обратила внимание на то, что супруг может подписать брачный договор на крайне невыгодных для себя условиях в силу доверчивости, отсутствия жизненного опыта и т. п. [15, с. 68].

Однако в брачном договоре не представляется возможным изменить правовой режим имущества, находящегося в собственности каждого из супругов, в сравнение с тем, как реально это сделать с режимом общей совместной собственности. Поэтому имущество, принадлежащее каждому из супругов до вступления в брак, полученное в дар или в порядке наследования, а также вещи индивидуального пользования (одежда, обувь), за исключением драгоценностей, предметов роскоши, даже если были приобретены в период брака за счет общих средств, признаются имуществом того супруга, который ими пользовался.

Особенностью брачного договора выступает то, что он не может ограничивать правоспособность или дееспособность супругов, их право на обращение в суд за защитой своих прав, также не должен содержать условий, ставящих одного из супругов в крайне неблагоприятное положение или противоречащих основным началам семейного законодательства. В то же время из содержания ч. 3 абз. 7 ст. 13 КоБС, которая закрепляет, что в брачном договоре могут быть определены иные вопросы взаимоотношений между супругами (порядок несения каждым из них семейных расходов и т.п.), родителями и детьми, в случаях, если это не нарушает права и законные интересы других лиц, а также не противоречит законодательству.

Необходимо отметить, что вышеназванное указание законодателя распространяется лишь на случаи включения «иных» условий, а не тех, которые перечислены в 3 ч. ст. 13 КоБС. С учетом изложенного, поддерживаем ранее высказанную позицию и предлагаем в часть третью ст. 13 КоБС внести дополнения нормами из постановления № 5 и изложить в следующей редакции:

«Брачный договор не может ограничивать правоспособность или дееспособность супругов, их право на обращение в суд за защитой своих прав, также не должен содержать условий, которые ставят одного из супругов в крайне неблагоприятное положение или противоречат основным началам семейного законодательства» [16, с. 342].

Следующей особенностью является то, что брачный договор не может содержать условий, ограничивающих свободу супругов в выборе рода занятий или уменьшающих установленный законом размер алиментов на несовершеннолетних детей. Брачный договор может содержать только те условия, которые касаются совместно нажитого имущества супругов. При этом не может изменить правовой режим имущества, являющегося собственностью каждого из них, исключая случаи, когда значительные улучшения имущества одного из супругов производились за счет другого.

Семейное законодательство закрепляет широкий круг возможностей брачного договора в сфере регулирования имущественных отношений супругов. В частности, к условиям, которые могут составлять содержание брачного договора отнесены обязанности супругов по взаимному содержанию. Согласно ч. 2 ст. 29 КоБС в брачном договоре могут быть предусмотрены и другие случаи, при которых наступает обязанность супруга оказывать материальную помощь другому супругу. Представляет интерес мнение О. Низамиевой, которая считает, что брачный договор дает возможность самим супругам решить вопрос об основах взаимного содержания и не ставить его в зависимость от оснований предусмотренных семейным законом для алиментирования супругов и бывших супругов (например, при нетрудоспособности) [9, с. 18].

Однако ст. 31 КоБС не предусматриваются положения, определяющие размер содержания в брачном договоре. Полагаем, что необходимо конкретизировать минимальный размер такого содержания, что впоследствии даст возможность супругам отступить от законного порядка и считаем необходимым дополнить ч. 1 ст. 31 КоБС словами «но не менее двух базовых величин, установленных на момент выплаты» [16, с. 343].

В настоящее время на основаниях, предусмотренных ст.13-1 КоБС, брачный договор подлежит обязательной регистрации в организации по государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним. Следует обратить внимание на то, что законодатель в этом случае дважды говорит об обоюдном волеизъявлении лиц, заключающих брачный договор: первый раз – в нотариальной конторе, а второй раз – в органах государственного управления, осуществляющих регистрацию недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним. Так, согласно ст. 34 Закона Республики Беларусь от 22.07.2002 г. № 133-З «О государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним» (в ред. от 06.01.2021 г.) документы, представляемые для осуществления государственной регистрации, должны быть поданы регистратору в ходе личного приема лицами, подписавшими заявление о государственной регистрации. Из этого следует, что оба супруга должны регистрировать брачный договор в Агентстве по государственной регистрации недвижимого имущества прав на него и сделок с ним.

При этом заслуживает внимания и вопрос, связанный с исполнением брачного договора. Так, если стороны не смогли достигнуть соглашения об изменении или расторжении брачного договора, то по требованию одной из сторон спор может быть рассмотрен в судебном порядке. Кроме того, стороны в брачном договоре

могут связывать возникновение либо прекращение их прав и обязанностей в связи с наступлением, либо ненаступлением каких-либо условий. В частности, брачный договор будет считаться заключенным в случае, когда стороны определили прекращение прав и обязанностей в зависимость от ситуации, относительно которой неизвестно, наступит она или нет (супруги могли оговорить, что режим пользования общей совместной собственностью действует лишь во время совместного проживания супругов в Республике Беларусь, а в случае выезда одного из супругов за пределы страны на постоянное место жительства, режим общей совместной собственности свое действие прекращает и все имущество становится раздельной собственностью супруга, оставшегося проживать в Республике Беларусь).

Еще одним условием в целях признания брачного договора законным и имеющим юридическую силу закон требует, чтобы каждая из сторон обладала необходимой для этого дееспособностью. Так, по законодательству Республики Беларусь дееспособность в полном объеме возникает у гражданина с наступлением совершеннолетия, то есть по достижении им 18-летнего возраста. Несовершеннолетние лица, вступающие в брак, заключают брачный договор только с согласия своих родителей, за исключением случаев приобретения несовершеннолетними дееспособности в полном объеме. Представительство сторон при заключении брачного договора не допускается. Как подчеркивает И. В. Бакаева, проблема о возможности заключения брачного договора через представителя по доверенности не получила общепризнанного понимания в литературе, так как при заключении брачного договора отмечается строго личный характер брачного договора [2, с. 16].

Заключение

Обобщая вышесказанное, приходим к следующему выводу, что брачные договоры в основном заключают лица, имеющие жизненный опыт и вступающие повторно в брак. Это объясняется желанием заранее предусмотреть неблагоприятные последствия, которые могут наступить в случае расторжения брака и, как результат, выразившиеся в распределении имущества. Еще одной категорией лиц, прибегающих к заключению брачного договора, выступают супруги, уже находящиеся на грани расторжения брака. Названные субъекты брачного договора делают это в целях экономии времени и денежных средств, поэтому раздел имущества осуществляется во внесудебном порядке. При этом увеличивается число брачных договоров в крупных городах, где более благоприятные условия для бизнеса, и, как следствие, для того супруга, который желает оградить свое имущество от раздела в случае распада семьи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Антокольская, М. В. Семейное право : учебник / М. В. Антокольская. – М. : Юрист, 2002. – 2-е изд., перераб. и доп. – 336 с.
2. Бакаева, И. В. Договорной режим имущества супругов: брачный договор / И. В. Бакаева // Законы России: опыт, анализ, практика, 2019. – № 1. – С. 12–18.
3. Семейное право: учебник / Б. М. Гонгало [и др.]: под ред. П. В. Крашенникова. – 4-е изд. перераб. и доп. – М. : Статут, 2019. – 318 с.
4. Сосипатрова, Н. Е. Брачный договор; правовая природа, содержание, прекращение / Н. Е. Сосипатрова // Государство и право. – 1999. – № 3. – С. 76–81.
5. Бондаренко, Н. Л. Имущественные отношения супругов как предмет правового регулирования гражданского и семейного права / Н. Л. Бондаренко, Т. М. Халецкая // Вестник Омского университета. Серия «Право», 2019. – Т. 16, № 4. – С. 77–87.

6. **Халецкая, Т. М.** Имущественные отношения в семейном и гражданском праве: о соотношении понятий // Проблемы гражданского права и процесса: сборник научных статей. Вып. 4 / Учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»; гл. ред. И. Э. Мартыненко; редкол.: А. М. Варгания [и др.]. – Гродно: ГрГУ им. Янки Купалы, 2019. – С. 153–163.
7. **Пчелинцева, Л. М.** Семейное право России: учебник для вузов / Л. М. Пчелинцева. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма. – 688 с.
8. **Злобина, Н. В.** О юридической сущности брачного контракта: гражданско-правовая сделка или супружеский контракт / Н. В. Злобина // Закон и право. – 2001. – № 8. – С. 16–21.
9. **Низамиева, О. Н.** Договорное регулирование имущественных отношений супругов: автореф. дис... канд. юрид. наук: 12.00.03 / О. Н. Низамиева; Казанский гос. ун-т. – Казань, 1999. – 24 с.
10. **Левушкин, А. Н.** Брачный договор в Российской Федерации, других государствах-участниках Содружества Независимых Государств и Балтии: учебно-практическое пособие. М.: Юстицинформ, 2012. – 208 с.
11. **Короткевич, М. П.** К вопросу о применении гражданского законодательства при договорном регулировании семейных отношений / М. П. Короткевич (п. 2.9) // Применение положений части первой ГК РФ при регулировании семейных отношений: проблема соотношения гражданского и семейного законодательства: монография / Ю. Ф. Беспалов [и др.]; отв. ред. Ф. Беспалов. – М.: РГ-Пресс, 2020. – С. 93–99.
12. **Короткевич, М. П.** Договорное регулирование личных неимущественных прав и обязанностей родителей в брачном договоре и соглашении о детях / М. П. Короткевич // Семейное право: современные проблемы теории и практики: материалы междунар. круглого стола, Минск, 16-17 окт. 2020 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: В. Н. Годунов (гл. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2020. – С. 172–183.
13. **Ананич, С. М.** Вопросы формирования содержания брачного договора / С. М. Ананич // Вести Нац. Акад. Наук Беларуси. Серия гуманитарных наук. – 2011. – № 3. – С. 45–52.
14. **Плиско, А. И.** Правовое регулирование имущественных отношений супругов: диссертация ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / А. И. Плиско; [Академия управления при Президенте Республики Беларусь]. – Минск, 2005. – 119 с.
15. **Невзгодина, Е. Л.** Соглашение о разделе имущества супругов и брачный договор / Е. Л. Невзгодина // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2012. – № 1 (30). – С. 63–69.
16. **Ховратова, С. Н.** Брачный договор как средство регулирования имущественных отношений супругов / С. Н. Ховратова // Семейное право: современные проблемы теории и практики: материалы междунар. круглого стола, Минск, 16-17 окт. 2020 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: В. Н. Годунов (гл. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2020. – С. 338–346.

Поступила в редакцию 19.05.2022 г.

Контакты: Novratova@msu.by (Ховратова Светлана Николаевна)

Khovratova S. N. ON THE ISSUE OF THE LEGAL NATURE OF MARRIAGE CONTRACT AS A MEANS OF REGULATION OF FAMILY RELATIONS

The article analyzes the legal regulation of marriage contract as a means of regulating property relations of spouses in the Republic of Belarus. The issues related to the definition of the categories of marriage contract subjects and the content of marriage contract are disclosed. Based on the results of the study, recommendations and proposals for improving family legislation are formulated.

Keywords: property rights of spouses, joint property of spouses, property regime, contractual regulation of family relations, marriage contract, subject of marriage contract.

УДК 343.2

АНАЛИЗ ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ ИНСТИТУТА ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

И. В. Буянова

старший преподаватель кафедры юридических дисциплин

БИП – Университет права и социально-информационных технологий

В статье исследуется правовая природа института освобождения от уголовной ответственности с позиций дифференциации, индивидуализации, реализации самой уголовной ответственности, компромисса, а также альтернативы уголовного преследования. Предлагается авторский взгляд на правовую природу данного института.

Ключевые слова: освобождение от уголовной ответственности, правовая природа института освобождения от уголовной ответственности, дифференциация, индивидуализация уголовной ответственности.

Введение

Освобождение от уголовной ответственности, будучи достаточно сложным институтом уголовного права, пробуждает интерес как отечественных, так и зарубежных авторов. Данной проблематике посвятили труды многие ученые.

Так, на диссертационном уровне институт освобождения от уголовной ответственности исследовали Г. Б. Виттенберг [1], С. Г. Келина [2], А. А. Магомедов [3], В. В. Сверчков [4], А. В. Ендольцева [5], В. А. Новиков [6], Я. М. Матвеева [7], О. Ю. Аввакумова [8] и другие. Среди белорусских ученых в более узких аспектах данный институт был проанализирован Р. А. Середой [9], Т. Г. Хатеневич [10].

Также свои труды по тем или иным вопросам институту освобождения от уголовной ответственности посвятили В. М. Хомич [11], Х. Д. Аликперов [12], Л. В. Головкин [13], А. В. Бриллиантов [14], Ю. В. Баулин [15] и многие другие авторы, ссылки на работы некоторых из них будут даны в основной части статьи.

Однако, несмотря на большое количество различного рода исследований в этой области, и, соответственно, точек зрения на данный институт, по-прежнему дискуссионными остаются вопросы, связанные с определением понятия «освобождение от уголовной ответственности», его правовой природы отраслевой принадлежности, соотношения с некоторыми принципами уголовного права и многое другое.

Не претендуя на субъективную исключительность, в статье предпринимается попытка проанализировать основные точки зрения на правовую природу освобождения от уголовной ответственности с обозначением собственной точки зрения по данному вопросу.

Основная часть

Институт освобождения от уголовной ответственности издавна имел и имеет ряд дискуссионных платформ для научного поиска и обсуждения. В их числе правовая (точнее, уголовно-правовая) природа данного института является одним из важнейших. Многие ученые затрагивают эту тему в своих трудах, и большое

количество точек зрения на данную проблематику не облегчает задачу, так как каждая точка зрения, обоснованная достаточно четко и подробно, имеет право на существование.

Ряд авторов придерживается точки зрения, выдвинутой Х. Д. Аликперовым, что освобождение от уголовной ответственности является нормативным отражением идеи компромисса в концепции современной уголовно-правовой борьбы с преступностью [12, с. 81].

А. П. Фильченко полагает, что компромисс состоит в том, что норма об освобождении от уголовной ответственности дает преступнику право требовать данного освобождения [16, с. 256], а сам уголовно-правовой компромисс – вынужденная мера, носящая характер уголовно-правовой сделки [16, с. 252].

По мнению Ю. В. Арсентьевой, посредством нормы об освобождении от уголовной ответственности законодатель рассматривает компромисс в качестве одного из альтернативных вариантов разумного разрешения конфликта криминального характера [17, с. 15].

А. А. Князьков считает, что теория компромисса имеет изъяны, однако автор не исключает его, утверждая, что уголовное законодательство позволяет выделить две основные формы освобождения от уголовной ответственности: стимул (побуждение лица к совершению позитивного посткриминального поведения, предоставление льготы при выполнении совокупности предъявленных законом условий) и компромисс (отказ государства от уголовного преследования лица независимо от характера поведения после совершения преступления ввиду высокой степени общественной опасности деяния или по иным основаниям), которые в совокупности характеризуют регулятивную функцию уголовного права [18, с. 92–93].

На наш взгляд, теория компромисса не отражает глубинной сущности института освобождения от уголовной ответственности, так как она не в состоянии подчеркнуть его самостоятельность и не способна связать его с фундаментальными категориями уголовного права, например, с категорией уголовной ответственности или уголовно-правовым воздействием. Данная теория зачастую переплетается с другими, например, отказом от государственного преследования, либо альтернативой уголовного преследования, о чем пойдет речь ниже. В виду отсутствия определенности, говорить о состоятельности данной теории не приходится.

Как уже упоминалось выше, в вопросе определения сущности освобождения от уголовной ответственности широко применяется понятие «альтернативы уголовному преследованию», которое проанализировано с позиции зарубежной уголовно-правовой регламентации в работе Л. В. Головки, который в частности, в первую очередь к альтернативным механизмам разрешения уголовно-правовых конфликтов отнес освобождение от уголовной ответственности [13, с. 251–253].

Мнение Л. В. Головки поддерживается многими авторами, однако и в данном случае у нас есть сомнения, что подобный подход определяет правовую природу освобождения от уголовной ответственности как института уголовного права. С позиции уголовно-процессуального порядка освобождения от уголовной ответственности вполне уместно говорить о некой альтернативе уголовному преследованию, однако в плоскости уголовного права природа исследуемого института не должна иметь ничего общего с альтернативой или компромиссом.

Еще одна не менее интересная теория исходит из тесной связи института освобождения от уголовной ответственности с фундаментальной категорией са-

мой уголовной ответственности и зачастую данный институт рассматривается как средство ее дифференциации и индивидуализации.

Так, А. А. Магомедов считает, что закон прямо указывает направление в определении категории преступления и категории лиц, к которым применяется освобождение, а это уже – индивидуализация ответственности [3, с. 152].

Схожая точка зрения и у А. В. Ендольцевой, по мнению которой освобождение от уголовной ответственности применяется не ко всем лицам, совершившим преступления, а лишь к лицам, совершившим преступление определенной категории или совершившим преступление впервые, к лицам, чье постпреступное поведение связано, например, с явкой с повинной, способствованием раскрытию преступления, возмещением причиненного ущерба, примирением с потерпевшим и т.д. Эти обстоятельства и указывают на индивидуализацию [5, с. 105].

Что касается дифференциации, А. А. Магомедов выделяет два основных ее направления. Первое – установление в законе суровых мер ответственности за тяжкие преступления, а также в отношении неоднократности, совокупности и рецидива преступлений, организованных форм преступной деятельности. Второе – смягчение уголовной ответственности вплоть до освобождения от нее за преступления небольшой тяжести, совершенные впервые [3, с. 144].

Т. А. Лесниевски-Костарева также считает, что освобождение от уголовной ответственности представляет собой дальнейшую дифференциацию уголовной ответственности. Все виды освобождения от уголовной ответственности, по ее мнению, дифференцируют ответственность в зависимости от характеристики общественной опасности преступления и личности виновного (его возраста, позитивного постпреступного поведения и т. д.) [19, с. 129].

В. П. Коробов пишет, что «сущность дифференциации уголовной ответственности состоит в обязанности лица, совершившего преступление, подвергнуться осуждению, наказанию и судимости», в «делении» мер ответственности, возлагаемых на лицо, в зависимости от различных обстоятельств, имеющих уголовно-правовое значение. По его мнению, одной из составляющих такого деления (то есть средством дифференциации) является освобождение от уголовной ответственности [20, с. 46].

Ю. В. Баулин не соглашается с тем, что освобождение от уголовной ответственности является институтом (средством) дифференциации уголовной ответственности. По его мнению, субъектом такой дифференциации выступает законодатель. Именно он в нормах, закрепленных в уголовном кодексе, дифференцирует еще заранее, до совершения преступления, потенциальную уголовную ответственность в отношении различных категорий преступлений и преступников. Освобождение же от уголовной ответственности – это прерогатива суда (по нормам уголовного законодательства Украины. – *И. Б.*), который не только не применяет тот масштаб дифференциации потенциальной уголовной ответственности, который заложил законодатель, а, наоборот, вообще отказывается от возложения на это лицо тех ограничений его прав и свобод, которые предусмотрел законодатель за совершенное им преступление. Таким образом, суд не дифференцирует уголовную ответственность в отношении данного лица, а на основании закона индивидуализирует подход к определению судьбы лица, совершившего преступление, а именно: освобождает его от уголовной ответственности [15, с. 45].

Вопрос о том, является ли освобождение от уголовной ответственности средством ее дифференциации и индивидуализации достаточно сложный. Отметим

лишь одно, на наш взгляд, глубинную правовую сущность анализируемого института нужно искать в еще более глобальной уголовно-правовой плоскости, связанной с категорией уголовно-правового воздействия.

Продолжая дальнейший анализ имеющихся научных воззрений, можно отметить, что некоторые исследователи правовой природы освобождения от уголовной ответственности относят его к формам реализации уголовной ответственности.

Например, С. Г. Келина полагает, что ответственность как правовое последствие преступного поведения может быть реализована и посредством освобождения лица от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям (с применением иных мер воздействия или без применения каких-либо мер воздействия) [5, с. 102].

Ю. В. Баулин считает, что надо либо считать такую реализацию с более раннего периода (например, как иногда считают, со дня совершения преступления, возбуждения уголовного дела или привлечения к уголовной ответственности), или признать, что освобождение лица от уголовной ответственности еще не является ни формой, ни стадией реализации уголовной ответственности [15, с. 44–45].

Так, по мнению А. В. Шидловского, конфликтные уголовно-правовые отношения в своем развитии не всегда ведут к реализации уголовной ответственности. Уголовно-правовое воздействие может осуществляться в рамках конфликтных правоотношений на стадиях применения принудительных мер безопасности и лечения либо исключения уголовной ответственности или освобождения от нее. Результатом развития таких правоотношений может быть признание деяния лица непроступным. Отсюда следует, что меры уголовно-правового воздействия могут применяться не только в связи с реализацией уголовной ответственности, но и при разрешении конфликта иным путем (например, через применение принудительных мер безопасности и лечения, освобождение от уголовной ответственности) [21, с. 79].

Все разнообразие подходов к определению правовой природы освобождения от уголовной ответственности, которое не может быть проанализировано в рамках данного исследования, дает возможность на основании имеющегося научного задела в данной области предложить собственную точку зрения, касающуюся данной проблематики.

По нашему мнению, освобождение от уголовной ответственности по своей правовой природе является мерой уголовно-правового воздействия, которое, будучи сложной правовой конструкцией, объединяет в себе функционально различные меры государственного принуждения в рамках реализации уголовной ответственности в единстве с системой обеспечения неотвратимости осуществления ее целей. В арсенале исследуемого института есть достаточно мощные средства, например, уголовно-правовая компенсация, способствующие закреплению идеи восстановительного правосудия, а не простого акта милосердия или компромисса, что, безусловно, хорошо, но без должного воздействия малоэффективно.

Таким образом, исследование природы освобождения от уголовной ответственности вряд ли можно считать законченным, многие авторы обращаются к данному институту в рамках других, более емких научных изысканий, что представляет большую теоретическую и практическую значимость.

Заключение

Резюмируя все вышеизложенное, стоит отметить, что исследование института освобождения от уголовной ответственности по-прежнему остается актуальным.

Несмотря на то, что привлечение к уголовной ответственности продолжает оставаться основной формой реакции на преступление, и во многих случаях это вполне оправдано, освобождение от нее, при наличии соответствующих оснований и условий, также с неизбежностью следует из общей концепции современного уголовного права, базирующегося не только на формальной, но и реальной оценке степени общественной опасности преступления и личности виновного, в том числе и его посткриминального поведения.

Освобождение от уголовной ответственности по своей правовой природе является мерой уголовно-правового воздействия, которое является сложной правовой конструкцией, объединяющей в себе функционально различные меры государственного принуждения в рамках реализации уголовной ответственности в единстве с системой обеспечения неотвратимости осуществления ее целей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Виттенберг, Г. Б.** Освобождение от уголовной ответственности и наказания с применением мер общественного воздействия : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Г. Б. Виттенберг. – Харьков, 1969. – 38 с.
2. **Келина, С. Г.** Теоретические проблемы освобождения от уголовной ответственности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / С. Г. Келина. – Москва, 1976. – 30 с.
3. **Магомедов, А. А.** Уголовная ответственность и освобождение от нее: эволюция правовых воззрений и современность: дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / А. А. Магомедов. – Москва, 1998. – 330 с.
4. **Сверчков, В. В.** Концептуальные основы решения проблем освобождения от уголовной ответственности: дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / В. В. Сверчков. – Нижний Новгород, 2008. – 567 с.
5. **Ендольцева, А. В.** Институт освобождения от уголовной ответственности: теоретические, законодательные и правоприменительные проблемы : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08, 12.00.09 / А. В. Ендольцева. – Москва, 2005. – 396 с.
6. **Новиков, В. А.** Освобождение от уголовной ответственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / В. А. Новиков. – Краснодар, 2003. – 18 с.
7. **Матвеева, Я. М.** Институт освобождения от уголовной ответственности в российском уголовном праве: модернизация и поиск альтернативных способов урегулирования уголовно-правового конфликта: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Я. М. Матвеева. – СПб., 2016. – 222 с.
8. **Аввакумова, О. Ю.** Уголовно-правовая регламентация освобождения от уголовной ответственности: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / О. Ю. Аввакумова. – Челябинск, 2007. – 212 с.
9. **Середа, Р. А.** Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим в уголовном праве Республики Беларусь: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Р. А. Середа. – Минск, 2010. – 143 с.
10. **Хатеневич, Т. Г.** Специальные основания освобождения от уголовной ответственности: системно-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Т. Г. Хатеневич. – Гродно, 2004. – 160 с.
11. **Хомич, В. М.** Институт освобождения от уголовной ответственности и институт прекращения (отказа от) уголовного преследования требуют разной правовой формы процессуального разрешения / В. М. Хомич // Судебная практика в контексте принципов законности и права : сб. науч. тр. / редкол.: В. М. Хомич (гл. ред) [и др.]. – Минск : Тесей. 2006. – С. 339–349.
12. **Аликперов, Х. Д.** Освобождение от уголовной ответственности / Х. Д. Аликперов. – Москва-Воронеж : Московский психолого-социальный институт; ИПК РК Ген. Прокуратуры РФ ; Воронеж : Изд. НПО «МОДЭК», 2001. – 128 с.
13. **Головки, Л. В.** Альтернативы уголовному преследованию в современном праве / Л. В. Головки. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. – 544 с.
14. **Бриллиантов, А. В.** Освобождение от уголовной ответственности с учетом обобщения судебной практики: научно-практическое пособие / А. В. Бриллиантов. – Москва : Проспект, 2015. – 112 с.
15. **Баулін, Ю. В.** Звільнення від кримінальної відповідальності : Монографія. – К. : Атіка, 2004. – 296 с.
16. **Фильченко, А. П.** Компромисс как метод уголовно-правового регулирования / А. П. Фильченко // Вестник Пермского Университета. Юридические науки. – 2013. – № 2(20). – С. 251–259.
17. **Арсентьева, Ю. В.** О природе института освобождения от уголовной ответственности / Ю. В. Арсентьева // Российский следователь. – 2006. – № 1. – С. 14–16.

18. **Князьков, А. А.** Институт освобождения от уголовной ответственности: правовая природа и оптимальные направления модернизации / А. А. Князьков // Юридическая наука. – 2015. – № 4. – С. 92–97.
19. **Лесниевски-Костарева, Т. А.** Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика / Т. А. Лесниевски-Костарева. – Москва : НОРМА, 1998. – 400 с.
20. **Коробов, В. П.** Понятие дифференциации уголовной ответственности / В. П. Коробов // Дифференциация формы и содержания в уголовном судопроизводстве. – Ярославль : Изд-во Ярославского ун-та, 1995. – С. 43–49.
21. **Шидловский, А. В.** Система мер уголовно-правового воздействия в 20-летней практике Уголовного кодекса Республики Беларусь 1999 г. / А. В. Шидловский // Журнал Белорусского государственного университета. Право. – 2019. – № 2. – С. 78–84.

Поступила в редакцию 20.05.2022 г.

Контакты: buyanova26@mail.ru (Буянова Ирина Владимировна)

Buyanova I. V. ANALYSIS OF THE LEGAL NATURE OF THE INSTITUTION OF EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY

The article examines the legal nature of the institution of exemption from criminal liability from the standpoint of differentiation, individualization, implementation of criminal liability, legal compromise, as well as alternatives to criminal prosecution. The author's view on the legal nature of this institution is offered.

Keywords: exemption from criminal liability, legal nature of the institution of exemption from criminal liability, differentiation, individualization of criminal liability.

УДК 343.24

ЛИШЕНИЕ ПРАВА ЗАНИМАТЬ ОПРЕДЕЛЕННЫЕ ДОЛЖНОСТИ ИЛИ ЗАНИМАТЬСЯ ОПРЕДЕЛЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ В СИСТЕМЕ НАКАЗАНИЙ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

А. А. Ларченко

аспирант

Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь

В статье рассмотрены аспекты законодательного регулирования применения наказания в виде лишения прав, прежде всего, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в системе наказаний зарубежных стран. В рамках статьи проанализированы нормы уголовного законодательства Восточной Европы (Польши, Латвии, Эстонии), Западной и Северной Европы (Англии, ФРГ, Нидерландов, Испании), Ближнего и Дальнего Востока (Японии, Китая, Израиля) в целях выявления общих черт в уголовно-правовом регулировании лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, как наказания или иного рода санкции за совершенное преступление. По результатам исследования автор предлагает реформировать отечественное уголовное законодательство в следующих направлениях: увеличить срок лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до десяти лет, а в предусмотренных законом случаях – навсегда; предусмотреть в уголовном законе конкретный перечень правоограничений в рамках этого наказания; создать сразу несколько механизмов наложения правоограничений, позволяющих налагать таковые даже в случае освобождения лица от уголовного наказания.

Ключевые слова: наказание, меры безопасности и исправления, лишение права занимать должности, лишение права заниматься деятельностью, уголовно-правовой запрет.

Введение

Уголовное право каждой страны обладает своими особенностями. Они проявляются в содержании основных уголовно-правовых институтов (уголовный закон, преступление, наказание), обусловленном историческими, национальными и культурными традициями, особенностями политического устройства общества, его экономики и многих других факторов. Сравнительно-правовой анализ уголовного законодательства зарубежных государств дает возможность определить плюсы и минусы подходов в сфере применения такого наказания, как лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, и выделить имеющийся положительный опыт его применения для реформирования белорусского законодательства.

В настоящей статье на основе системного, формально-юридического и сравнительно-правового анализа будут выявлены особенности правового регулирования применения наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью по уголовному праву Латвии, Польши, Эстонии, ФРГ, Испании, Нидерландов, США, Англии и Китая. Цель настоящего исследования – определить положительные моменты законодательного регу-

лирования применения наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью для имплементации в отечественное законодательство.

Основная часть

Уголовным кодексом Латвийской Республики (далее – УК Латвии) предусмотрено такое дополнительное наказание, как «ограничение прав», которое состоит в лишении виновного определенных прав или установление такого запрета, который не позволяет лицу использовать определенные права, занимать определенную должность, осуществлять определенную профессиональную деятельность или деятельность иного рода, посещать определенные места или мероприятия (ч. 1 ст. 44 УК Латвии) [1].

По общему правилу ограничение права назначается на срок от одного года до пяти лет. Однако с учетом вида и характера преступного деяния в предусмотренных уголовным законом случаях в отношении лица права могут быть ограничены и на более длительный срок, но не более десяти лет (ч. 2 ст. 44 УК Латвии) [1].

Отметим, что в соответствии с характером преступного деяния, ограничение прав суд может установить также в случаях, когда это наказание не предусмотрено санкцией соответствующей статьи УК Латвии, или назначить какое-либо ограничение прав дополнительно к уже предусмотренному санкцией (ч. 3 ст. 44 УК Латвии) [1].

Уголовный кодекс Республики Польша (далее – УК Польши), помимо наказаний предусматривает ряд уголовных мер, применяемых к виновному за совершение преступления.

К уголовным мерам относят ряд правоограничений: лишение публичных прав; запрет на занятие определенной должности или занятие определенной профессией, или ведения определенной коммерческой деятельности; запрещение деятельности, связанной с воспитанием, лечением, образованием несовершеннолетних или с заботой о них; запрет занимать должность или профессию либо работать в органах государственных и муниципальных учреждений, а также в компаниях, в которых республиканское или местное управление прямо или косвенно через другие юридические лица владеет не менее 10% акций или долей; запрет на вождение и т.д. (арт. 39 УК Польши) [2].

Согласно § 1 арт. 41 УК Польши суд может запретить занимать определенную должность или заниматься определенной профессией, если виновный злоупотребил своим положением или профессией, или выяснилось, что продолжение занятия должности или занятия профессией создает угрозу важным охраняемым законом правам. В уголовном законе Польши предусмотрен ряд оснований наложения такого запрета.

Запрет на занятие каких-либо или определенных должностей, выполнения профессии или деятельности, связанной с воспитанием, образованием, лечением или уходом за несовершеннолетними назначается на определенный срок или пожизненно в случае осуждения к лишению свободы за умышленное преступление против жизни или здоровья в ущерб несовершеннолетнему (§ 1а арт. 41 УК Польши) [2].

Запрет на занятия каких-либо или определенных должностей или выполнение каких-либо или определенных профессий, или выполнение какой-либо или кон-

кретной работы в государственных органах и учреждениях местного самоуправления, а также в коммерческих обществах, в которых не менее 10 процентов акций принадлежат государству, может быть наложен в случае осуждения публичного служащего за преступления по службе (§ 1 и 3-6 арт. 228; § 1 ст. 230; § 1 арт. 250 и т.д.) [2].

Суд может запретить ведение определенной экономической деятельности в случае осуждения за правонарушение, совершенное в связи с ведением такой деятельности, если ее дальнейшее ведение угрожает получением охраняемых законом значительных благ (§ 2 арт. 41 УК Польши) [УК Польши].

Эти запреты налагаются на срок от одного года до пятнадцати лет (§ 1 арт. 43 УК Польши). Суд выносит решение о пожизненном запрете, в случае повторного осуждения виновного (§ 1b арт. 41 УК Польши) [2].

В отличие от белорусского законодательства, в уголовном законе Польши отдельно предусмотрен запрет управлять средством передвижения определенного вида в случае осуждения лица, участвующего в движении, за преступление против безопасности движения (§ 1 арт. 42 УК Польши) [2].

Пенитенциарным кодексом Эстонии (далее – УК Эстонии) к основным видам наказания относится только лишение права управления транспортными средствами за уголовный проступок, связанный с нарушением правил безопасного движения или эксплуатации механического транспортного средства, воздушного или водного судна, а также трамвая или железнодорожного подвижного состава (ст. 481) [УК Эстонии].

Однако в качестве дополнительных наказаний, применяемых к физическому лицу за виновные деяния, в УК Эстонии предусматривается широкий перечень правоограничений: запрещение деятельности (ст. 49); запрет на занятие предпринимательской деятельностью (ст. 491); лишение права управления транспортными средствами (ст. 50); лишение права владения оружием и боеприпасами (ст. 51); лишение права охоты и рыбной ловли (ст. 52); лишение права допуска к сведениям, составляющим государственную тайну или являющихся засекреченной внешней информацией, и их обработке (ст. 521); запрет на содержание животных (ст. 521). Так, за мошенничество, злоупотребление доверием, дачу взятки или посредничество в даче взятки, торговлю, влияние или преступление, направленное против общественного доверия, предоставление возможности работы иностранцу, находящемуся в Эстонии без законного основания, либо преступление в экономической сфере суд может применить в качестве дополнительного наказания запрет на занятие предпринимательской деятельностью на срок от одного года до пяти лет [3].

Уголовный кодекс Федеративной Республики Германия (далее – УК Германии) предусматривает несколько путей наложения на виновного правоограничений за совершенное преступление. Во-первых, в качестве дополнительного наказания виновному может быть назначен запрет управлять транспортным средством (§ 44). Во-вторых, в качестве дополнительного последствия осуждения виновный может утратить пригодность занимать определенные должности, лишен права быть избранным и права голоса (§ 45). В-третьих, в качестве мер исправления и безопасности лицо может быть лишено водительских прав либо права заниматься определенной профессиональной деятельностью (§ 69, 70) [4, с. 97, 99, 120–121].

Запрет управления транспортным средством налагается в качестве дополнительного наказания к штрафу или лишению свободы на срок от одного до шести

месяцев. Отметим, что запрет налагается на управление транспортным средством любого или определенного вида. При этом даже если преступное деяние было совершено не в связи с управлением транспортным средством, этот запрет все равно может быть назначен, если это представляется необходимым для оказания воздействия на виновного или для защиты правопорядка или с целью избежать назначения наказания в виде лишения свободы или его исполнения (ч. 1 § 44) [4, с. 97].

Существуют случаи, при которых не требуется, чтобы лишение прав специально назначалось судом. Оно наступает автоматически, как «дополнительное последствие» основного наказания [5, с. 98]. По факту осуждения к лишению свободы на срок не менее одного года, осужденный утрачивает пригодность занимать общественные должности и осуществлять права, получаемые в результате участия в общественных выборах (ч. 1 § 45). Суд может и специально применить эту меру на срок от двух до пяти лет, в случаях, специально предусмотренных законом (ч. 2 § 45). Осужденный может восстановить по решению суда утраченные права, если фактически истекла половина срока и ожидается, что в будущем осужденный не совершит умышленных преступлений (§ 45b УК ФРГ) [4, с. 99].

К мерам исправления и безопасности наряду с другими относятся лишение водительских прав (§ 69 УК ФРГ) и запрещение заниматься определенной профессиональной деятельностью (§ 70 УК ФРГ). При этом они назначаются отдельно от наказаний и не связаны с тяжестью преступления [4, с. 120–121].

Запрет заниматься определенной профессиональной деятельностью назначается в отношении того, кто злоупотребил своей профессиональной или коммерческой деятельностью или грубо нарушил связанные с этой деятельностью обязанности, на срок от одного года до пяти лет, если общая оценка личности исполнителя и совершенного им деяния свидетельствует об опасности того, что при дальнейшем занятии профессиональной деятельностью или коммерческой деятельностью лицо будет совершать преступления. Запрет заниматься определенной профессиональной деятельностью может быть назначен навсегда, если суд придет к выводу, что установленный законом максимальный срок запрета недостаточен для устранения опасности, исходящей от исполнителя [4, с. 120–121].

Уголовный кодекс Королевства Испании (далее – УК Испании) относит лишение всех или определенных прав к основным или дополнительным видам наказания.

Согласно ст. 32 УК Испании лишение определенных прав может выступать как основным, так и дополнительным видом наказания. Другим основанием классификации наказаний, в том числе и лишения прав, является их деление по характеру и продолжительности наказания на: строгие, менее строгие и небольшие. Так, полное поражение в правах является строгим видом наказания, а специальное поражение в правах на срок до пяти лет является менее строгим наказанием [6].

Систему наказаний в виде лишения прав, в соответствии со ст. 39 УК Испании, составляют:

- абсолютное поражение в правах;
- специальное лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, лишение родительских прав, права на опеку и попечительство, пассивного избирательного права или какого-либо другого права;
- отстранение от должности;
- лишение права на управление транспортным средством;
- лишение права на хранение и ношение оружия;

- лишение права проживать в определенных местах или посещать их;
- запрет приближаться к потерпевшему или к тем из его родственников или другим лицам, которых определит суд;
- запрет на переписку с потерпевшим или с теми из его родственников или другими лицами, которых определит суд;
- общественно-полезные работы [7].

Таким образом, в соответствии со ст. 39 УК Испании, к наказанию в виде лишения прав занятия определенной должности или определенной деятельностью фактически относятся сразу несколько: абсолютное поражение в правах, лишение права заниматься определенным видом деятельности, отстранение от должности, лишение права на управление транспортным средством. Это самостоятельные наказания, схожие по своей природе и налагаемым правоограничениям, однако закрепленные в отдельных статьях уголовного закона Испании, и характеризующиеся собственными правилами назначения [8].

В статье 42 УК Испании раскрывается сущность наказания в виде лишения права заниматься определенной деятельностью. Лишение права на занятие определенным видом деятельности представляет собой лишение всех почестей и должностей, которые занимает осужденный. Кроме того, в течение срока действия приговора, осужденный не может получать такие же или какие-либо другие почести и должности, назначаться на определенные должности [8].

Существование наказания в виде лишения прав в УК Испании имеет несколько проблемных аспектов. Так, А.Р. Абакаров отмечает недостатки уголовно-правового регулирования этого наказания: разнородность наказания в виде лишения прав, в результате чего одни правоограничения выступают основными наказаниями, другие дополнительными; отсутствие единства доктрины и законодательства в оценке этого наказания; это наказание, связанное с лишением прав в случае, если оно является дополнительным, имеет недостаточную устрашающую силу и, кроме того, может являться элементом, который препятствует процессу социальной реабилитации [7].

Уголовный кодекс Нидерландов (далее – УК Нидерландов) предусматривает значительно меньше способов лишения прав осужденных. Лишение определенных прав относится к дополнительным видам наказания. Осужденный может быть лишен следующих прав: занимать государственную должность или определенные должности, служить в вооруженных силах; избирать членов общих представительных органов или выставлять свою кандидатуру на выборах в эти органы; быть советником в судах или административным должностным лицом, заниматься определенной, деятельностью (ст. 28) [9, с. 148].

При этом лишение права занимать государственную должность или определенные должности и служить в вооруженных силах может быть назначено, если преступник осужден за преступление, в ходе совершения которого он нарушил определенные должностные обязанности, или, если он использовал полномочия, возможности или средства, предоставленные ему в силу должности (ст. 29 УК Нидерландов) [9, с. 148–149].

Отметим особый механизм в УК Нидерландов назначения наказания в виде лишения прав за совокупность преступлений. Наказания в виде лишения одних и тех же прав могут объединяться в одно наказание, срок которого может превышать основное наказание или основные назначенные наказания не менее чем на два и

не более чем на пять лет. При этом наказание в виде лишения различных прав должны назначаться за каждое преступление отдельно и без смягчения (ст. 60 УК Нидерландов) [9, с. 148–149]. Влияние разной природы правоограничений на сроки назначенного наказания является механизмом, обеспечивающим соразмерность наказания тяжести содеянного, и рекомендуется к заимствованию в отечественное законодательство.

Уголовный кодекс Китайской Народной Республики (далее – УК КНР) делит наказания на основные и дополнительные. Лишение политических прав относится к дополнительным видам наказания, которые могут применяться самостоятельно (ст. 34) [10, с. 43].

В соответствии со ст. 54 УК КНР, лишение политических прав заключается в лишении осужденного следующих прав:

- 1) права избирать и права быть избранным;
- 2) права свободы слова, печати, собраний, союзов, уличных шествий и демонстраций;
- 3) права занимать должности в государственных органах;
- 4) права занимать руководящие должности в государственных компаниях, на предприятиях, в учреждениях и общественных организациях [10, с. 47].

Предусматриваются УК КНР и конкретные случаи назначения лишения политических прав в качестве обязательного (преступления против государственной безопасности) и факультативного (убийство, изнасилование, поджог, взрыв, ограбление и другие тяжкие преступления, нарушающие общественный порядок) наказания (ст. 54) [10, с. 47–48].

Лишение политических прав устанавливается на срок от одного года до пяти лет (ст. 55 УК КНР). Осужденные к смертной казни, бессрочному лишению свободы пожизненно лишаются политических прав (ст. 57 УК КНР) [10, с. 47–48].

Предусматривается в китайском уголовном законе и другой механизм запрета занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Осужденному за преступление с использованием должностного положения или в нарушение специальных требований по профессиональной обязанности народный суд, учитывая обстоятельства совершения преступления и потребности предупреждения преступности, может запретить заниматься соответствующей профессией в течение трех–пяти лет со дня отбытия наказания или условно-досрочного освобождения (ст. 37-1 УК КНР) [10, с. 44]. Этот механизм близок к предусмотренному в отечественном уголовном законодательстве механизму исполнения наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в случае назначения его дополнительно к лишению свободы.

Уголовное право Англии имеет два основных источника – статуты (парламентское неcodифицированное законодательство) и судебные прецеденты [11, с. 53].

Самым известным сборником законов является «Собрание законов Англии» Хэлсбери. В этом Собрании уголовному праву отведено два тома: 11(1) и 11(2). Помимо общего права, уголовное законодательство о взяточничестве составляют три следующих закона: Закон о взяточничестве в публичных организациях 1889 года; Законы о предупреждении коррупции 1906 и 1916 годов [11, с. 54].

Этими законами предусматриваются условия уголовной ответственности за взяточничество и наказания за нее. Наряду с лишением должностного лица свободы

и (или) присуждения штрафа, суд может лишить его права в течение 5 лет быть избранным или назначенным на какую-либо публичную должность. При повторном совершении подобного преступления суд может в качестве дополнительного наказания признать его вообще неспособным занимать публичную должность, а также в течение 5 лет запретить ему регистрироваться в качестве избирателя или голосовать на выборах в парламент или в другую публичную организацию. При осуждении чиновника или служащего по найму какой-либо публичной организации суд может лишить его права на компенсацию или пенсию, которые полагались бы ему по закону [11, с. 55–56]. Отстранением виновного от должности, наряду со штрафом или лишением свободы до 2 лет, наказывается и такое преступление, как сознательно небрежное исполнение должностным лицом его обязанностей [11, с. 59].

Система уголовного права США не является единой, а делится на федеральное законодательство и законодательство штатов и округа Колумбия [12, с. 89].

Основной федеративного уголовного законодательства выступает Титул 18 Свода законов США от 28 июня 1948 г. (далее – Свод законов), состоящий из Общих начал (представляющих собой, по существу, Общую часть уголовного права) и самостоятельных глав, содержащих положения о конкретных видах преступлений [12, с. 90].

Свод законов США предусматривает лишение прав и запрет занимать определенную должность или заниматься деятельностью в качестве дополнительных видов наказания [13, с. 32].

Примерный уголовный кодекс США от 1962 г. (далее – Примерный УК), хотя и не является действующим нормативным правовым актом, однако выступил основой для совершенствования и внесения изменений в существующие уголовные кодексы штатов [12, с. 90], в связи с чем его целесообразно оценивать как самостоятельный источник уголовно-правовых норм.

В разделе 306 части 3 Примерного УК закреплены правоограничения, налагаемые на осужденное лицо, и основания их наложения. Согласно, ст. 306.2 Примерного УК, одним из таких правоограничений выступает утрата публичной должности лицом, занимающим такую должность, если:

- 1) оно осуждено по законам за совершение фелонии;
- 2) оно осуждено за совершение преступления, включающего в себя злоупотребление этой должностью или бесчестное поведение;
- 3) это предусмотрено Конституцией или иным статутом [14].

Согласно Уголовному кодексу штата Техас, суд независимо от основного наказания может отстранять осужденного от должности или запрещать заниматься определенной деятельностью [15, с. 117].

Исходя из анализа источников англосаксонской правовой системы, в ней, как и в романо-германской системе права, устойчиво прослеживается подход к лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью как дополнительному наказанию.

Существует ряд стран, в уголовных законах которых отсутствует лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в качестве наказания (Швеция, Израиль, Япония и др.). Как правило, в этих случаях правоограничения предусматриваются иными правовыми актами, не являющимися источниками уголовного права.

Заклучение

В уголовном законодательстве большинства зарубежных государств лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью является частью санкции, применяемой к осужденному лицу. Существуют разнообразные механизмы наложения на виновного правоограничений: в качестве основного наказания; в качестве дополнительного; в качестве исправления и безопасности; в качестве дополнительного последствия осуждения.

В уголовных законах, как правило, существует несколько видов наказаний, связанных с лишением прав, которые представляют собой конкретные правоограничения. Такой подход позволяет снизить количество случаев необъективного наложения судом правоограничений на виновного.

Сроки лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в качестве основного и дополнительного наказания отличаются от страны к стране. Однако, как правило, эти сроки более длинные, чем предусмотрены для аналогичного наказания в отечественном законодательстве. При этом допускается возможность пожизненного лишения лица прав в случаях, прямо предусмотренных законом (повторность, совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, тяжесть последствий).

Таким образом, считаем положительным законодательным опытом, рекомендуемым к имплементации в отечественное законодательство следующие аспекты лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью из зарубежного уголовного законодательства: законодательное закрепление наложения на осужденного лишения права на срок до десяти лет, а в предусмотренных законом случаях – навсегда; фиксирование в уголовном законе конкретных перечней правоограничений в рамках такого наказания, как лишение прав; наличие сразу нескольких механизмов наложения правоограничений, позволяющих их налагать даже в случае освобождения лица от уголовного наказания.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Уголовный кодекс Латвийской Республики [Электронный ресурс] : принят Сеймом 19 июня 1998 г., в ред. Закона Латвийской Респ. от 21.04.2016 г. // Юридическое бюро Александра Хрулёва. – Режим доступа: <http://www.alex-lawyer.lv/ugolovnijzakonlatviirus.pdf>. – Дата доступа: 07.05.2022.
2. Уголовный кодекс Республики Польша [Электронный ресурс] : принят Сеймом 01 янв. 1997 г. // ISAP. – Режим доступа: <https://isap.sejm.gov.pl/isap.nsf/download.xsp/WDU19970880553/U/D19970553Lj.pdf>. – Дата доступа: 07.05.2022.
3. Пенитенциарный кодекс Эстонской Республики [Электронный ресурс] : принят 6 июня 2001 г., в ред. Закона Эстонской Респ. от 20.02.2019 г. // Сайт Министерства юстиции Эстонской Республики. – Режим доступа: <https://v1.juristaitab.ee/sites/www.juristaitab.ee/files/elfinder/ru-seadused/ПЕНИТЕНЦИАРНЫЙ%20КОДЕКС%2004.03.2021.pdf>. – Дата доступа: 07.05.2022.
4. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии / под науч. ред. Д. А. Шестаковой ; пер. с нем. Н. С. Рачковой. – Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2003. – 524 с.
5. **Минина, В. В.** Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в зарубежном уголовном законодательств / В. В. Минина // Государство и право : актуальные проблемы формирования правового сознания : сб. ст. II Междунар. науч.-практ. конф., Могилев, 30 нояб. 2018 г. / Могилев. гос. ун-т имени А.А. Кулешова ; под ред. Н. В. Пантелеевой. – Могилев, 2019. – С. 95–99.
6. Уголовный кодекс Испании / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, Ф. М. Решетникова ; пер. с исп. В. П. Зыряновой, Л. Г. Шнайдер. – М. : ЗЕРЦАЛО, 1998. – 213 с.
7. **Борсученко, С. А.** Система наказаний по Уголовному кодексу Испании / С. А. Борсученко // Электронная библиотека «КиберЛенинка». – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-nakazaniy-po-ugolovnomu-kodeksu-ispanii>. – Дата доступа: 07.05.2022.

8. **Абакаров, А. Р.** Система наказаний по Уголовному кодексу Испании / А. Р. Абакаров // Электронная библиотека «КиберЛенинка». – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/nakazaniya-svyazannye-s-lisheniem-prav-ro-ugolovnomu-pravu-ispanii>. – Дата доступа: 07.05.2022.
9. Уголовный кодекс Испании [Электронный ресурс] : принят 23 ноя. 1995 г., в ред. Закона Испании от 07.03.2007 г. // Юридическая Россия. – Режим доступа: <http://web.archive.org/web/20200918171618/http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1247923>. – Дата доступа: 07.05.2022.
10. Уголовный кодекс Голландии / под науч. ред. Б. В. Волженкина ; пер. с англ. И. В. Мироновой. – 2-е изд. – Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2001. – 510 с.
11. Уголовный кодекс Китая / под ред. А. И. Коробеева, А. И. Чучаева, пер. с китайского Хуан Даосю. – М. : ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИРМА КОНТРАКТ, 2017. – 256 с.
12. Ответственность за должностные преступления в зарубежных странах / Т. В. Апарова [и др.] ; отв. ред. Ф. М. Решетников. – М. : Юридическая литература, 1994. – 128 с.
13. Уголовное право зарубежных стран : учебное пособие / Л. С. Аистова, Д. Ю. Краев. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2013. – 132 с.
14. **Малиновский, А. А.** Уголовное право зарубежных стран / А. А. Малиновский. – М. : Новый Юрист, 1998. – 128 с.
15. Примерный уголовный кодекс США [Электронный ресурс] : принят 4 мая 1962 г. // Российский правовой портал «Библиотека Пашкова». – Режим доступа: <https://constitutions.ru/?p=5849>. – Дата доступа: 07.01.2022.

Поступила в редакцию 12.05.2022 г.

Контакты: larchenko126@mail.ru (Ларченко Александр Анатольевич)

Larchenko A. A. DEPRIVATION OF THE RIGHT TO HOLD CERTAIN POSITIONS OR ENGAGE IN CERTAIN ACTIVITIES IN THE PENAL SYSTEM OF FOREIGN STATES

The article deals with the aspects of legislative regulation of the application of punishment in the form of deprivation of rights, primarily deprivation of the right to hold certain positions or engage in certain activities in the system of punishment of foreign countries. The article analyzes the norms of the criminal legislation of Eastern Europe (Poland, Latvia, Estonia), Western and Northern Europe (England, Germany, the Netherlands, Spain), the Middle and Far East (Japan, China, Israel) in order to identify common features in the criminal legal regulation of the deprivation of the right to occupy certain positions or engage in certain activities as a punishment or other kind of sanction for a crime committed. Based on the results of the study, the author proposes to reform the domestic criminal legislation in the following directions: to increase the period of deprivation of the right to hold certain positions or engage in certain activities for up to ten years, and in cases provided for by the law – forever; to provide in the criminal law a specific list of legal restrictions within the framework of this punishment; to create several mechanisms for imposing legal restrictions at once, allowing them to be imposed even if a person is released from criminal punishment.

Keywords: punishment, security measures and corrections, deprivation of the right to hold positions, deprivation of the right to engage in activities, criminal law prohibition.

ДЛЯ ЗАЎВАГ

Пераклад тэкстаў рэфератаў артыкулаў
на англійскую мову
Я. В. Рубанав

Тэхнічныя рэдактары: *А. Р. Роскач, Л. І. Будкова*
Камп'ютарны набор і вёрстка *С. А. Кірыльчык*
Карэктар *І. Г. Каржова*

Падпісана да друку .08.2022 г.
Фармат 70х108¹/16. Папера афсетная. Гарнітура Times New Roman.
Ум.-друк. арк. 12,3. Ул.-выд. арк. 12,7. Тыраж 100 экз. Заказ № .

Установа адукацыі “Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт
імя А.А. Куляшова”, 212022, Магілёў, Касманаўтаў, 1.
Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы,
распаўсюджвальніка друкаваных выданняў № 1/131 ад 03.01.2014 г.

Унітарнае паліграфічнае камунальнае прадпрыемства
“Магілёўская абласная ўзбуйненая друкарня імя С. Собаля”
ЛП № 02330/23 ад 30.12.2013 г.
вул. Першамайская, 70, 212030, г. Магілёў